

СУМГАИТСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ОЧЕВИДЦЕВ

Книга вторая



Ереван
2015

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ

«...Правосудие „не заметило“ всего-навсего главного: сумгаитские погромы – не стихия разбушевавшихся „хулиганствующих элементов“, а тщательно организованный геноцид армянского народа», – писала известная российская журналистка и правозащитница Лидия Графова в статье «Без покаяния. Свобода убивать была провозглашена три года назад в Сумгаите», опубликованной в 1991 году в газете «Демократическая Россия» и включенной в настоящий сборник.

С тех пор прошли десятилетия, однако трагедия армян Сумгаита, как и в целом геноцид армян на территории Советского Азербайджана, пока не получили должной правовой и политической оценки. Более того, истина о событиях конца февраля 1988г. остается нераскрытой до конца, поскольку материалы следствия и судов, а также многие документальные свидетельства совершенного преступления практически захоронены в недоступных исследователям архивах государства-преступника – Азербайджана.

В 1989 году благодаря подвижничеству журналиста и публициста Самвела Шахмурадяна и его соратников вышел в свет первый том сборника «Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев». Тираж книги, которая впоследствии была переведена на 9 языков, составил всего 1100 экземпляров, и она очень скоро стала библиографической редкостью. В рамках проекта «Обыкновенный геноцид», реализуемого Центром общественных связей и информации Аппарата президента Республики Армения, первый том этого беспрецедентного сборника в 2013 году был переиздан и дополнен фотографиями и документами.

Однако оставался незавершенным замысел трагически погибшего в 1992г. на Карабахском фронте С. Шахмурадяна: опубликовать второй и третий тома сборника. Собранный сотрудниками Центра архив материалов, многие из которых являются уникальными, дает возможность восполнить этот пробел.

Во второй том сборника вошли свидетельства 26-летней давности, а также записанные на видео в 2013 году воспоминания сумгаитцев, проживающих в настоящее время в Армении и НКР. Кроме того, в него включена часть материалов

уголовных дел по сумгаитским событиям, расследованных в 1988г. прокуратурой Армянской ССР и размещенных в настоящее время на сайте Генеральной прокуратуры РА, а также ряд неизвестных до сих пор широкой публике документов и фотографий. Полностью эти материалы, в том числе видеосвидетельства, опубликованы на сайте karabakhrecords.info.

В сборник вошли также несколько публикаций в прессе, в том числе известная статья Армена Оганесяна «Водораздел», которая в ноябре 1988г. впервые приоткрыла перед советским читателем завесу сумгаитского кошмара. Мы также сочли необходимым вновь, как и в первом томе, опубликовать свидетельства о смерти 26 мучеников «сумгаита». Напомним, что точное число убитых в Сумгаите армян, а также советских военнослужащих тщательно скрывается Азербайджаном и неизвестно до сих пор.

Как и переизданный первый том, мы посвящаем второй том книги светлой памяти всех мучеников Сумгаита. Мы посвящаем его светлой памяти Самвела Шахмурадяна, сделавшего все для того, чтобы правда о «сумгаите» не была забыта. Вслед за ним мы повторяем: «Придет время, и откроется вся правда о сумгаитской трагедии». И добавляем: «Сумгаитский «нюрнберг» еще впереди».

Марина Григорян
руководитель проекта «Обыкновенный геноцид»

АРУСТАМЯН ЛЕНА ИШХАНОВНА

Проживала в Сумгаите по адресу: 2-й квартал, дом 6а, кв. 5

27 февраля соседка сверху позвала меня к себе в квартиру и сказала, что армян в городе убивают. Она предложила мне с детьми перебраться к ней. Мужа моего не было в это время дома. Я оставила у нее детей, а сама побежала на работу к мужу, чтобы предупредить его.

По дороге смотрю – идет толпа, огромная. Они все кричали что-то, в руках у каждого – арматура, палки, дубинки. Я испугалась, вернулась к соседке, смотрела через окно. Потом снова вышла и на дороге увидела, как молодая девушка – лет 17 – убегает от толпы. Они ее настигли, повалили и начали избивать. Она тут закричала, мол, я русская, не бейте меня. А они в ответ: “Нам все равно, кто ты, все равно всех убьем”. Она все пыталась убежать от них, спрятаться в подвале, но не смогла. С нее сорвали всю одежду и били, мучили... Что стало с этой девушкой потом – не знаю. Я не выдержала и вернулась домой.

Спустя какое-то время постучали в дверь. Посмотрела в глазок – вижу двое мужчин в военной одежде. На мой вопрос ответили, что они русские военные, пришли нас спасать. Я обрадовалась, открыла дверь. Они попросили воды, я дала им банку с компотом, они спустились во двор пить. Через окно виден был стоявший у здания танк. Я увидела, что азербайджанцы взобрались на танк и хотят снять с него клапаны. Русские ребята кинулись на них, чтобы отогнать от танка, но те не слушали их. Тут один из русских развернул танк и наехал на азербайджанцев. Только после этого они в испуге разбежались.

Через 2 часа снова постучали к нам в дверь и предложили собраться и поехать с ними. Мол, мы вас спасем, отвезем в клуб, все армяне там собираются. Я тогда была с одним сыном, трое других служили в армии. Мужа я так и не нашла. Нас посадили в милицейскую машину, заперли как арестованных – дверь, решетка, снова дверь и снова решетка. Говорят, для безопасности. Наверху крошечная лампочка горит, а сердце у меня колотится – кто эти люди и куда везут нас?

Привезли в клуб. Возле здания – груды камней, их швыряли в армян. Завели

нас в помещение. Что там творилось... Крики, стоны, плач, везде раненые, окровавленные, забинтованные люди. Что только не пришлось мне услышать в те дни – невозможно передать. Привезли женщину, всю изрезанную ножом, девушку, которую укладывали лицом на зажженную газовую плиту – все лицо у нее было обожжено, одна сплошная рана. Было много детей, стариков. Женщин помню с отрезанными грудями, измученных, изнасилованных. Кровь текла рекой, санитары не успевали помогать раненым. Невозможно рассказать обо всем...

Оставались мы там 2 дня. Помню, как-то пронесся слух, что турки собираются подорвать клуб, опять началась паника. Муж начал уговаривать меня вернуться домой. Мы пришли домой – это было уже начало марта, вроде успокоилось все. Но 8 марта муж решил все-таки уехать в Ереван. Я взяла альбомы с фотографиями наших детей, завернулась в одеяло вместе с ребенком и села в машину. Поехали. Всюду лежал снег, трудно было ехать, холодно. По дороге ребенок захотел мяса. Я пыталась его отговорить, но он уперся – хочу жареное мясо и все. Тут мы подъехали к какой-то закусочной, где продавали шашлык. Муж остановился и вышел купить. Но оказалось, что это были не шашлычники - стоявшие у мангала люди специально поджидали армян. Я начала по-азербайджански кричать мужу, чтобы он вернулся, он мне ответил, мол, не волнуйся. Они приняли нас за азербайджанцев и сами рассказали, что поджидают армян, чтобы расправиться с ними.

Муж сел в машину и мы уехали. Повезло... Фактически даже в марте, после того как все вроде бы успокоилось, на окраинах все еще продолжали ловить, нападать и преследовать армян.

5 июля 2013г., Степанакерт

Видеоинтервью доступно на сайте www.karabakhrecords.info

КНАРИК АВETИСЯН

Проживала в Сумгаите по адресу: 30-й квартал, дом 9, кв. 13

26 февраля я сидела дома и услышала шум со двора. Посмотрела в окно и увидела группу из 30-40 молодых людей с самодельными транспарантами, выкрикивающих “Смерть армянам!”. Под нашим зданием был продуктовый магазин, они разгромили его, сломав все стекла. Я про себя подумала, что же это творится, а они уже пошли наверх, опять все громя на своем пути. Тут я испугалась. Но потом все же спустилась в магазин. Стою в очереди, и тут мне знакомая говорит: “Кнарик, ты что здесь делаешь? Не слышала разве, на армян нападают, убивают?”. А я ей ответила – кто нападает? Я сама на кого хочешь нападую, пусть только сунутся. В очереди была еще одна армянка, она тут же ушла. А я спокойно покупаю, хотя все на меня странно смотрят.

Пришла домой. И тут в дверь постучали какие-то знакомые и предупредили, чтобы мы были осторожны и не выходили, потому что на армян нападают. Зять мой был дома, а сына я послала в магазин купить кое-что. Он пошел и увидел, что возле магазина сгрудились молодые ребята. Он спросил у них – мол, что продают? А они ему так насмешливо: “Армян продают”. И сразу кто-то сзади схватил его за куртку. Тут он понял, что дело плохо, сорвался с места и - бежать что было духу. Примчался домой и говорит мне: “Мам, ситуация плохая, нельзя выходить из дому”. Весь город уже гудел, повсюду беспорядки и погромы идут.

А дочка моя беременная, вот-вот рожать. Но я не дала ей ехать в больницу. Мы жили на 5-м этаже, в доме 15 армянских семей было. Вечером собрались думать – что делать. И решили, что единственное спасение – на крыше. Пожилые люди, женщины, дети, беременные – все поднялись на крышу. Мужчины наполнили бутылки бензином и сделали фитиль, чтобы как-то защищаться, если они сунутся сюда. А бутылки уложили вокруг люка, чтобы в случае чего сразу поджечь. И еще подсоединили лестницы к электричеству – умирать так умирать... Сидим на крыше, а погода ужасная: сильный ветер, густой снег, холод. Два дня просидели, но к нашему дому они не подошли. Потом все-таки спустились – уже

невозможно было сидеть там. Была в доме одна учительница-азербайджанка, она нас все успокаивала, обещала помочь. Мужа ее погромщики заставили присоединиться к банде, а она впустила к себе домой армян. Нас было три семьи, мы потушили свет и оставались там 2 дня. Потом пришел ее муж и сказал, что банды уже заходят в дома азербайджанцев, ищут – кто прячет армян, и если найдут нас, то и им самим не сдобровать. Пришлось снова уйти на крышу. Мы сидели там ночью и слышали со всех сторон крики, плач, шум... Страшно было так, что не передать.

И тут мы увидели, как к нашему дому подъехал БТР и солдаты начали собирать людей. Мы попросили учительницу позвонить и попросить, чтобы и за нами прислали. Она молодец, позвонила, приехал автобус. Милиционеры так и шастали глазами по квартирам армян - чем бы поживиться. Нам велели взять самое необходимое и сесть в автобус. Машина тронулась, и тут мы замечаем, что не туда едем, не в горсовет, как нам сказали. Мужчины тут же сказали водителю, чтобы ехал прямо в горсовет, и он поехал. Мы так и не поняли - куда нас сначала собирались везти. Приехали в горсовет, а там такое творится... Народу полно, все сидят на полу. Молодые девушки со сплошными синяками по всему телу, со следами потушенных сигарет, изнасилованные, измученные. Там мне знакомый рассказал об увиденном своими глазами, про девушку, которую обнаженной водили по городу, тушили об нее сигареты, она беременная была, единственная дочь своих родителей. Долгое время у них с мужем не было детей, и вот наконец она забеременела. Возле больницы она упала, уже была не в себе... Какой-то пожилой азербайджанец подошел, пристыдил ее мучителей – мол, у вас сестер, матерей нет, что вы делаете? И снял с себя плащ, чтобы прикрыть ее. На него тоже напали, избili до полусмерти¹.

1. По всей вероятности, речь о Лоле Авакян. 29 февраля после нападения на квартиру 27-летнюю Лолу Авакян вывели из дома, раздели, заставили танцевать, кололи ножами, резали грудь, тушили на теле сигареты, изнасиловали. Согласно свидетельствам, отец – Павел Манвелян нашел тело дочери в море в Мардакянах. Оно было настолько изуродовано, что женщину удалось опознать только по особой примете на мизинце руки. Лола была на шестом месяце беременности.

Дополнительные материалы и фото - на www.karabakhrecords.info.

Еще мне рассказали о семье армян, их мотоцикл подожгли, а их самих вытащили из подвала и бросили в этот костер. Соседка моей золовки рассказала об одном маляре, который в этот день вышел на работу на свой завод. На него все смотрели как на сумасшедшего. И в “красном уголке” завода он увидел море крови... В ужасе выбежал – и домой. Он вспоминал, что накануне во дворе экскаватором ломали асфальт, а в этот день там все уже было засыпано. И он понял, что фактически там захоронили убитых. Говорят о 27 убитых в Сумгаите армянах, но на самом деле было гораздо больше.

6 июля 2013г., Степанакерт

Видеоинтервью доступно на www.karabakhrecords.info

ИВАН (ВАНИК) ЕНОКОВИЧ ВАНЯН

Родился в 1940 г.

Работал сантехником в Сумгаитском горисполкоме

Проживал с семьей по адресу: 3-ий микрорайон, здание 21/31, кв 42

ЕЛИЗАВЕТА (НИНА) ВАНЯН, супруга

Родилась в 1940г.

Работала оператором лифта в ЖЭКе N 8

ВЛАДИМИР ВАНЯН, сын

Родился в 1967г.

Работал на Сумгаитском заводе синтетического каучука

Иван:

Я очень рад, что живу сейчас в Армении. У меня в жизни было много тяжелых времен, а тут еще и это последнее несчастье – нападение азербайджанцев на армян. Мы жили в Сумгаите 30 лет и даже подумать не могли о том, что они сотворят с нами такое. Это было очень неожиданно...

28 февраля с утра до вечера мы всей семьей стояли на балконе и наблюдали за тем, что происходило на улице, во дворе – за всем, что они делали с нашим народом, с армянами. Мы никогда не видели такого раньше. Наш дом был в центре города, прямо напротив автобусной остановки, и с балкона хорошо просматривалась дорога Баку-Сумгаит.

Было около 3-4 дня. Мы увидели толпы людей, шедших со всех сторон, они сошлись возле магазина “Спутник”, на перекрестке улиц Дружбы и Мира. Там было несколько сотен человек и все они были чем-то взбудоражены, разъярены. По обе стороны дороги, прямо перед нашим домом стояли азербайджанские милиционеры, словно для того, чтобы не дать толпе пройти в микрорайон. Когда группы слились в одну толпу, минут на пять воцарилось молчание. А потом вдруг милиционеры, держа в руках свои фуражки, побежали в сторону магазина,

забежали в него и скрылись там, а толпа ринулась вслед с палками, камнями, кусками арматуры в руках, как будто хотела избить их.

В это время на дороге со стороны Баку появился зеленый автомобиль Москвич-412, принадлежавший, видимо, армянам. Толпа набросилась на машину и перевернула ее так, что колеса оказались в воздухе. Милиционеры вышли и выправили автомобиль, но когда они ушли, толпа снова перевернула его, облила бензином и подожгла.

Елизавета:

Когда машину обливали бензином и поджигали, я увидела, что в ней были люди. Мне показалось, что их было трое: мужчина за рулем и женщина с ребенком. С балкона невозможно было разглядеть, сколько лет было ребенку. После того, как машину подожгли, наши азербайджанские соседи сказали мне: “Не смотри. Все знают, что вы армяне, так что не стойте на балконе, лучше зайдите домой”.

Владимир:

Я тоже заметил, что в машине были люди. Когда она загорелась, они живьем сгорели внутри.

После этого мы увидели, что толпа окружила и избивает нашего соседа с первого этажа – Гургена Арутюняна. У него на голове была плешь, поэтому мы узнали его. Я еще сказал, мол, чего это Гурген вышел из дома в такое время? Они жестоко избивали его. Подошли несколько милиционеров, отбили его у толпы, отвели к дому, и он забежал в свой подъезд. Его голова была сильно изранена.

Толпа разбилась на несколько групп. Они разошлись по разным сторонам – в направлении 2-го и нашего 3-го микрорайонов, кварталов 41, 34 и 36. Улица Мира тоже была заполнена людьми. В роли подстрекателей выступали азербайджанцы, приехавшие из Армении. Они собирали вокруг себя молодых, рассказывали им всякие небылицы, раздавали деньги и эти юнцы нападали на армян.

Было уже около пяти вечера, когда я увидел, что с балкона второго этажа соседнего дома N20 во двор начали лететь вниз вещи. Я про себя подумал: “Молодец, Вачик, вижу, ты защищаешься, бросая вещи сверху на их головы”. Но потом я узнал, что это был не Вачик – их, наверное, в это время и дома не было. Толпа

ворвалась в их квартиру и разгромила ее, не оставив ничего целого. А стоявшие во дворе сотни азербайджанцев бросали летевшие сверху вещи в костер. Они вели себя как звери. Видя все это, мы поняли, что не сможем выйти из дома и затаиться где-нибудь. Другие армянские семьи из нашего здания спрятались, но мы решили не делать этого.

Мы спрятали только двух моих сестер – отвели их к соседям. Толпа была уже на лестнице, на втором этаже. Нас было пятеро в квартире – отец, мать, я сам и две сестры: 23-летняя Жанна и 17-летняя Анжела. Сначала мы с сестрами постучали в дверь соседей напротив, но там жила одинокая женщина и она побоялась спрятать их. А на лестнице уже слышался шум. В этот момент на наш пятый этаж неожиданно поднялась соседка с четвертого этажа, ее зовут Атлас. Мы вместе спустились к ней домой, она спрятала моих сестер в гардеробе, а я вернулся к себе.

Иван:

Мы понимали, что они нападут на нас, и решили защищаться. Я взял с балкона топор и велел жене вскипятить воду в чайнике и кастрюлях.

Владимир:

Я отыскал свой армейский ремень с металлическими пряжками, взял из серванта острый нож, а на поясе закрепил долото. Шум из подъезда пугал нас, конечно, но не сильно, а спрятав сестер я почувствовал себя увереннее.

Иван:

Когда мы спрятали девочек, я тоже немного успокоился. Уже не имело такого значения, что могло случиться с нами. Дочки ведь совсем молоденькие, и если бы они остались дома, турки могли бы делать с ними что угодно прямо на наших глазах. Конечно, был страх за жену и сына, но что я мог сделать? Нам оставалось лишь защищать себя. Если бы мы все спрятались, всей семьей, они бы начали искать нас. Мы выключили свет и стояли за дверью, держа наготове четыре ведра с горячей водой. У меня в руках был топор, у Володи – ремень. Мы слышали их разговор: “Тут армяне живут, у них две красивые дочки. Давай, входи, не бойся”. То есть они заранее знали этаж и номер нашей квартиры.

Елизавета:

Они начали кричать: "Уходите и оставьте нам свою квартиру! Все равно вам рано или поздно придется покинуть ее, убирайтесь отсюда! Ваш дом в горисполкоме, идите и живите там!".

Владимир:

Они подготовились, они заранее точно знали, где живут армяне. Орали: "Сдавайтесь, ...".

Иван:

Они называли имя моей дочери Анжелы и говорили, что это ее дом. наших имен я не слышал. Судя по голосам, их было много, они заполонили всю лестничную клетку - от первого до последнего этажа. Другие армянские семьи нашего подъезда сумели вовремя скрыться и мы были единственными оставшимися армянами.

Мы услышали стук в дверь, но молчали, не издавая ни звука. Притворились, что дома никого нет. На двери была табличка с нашей фамилией, но мы накануне сняли ее и закрасили место. Они стали ударять по двери большими камнями. Замки не выдерживали напора. Мы втроем пытались держать дверь, но они даже не почувствовали, что за ней кто-то стоит.

Владимир:

Мы молча держали дверь, даже не шептались. Да и о чем было говорить – все и без того было ясно... Отец все еще держал в руках топор, а ведра с кипятком стояли на полу.

Иван:

Дверь распахнулась, и они хлынули в коридор словно черные вороны. В этот момент жена окатила их горячей водой. Я ударил одного в правый висок тупым концом топора, разбив ему голову. Володя начал бить по ним ремнем, а жена продолжала обливать кипятком.

Елизавета:

Я старалась по возможности быстро, не глядя - куда и на кого, выливать на них горячую воду, лишь бы они убрались вон. Кипяток действительно помог нам, они испугались и убежали на нижние этажи.

Владимир:

В суматохе мама ошпарила кипятком и мою спину, а отцу обожгло руку.

Когда они ворвались в коридор, лица у них были словно озверевшие. Я бросился в толпу с ремнем в руках, у меня был еще и нож, и я начал бить по ним. Заметил, что отец ударил одного топором. Это был страшный удар: мужчина окровавленный свалился на пол. Наше сопротивление и кипяток напугали их, они начали удирать.

Иван:

Меня ударили всего один раз. Первая их атака длилась минут пять.

Владимир:

Ну да, около того. Мне удалось схватить одного из них. Я припер его к стене в подъезде и начал бить ремнем. Это был примерно мой ровесник – парень лет 22-23. Я ударил его по голове пряжкой, он упал, закрыл лицо и заорал. Потом вырвался и убежал вниз. Так нам удалось отразить первую атаку.

Иван:

Они убежали вниз, на третий этаж. А минут через 10-15 снова начали по двое-трое подниматься, поглядывая в нашу сторону. Как только они приближались, жена вылиwała на их головы кипяток и они отходили. Те, у кого голова была обожжена, уходили вообще. Но на их месте появлялись новые.

Владимир:

Отбив первую атаку, мы с отцом сели за стол, немного поели и выпили по 50 грамм водки для поддержания духа.

Иван:

Мы ведь с утра ничего не ели... Когда увидели эту толпу и поняли, что они нападают на армян, нам уже было не до еды. Но потом почувствовали сильный голод. И пока бандиты оставались на нижнем этаже, мы быстренько проглотили несколько кусочков хлеба.

Владимир:

Вторую атаку они начали спустя примерно полчаса после первой. За это вре-

мя мы с отцом собрали с лестницы и занесли в коридор камни, которые они притащили с собой. Эти камни они кидали в нас, но не попали.

Елизавета:

Мы пытались починить сломанный замок. Думали, уже не вернутся, но выяснилось, что они не ушли. Ворвались в квартиру нашей соседки Зины Акопян и разгромили ее, это длилось около часа. Но мы не знали об этом, и нам показалось, что они убрались восвояси. Ваник и Володя немного подкрепились и как смогли починили замок. Я смазала растительным маслом обожженную спину Володи, хотя ожог был не таким сильным.

Владимир:

Я вообще-то ждал, что они вернутся, что это была их первая, но не последняя атака. И внутренне подготовился, хотя и не верил, что удастся выжить. Я был почти уверен, что это конец, смерть, но ничего не говорил матери и отцу.

Иван:

Мне было не так страшно во время атаки, как после нее, когда они кричали: “Предупреждаем в последний раз: мы придем ночью и убьем вас. Покиньте квартиру и уходите в клуб, где собирают армян”. Они выкрикивали это с нижнего этажа и ругались последними словами в наш адрес.

Потом напали во второй раз. Их опять было много, это была почти та же толпа, что и раньше. Но они уже боялись подниматься на наш пятый этаж и орали с четвертого, что “армяне не должны тут жить”. Мы им отвечали, что не оставим свой дом, что это наша квартира и мы не сдадимся.

Владимир:

У них был такой же свирепый вид, как и в первый раз, они были просто разъярены. В руках были палки, арматурные прутья, камни.

Иван:

Они пытались отвлечь наше внимание своими криками и ворваться в квартиру. Человек, которого я ударил, был с ними, его лицо было полностью залито кровью. Ему было лет 35-40, он отлично говорил на армянском, видимо, из тех азербайджанцев, что приехали из Армении. Так вот, он говорил нам: “В любом

случае вам придется сегодня вечером оставить свою квартиру нам, вы должны уйти”. Я говорю ему: “Что мы вам сделали, чего вы хотите от нас?”. Он: “Вы не должны здесь жить, всех армян собирают в одном месте, идите туда”. Мы снова ответили, что никуда не уйдем. Кое-кто из этого отродья попытался подняться на наш этаж, мы начали кидать в них собранные с лестницы палки и камни и поливать кипятком. И они опять убежали...

Елизавета:

Потом человек десять подошли и крикнули мне: “Это ты льешь на нас горячую воду?”. Я ответила: “Да, я. И буду обливать вас всякий раз, когда вы сунетесь к нам. Поэтому не подходите!”. Но они сказали: “Вам все равно придется оставить квартиру. Убирайтесь пока живы, иначе мы убьем вас”.

Иван:

Они всячески пытались выманить нас во двор, чтобы избить и убить, как сделали это с другими армянами, и ограбить нашу квартиру. Именно поэтому они отвлекали нас разговорами, но мы не поддавались. После первой атаки я позвонил в милицию и попросил помощи. Но мне ответили: “Мы все знаем. Не пытайтесь сопротивляться им”. Тут я наконец понял, что все это было организовано и нам нечего рассчитывать на милицию... И повесил трубку.

Мы уже не ждали помощи – ни от соседей, ни от милиции, ни от городских властей. Мы не ждали помощи и от военных: хотя танки и войска, пусть и с опозданием, уже вошли в город, но они тоже подверглись нападениям и избиениям и вынуждены были отойти. Поэтому никакой надежды на то, что удастся спастись, у нас не оставалось. Если честно, я никогда не говорил об этом жене и сыну, но сам был уверен, что они убьют нас и оставят двух моих дочерей сиротами. Ни один из наших соседей не попытался помочь нам, а спуститься вниз к Атлас мы не могли, поскольку она была больной женщиной и уже спрятала наших девочек. Если бы мы пошли вниз, они бы увидели это и дочки пострадали бы из-за нас.

Они продолжали твердить, что не оставят нас в живых, и время от времени пытались вдвоем-втроем подняться на пятый этаж, громко крича и угрожая. Но мы вновь и вновь отбрасывали их назад. И тогда вперед вышли их главари.

Владимир:

Один из них был примерно того же возраста, что и мой отец. Прекрасно говорил по-армянски. Седой, лысоватый мужчина средней комплекции.

Иван:

Второй был молодым курчавым парнем. Они поднялись на четвертый этаж и сказали: “Мы не будем больше беспокоить вас. Мы только просим вас уйти туда, где собирают всех армян”.

Владимир:

Они хорошо говорили по-армянски, сами сказали, что оба из Кафана.

Иван:

Тот, которого я ударил топором, сказал: “Я приехал из Кафана. Река там потемнела от крови, поезд из Кафана в Баку полон крови убитых там азербайджанцев. Так почему же вы должны остаться живыми? Мы тоже убьем вас”. Конечно, мы не поверили тому, что наши кафанские армяне могли сделать такое с азербайджанцами.

Владимир:

На улице стояла огромная толпа. Если бы мы вышли, нам пришел бы конец. Поэтому решили остаться.

Иван:

В это время сосед с четвертого этажа Фирдуси Омаров вышел из своей квартиры и говорит: “Что тут происходит, чего вы хотите?”. Они ему ответили: “Пожалуйста, скажите этим армянам, чтобы вышли”. Омаров: “Это их квартира, с какой стати они должны уйти?”. Они: “Мы будем стоять здесь до тех пор, пока они не уйдут, даже если нам придется ждать всю ночь”. Тут я увидел, как какой-то парень подошел и спокойно встал недалеко от нас. Омаров сказал, чтобы мы не боялись, это, мол, его студент. Он преподавал в училище. У парня в руках ничего не было. Омаров говорит: “Ваник, принеси с балкона несколько гвоздей, молоток, запри и забей дверь, а потом уходите туда, где собирают армян”. Я отвечаю: “Фирдуси, ты действительно думаешь, что нам удастся вырваться отсюда, спуститься по лестнице и прорваться через толпу живыми?”. Он: “Ничего не случится”. Эти

переговоры продолжались почти полчаса. Потом главари сказали: “Не бойтесь, мы ничего вам не сделаем. Прибейте дверь и уходите”. Они ничего не говорили о наших дочерях, видимо, считая, что Жанна с Анжелой дома. Я пошел на балкон за гвоздями и молотком, потом оглянулся и увидел, что они уже ворвались в комнату.

Владимир:

“Как только отец пошел на балкон, они ворвались внутрь. Я в это время стоял в коридоре. Телефон висел на стене, они сразу оборвали шнур. Я пытался сопротивляться, но было слишком поздно. Они схватили и меня, и отца с матерью.

Елизавета:

У меня не осталось больше кипятка, чтобы облить парня, который поднялся на пятый этаж якобы чтобы помочь нам. Когда Ваник пошел за гвоздями, я еще стояла на лестнице и говорила с соседом, а Володя был в коридоре. Я говорила Фирдуси, что он очень плохо поступает, помогая им ворваться в нашу квартиру, и что если они поднимутся, нам конец. А он повторял: “Не бойтесь, я вам обещаю, что ничего не случится”. И тоже начал подходить к нам, а за ним и вся толпа ринулась в наш дом. Но у меня пока не было страха, они еще не били нас.

Владимир:

Да, сначала не трогали. Я узнал одного из них, видел его как-то в городе. Это был глухонемой парень, он продавал открытки с кадрами из индийских фильмов, которые изготавливали в магазине “Спутник”. Он стоял немного в стороне и руками показывал: “Давайте убьем их”. Проводил пальцем по горлу, мол, надо их зарезать.

Иван:

Я стоял посередине столовой с топором в руках. Они окружили меня со всех сторон. Если бы я попытался вступить с ними в борьбу, они бы сразу расправились с нами. И я решил: “Пусть делают что хотят, пусть ломают и грабят, лишь бы жена и сын остались живы”. Они пока не били нас. Один из главарей, курчавый, сказал: “Не трогайте их”. Но глазами приказал ломать и грабить квартиру. Так мы стояли окруженные ими, каждый в своем углу, а они разбивали и громили наше имущество.

Владимир:

Я не мог пустить в ход долото – посередине толпы невозможно было размахнуться. В квартире они нас не тронули. Когда глухонемой начал показывать, что нас надо убить, кучерявый главарь сказал: “Не трогайте. Мы отведем их вниз и там решим, что с ними делать”. Они повиновались ему. И нас, избивая, потащили вниз, на улицу. Защищаться было невозможно – толпа уже сгрудилась на лестнице. К тому же нас разъединили. Это был самый тяжелый момент. Мы не думали, что спасемся.

Иван:

Когда главарь приказал вывести нас, двое выхватили топор у меня из рук. Я знал, что стоит мне ударить их, как они тут же убьют нас всех. Но крошечная надежда на спасение все-таки оставалась. Следом за мной тащили жену и сына. По дороге один из подонков ударил меня по губе, пошла кровь. Во дворе уже разожгли костер, и я понял, что меня хотят бросить в огонь. Тут я потерял последнюю надежду.

Они обступили каждого из нас и я больше не видел жену и сына. Я понимал, что это конец, был уверен, что они убьют моих родных, а самого бросят в огонь. Они подталкивали меня к костру, но я споткнулся и упал рядом. Они начали бить меня по голове ногами, палками и арматурой. Через несколько минут один азербайджанец подошел и тихо говорит: “Ваня, не вставай. Если ты поднимешься, они поймут, что ты жив, и начнут бить снова”. К тому времени я был почти без сознания и не понял, кто это, но он назвал меня по имени.

Елизавета:

Во дворе они начали вопить: “Это ты поливала нас горячей водой, ты мучила и проклинала нас? Сейчас увидишь, что мы с тобой сделаем!”. И они начали избивать меня, били сразу со всех сторон и чем попало. Говорили, что сожгут меня, чтобы я поняла, каково это, когда поливают кипятком. Все, что я помню, – как сосед-азербайджанец бегал вокруг и кричал: “Побили и хватит, я не дам вам сжечь ее”. Его зовут Бейляр, их было два брата, они жили на третьем этаже.

Владимир:

Мы не ожидали этого от него, потому что он был наркоман. Постоянно курил

анашу и не ладил с армянами. Правда, я сам не видел, как он пытался защитить мою мать.

Елизавета:

Я уже лежала на асфальте в окружении этих подонков, и тут Бейляр с братом прорвали этот круг и закричали: “Хватит уже бить. Мы не дадим вам сжечь ее. Что она вам сделала?”. Переговорив между собой, погромщики сказали: “Ладно, мы уйдем, но это позор, что мы не сожгли ее”. И они действительно ушли...

Владимир:

Когда они вывели нас из подъезда, мне удалось убежать. Теперь я уже представляю, как на самом деле мне повезло, возможно, потому, что они все навалились на моего отца.. Как бы то ни было, я сумел убежать. Но потом увидел, как один из них кулаком ударил отца. Я закричал, подскочил и сильно толкнул его в грудь. Тут кто-то схватил меня сзади за воротник и кричит: “Ты что, армянин?”. Я ответил: “Да”. И вся толпа кинулась на меня и начала избивать. Я упал. Мать я не видел, пока не пришел в себя. Человек 30-40 долго избивали меня – камнями и арматурой. Я уже потерял сознание, но они продолжали бить. Бейляр и мне помог. Он сумел отогнать толпу.

Иван:

Уже потом мне рассказали, что некоторые из соседей, молодые парни, подходили к Володе и говорили ему то же самое, что и мне – мол, не вставай, не поднимай головы, притворись, что ты мертв.

Владимир:

Сам я этого не помню.

Иван:

Моя голова была сильно разбита и окровавлена. Жена подошла ко мне и спросила: “Ты жив?”. Я ответил, что жив. Она говорит: “Давай поднимайся, пойдем к соседям”. Они с сыном помогли мне подняться и поддерживая с обеих сторон увели. Голова жены была вся усыпана осколками стекла. Я понял, что ее били бутылками. Мы пошли в квартиру Атлас. В свою не поднялись и не знали, в каком она состоянии. Дочь Жанна обработала мою голову йодом и забинтовала ее,

остановив кровотечение. Мы позвонили в “скорую”, чтобы нас взяли в больницу, но там сказали, что у них нет машин, якобы все испорчены.

Владимир:

Я не сразу пришел в себя. Когда сознание вернулось, увидел маму и отца. Они лежали напротив меня, метрах в пяти-шести. Мне удалось приподняться и осмотреться, и я заметил, что мать пытается встать. Я подошел к ней, мы вдвоем помогли отцу и пошли к соседке Атлас. Она впустила нас. Мама старалась не показывать нам свои раны, чтобы мы не волновались.

Иван:

Мы оставались у соседки всю ночь. Утром вызвали милицию, спустя полчаса приехала “скорая” с врачом и двумя милиционерами. Прямо в окровавленной одежде, грязного, меня отвезли в отделение милиции, допросили и сказали, что мне нельзя оставаться в городе и надо ехать в Баку. И отвезли.

Владимир:

Уже в марте следственная группа Генеральной прокуратуры СССР вызвала меня в отделение милиции. Мне дали несколько альбомов с фотографиями, они все были пронумерованы. Там было очень много фотографий. Я начал перелистывать и сразу опознал одного – это был парень, которому мы разрешили войти, кого сосед Фирдуси называл своим студентом. Я также знал, где живет глухонемой, и назвал его адрес. Вместе с одним из следователей по фамилии Топорков мы поехали туда, во 2-й микрорайон, чтобы найти его. Он, естественно, был дома. Следователь сказал, чтобы он взял свой паспорт и поехал с нами в отделение. Меня он не узнал, а сам отрастил за эти несколько дней бороду. Мы сели в машину и вернулись в отделение. В своем отчете глухонемой написал, что у нас дома его не было, что в это время он находился в Баку и вообще ничего не знает. Ему было около 30 лет. Он все отрицал, но я продолжал уверенно утверждать, что он был у нас.

Дней 15 после этого мы жили вначале в клубе, потом в общежитии. Когда вернулись домой, отец все еще лежал в больнице в Баку. Через пару дней следователь Топорков, еще одна следователь-женщина и милиционер-азер-

байджанец пришли к нам. Они сказали, чтобы я сел в машину и поехал с ними. Матери велели не беспокоиться, пообещав, что скоро привезут меня обратно.

В машине Топорков сказал: “Володя, мы возем тебя в тюрьму, чтобы опознать того, кого ты показал на фотографии, хотим привезти его в Сумгаит”. У него с собой были наручники. Когда мы приехали, он сказал мне, чтобы я оставался и сидел спокойно в маленькой комнате, куда привезут подозреваемого. Ввели арестованного и двух подозреваемых и спросили первого: “Где вы были 28 февраля и что делали?”. Фамилия арестованного была Исмаилов. Следователь расспрашивал его о том, что он там делал, как его арестовали, почему его фото оказалось в альбоме и т. д. Он все отрицал. Тогда следователь позвал меня. Я зашел и увидел, что он одет в мои зеленые вельветовые брюки. Я недавно вернулся из армии и родители купили мне пару брюк. На нем были также мои рубашка и свитер. Таким образом, он был полностью одет в мою одежду. Я подошел к нему и спросил: “Слушай, парень, разве это твои брюки?”. Хотел ударить его, но стоявшие рядом солдаты не дали. Я спросил снова: “Это твои брюки, твой свитер?”. Он был крупнее меня и шов на брюках разошелся. Он ответил, что это его брюки, рубашка и свитер. Я рассказал следователю, что одежда моя и он украл ее, когда был у меня дома. Оказалось, что он побывал не только у нас дома, но и в нескольких других квартирах. Глухонемой также был в нескольких местах.

Иван:

Когда следователи Топорков и Мишин расследовали наш случай, я опознал пять то ли шесть человек из фотоальбомов, но это было бесполезно – никто не занялся ими.

Я абсолютно уверен, что сумгаитский геноцид был организован. Накануне в городе много говорили об этом. На работе я слышал разговоры о том, что несколько сотен азербайджанцев приехали из Кафана в Апшерон, где первый секретарь был родом из Кафана. На вопрос – зачем приехали, они отвечали, что якобы армяне выгнали. Их отправили в Сумгаит на двух автобусах. Они приехали в горком, Муслимзаде, первый секретарь, вышел к ним и спросил, чего они хотят.

Я видел все это своими глазами 26 февраля, когда работал возле площади. Увидел группу людей и подошел к ней, чтобы послушать, что они говорят.

Они сказали Муслимзаде, что хотя бы организовать митинги и объявить, что Карабах принадлежит азербайджанцам и они не уступят его. Муслимзаде ответил: “Вы можете провести митинг, но прошу вас об одном: без споров и без оскорблений”. Они обманом увлекли за собой молодых ребят, просто дали им деньги, сунули в руки флаг Азербайджана и стали устраивать по всему городу митинги и демонстрации. Потом уже начался геноцид. Все было заранее подготовлено. Багиров (первый секретарь ЦК компартии Азербайджанской ССР) вылетел в Степанакерт. Оттуда через Аскеран он поехал в Агdam и остался там. Потом они выпустили из агдамской тюрьмы 55 осужденных. Их увезли в Кафан и смешали с местными. Кроме того, заранее был подготовлен список адресов армян. Все это мне рассказали сами азербайджанцы в Сумгаите уже после случившегося. Я оставался там еще три месяца.

10 сентября 1988г., Кафан

Перевод с английского. Источник: The Sumgait tragedy. Pogroms Against Armenians in Soviet Azerbaijan. Volume 1. Eyewitness Accounts. Published by Aristide D. Caratzas New Rochelle, NY & Zoryan Institute for Contemporary Armenian Research & Documentation

АЙРЯН ВРЕЖ НОРАЙРОВИЧ

Родился в 1964 г. Работал радиомехаником в “Оргтехнике”.

В воскресенье, 28-го февраля, я пошел на работу. Основную часть пути я прохожу пешком и по дороге видел, что все сапожные будки, витрины киосков, магазинов, где работали армяне, были разгромлены. Все было поломано, сожжено. Я забеспокоился, потому что еще ни о чем не знал, не слышал, что идут погромы, была резня и есть жертвы. На работе мне товарищи-азербайджанцы говорят, что, мол, так и так, приехали люди из Кафана, Агдама, Сисиана и рассказывают, что в Армении армяне азербайджанцев бьют, поэтому здесь может быть то же самое. И все в основном верили этим слухам – как не поверить, если ходят какие-то люди и говорят, что вот мы очевидцы, и рассказывают примерно так: «Моего отца убили, над сестрой издевались, значит, кровь за кровь, как я могу не отомстить?»

Я приехал на обед домой, но своим ничего не сказал. Не хотел волновать мать – она больна. Потом вернулся на работу, а около четырех часов снова вышел. И заметил большую группу людей: на проспекте Нариманова, который выходит к горкому партии на площади Ленина, начала собираться толпа. Я увидел – это я своими глазами видел – как большая (человек 50-60) группа молодых парней в возрасте от 12 до 17-20 лет под предводительством взрослых мужчин окружила двух девушек 16-17 лет и измывалась над ними. Они сорвали с девушек всю одежду и вдоволь поиздевались. Потом выяснилось, что это не армянки, а русские. С первых этажей 14-го квартала вышли женщины и начали защищать девушек, забрали их к себе домой. А эта воинствующая орда с азербайджанскими флагами в руках, выкрикивая всякие непристойности в адрес армян, – мол, убирайтесь, не то мы вас зарежем, уьем – направилась к центру города.

Я вернулся в свой цех. И тут заходят к нам человек пять – шесть мужчин и так агрессивно заявляют, мол, мы знаем, что здесь армяне работают, покажите – где они, мы должны отомстить, убить их. Спасибо нашему заведующему-азербайджанцу, он сказал, что да, у нас есть армяне, но они сегодня не вышли на работу. Эти ушли, а заведующий говорит: «Я за вас боюсь, они могут вернуться и

здесь погром устроить». А там у нас телевизоры, другая аппаратура, ущерб был бы огромный. Нас было двое армян: я и Рубик. Заведующий сказал: “Одевайтесь и уходите”. Отвезти вас, говорит, не можем, потому что все машины в городе толпа останавливала, вытаскивали людей и допытывались: если азербайджанец – отпускали, если армянин – все, машину переворачивали и поджигали, человека убивали.

Ну что нам оставалось делать... Вышли на улицу, хотели поймать машину – никто не останавливается, все боятся. Пришлось пешком идти - почти из центра города до 11-го микрорайона, а это довольно-таки далеко. Нам очень повезло, что не остановили и не стали расспрашивать, потому что навстречу все время шли толпы, группы молодых парней, и мы старались их обходить и выбирали более укромные пути. Я пришел домой, успокоил мать, которая сильно волновалась за меня. Следующие 2 дня мы сидели дома, не выходили. Сосед-азербайджанец с первого этажа приносил нам еду и все необходимое. А во вторник за нами дядя приехал. Он тоже не знал, что с нами.

В городе уже автобусы ходили с военными, привезли морских курсантов, они все с автоматами были, в бронежилетах. Говорили армянам, что нежелательно оставаться дома, надо уходить. Солдаты разъезжали по городу, собирали тех армян, которые еще оставались в своих домах, не могли выйти на улицу. В первую ночь, когда начали громить, в основном увозили в горком партии, а потом уже в здание напротив – в клуб СК. Нас тоже отвезли туда. Когда мы приехали, площадь была уже полностью забита, но людей продолжали привозить. Что мы в этом клубе увидели – невозможно передать. Мне трудно было поверить даже в то, что я видел сам, своими глазами, понимаете? Просто невозможно поверить, что такое может происходить в наше время, что при нашем социалистическом строе можно устроить такое... Это, я считаю, второй геноцид армян был.

Мы были в домашней одежде, ничего не успели взять с собой, только у матери была сумка с наспех приготовленной едой. Зашли – а там все забито, не было места, чтобы присесть, а уж о том, чтобы прилечь, и речи не могло быть. Фойе, вестибюль трехэтажного здания – все было занято. Мы остались в фойе, потому что зайти

в помещение было невозможно: столько детей, столько грудных и маленьких детей! Просто невозможно описать это все. В общем, ночью мужчины не спали, все места – даже на ступенях и на столах - уступили женщинам с детьми, пожилым, девушкам. Кто как мог и на чем мог устроился, многие просто стояли. Мы три ночи практически не спали. И боялись. Однажды паника поднялась, что якобы азербайджанцы проникли в здание, так мужчины сразу бросились организовывать защиту, хотя здание было оцеплено, окружено десантниками, курсантами, БТРы и БМП стояли. Все военные были в бронежилетах, в касках, со щитами, с дубинками, с автоматами. Люди находились в шоковом состоянии, многие сознание теряли, у кого-то язык отнялся... Слава богу, было среди нас несколько докторов, они всем помогали. Ужас, просто ужас...

Люди были особенно возмущены тем, что местная власть и местная милиция не только не останавливала, но и не чинила никаких препятствий погромщиками. А ведь в городе был немалый контингент милиции. Но они были просто зрителями, стояли и смотрели, а очевидцы даже рассказывали, что были одетые в гражданское милиционеры, которые подстрекали бандитов: давайте, мол, бейте, жгите! Поведение милиции было для нас одним из доказательств того, что все начиналось не стихийно. Мы уже в клубе разговаривали с комендантом города - генерал-лейтенантом Краевым, с полковниками, официальными людьми – все соглашались, что погромы были подготовлены и заранее были собраны адреса армян - по кварталам, микрорайонам. Приведу пример нашей семьи. Как-то я пришел на обед домой. Постучали в дверь, мать – она больная, пенсионерка - открыла дверь, а я сижу обедаю. Какой-то молодой парень, как будто немного стесняясь, спрашивает, у вас дымоход работает или нет, я, мол, из ЖЭКа, проверяем. Мать сказала, что да, работает, а в чем дело? Он говорит: «Ни в чем. Фамилию, имя скажите, адрес, и все». Мама все ему сказала, мы ведь не ожидали ничего такого, к тому же часто бывало, что приходили и спрашивали про газ или еще что-то. Уже после событий, в клубе многие армяне делились друг с другом, и выяснилось, что к ним тоже приходили, разузнавали, спрашивали. Были такие, которые видели в ЖЭКах готовые журналы со списками.

И потом, понимаете, это ведь не была одна группа, которая начала где-то в одном месте громить дома. Такие группы были во многих районах города и начали сразу, одновременно. Они полностью хозяйничали в старой части города. И если бы войска опоздали еще на несколько часов, банды полностью весь город взяли бы под контроль. Были группы, которые вошли со стороны поселка и не успели особо ничего сделать, потому что уже войска были в городе, вертолеты курсировали. А вот старый город они сильно погромили. Кроме того, они были вооружены, многие – арматурными прутьями, топорами, ножами, даже огнестрельное оружие у них было. Основная толпа собралась на автовокзале - человек 500. Их сперва окружили солдаты, а они стали в них бросать камни, бутылки с зажигательной смесью. А у солдат были холостые патроны. И только после того, как появились первые жертвы среди военных, была дана команда вмешаться и стрелять боевыми патронами. Солдаты пытались разогнать банды водонапорными шлангами, стояли пожарные машины, БТРы, БМП, но погромщики все переворачивали, ломали, поджигали.

В эти дни в Азербайджане работали и радио, и телевидение, но передавали одно: все спокойно, все нормально, мы живем дружно, никаких волнений нет. И ни слова о том, что происходят такие бесчинства, убийства, издевательства, не сообщалось. Даже после того как все закончилось, опять ничего не говорили, просто объявили, что погиб 31 человек разной национальности и около 300 ранены. Но если посчитать убитых только из одного здания, о которых я точно знаю, уже наберется человек 30-40.

АРУСТАМЯН МИША ВАРТАНОВИЧ

Родился в 1941 г. Проживал в Сумгаите по адресу: 2-1 квартал, дом 6а, кв. 45.

Работал в комбинате бытового оборудования (УБОН) мастером по пошиву автомобильных чехлов

Мастерская, в которой я работал, находилась в 14-м квартале, рядом - метров 300 - с горкомом. 27 февраля я работал, заказ у меня был. Примерно в половине шестого один товарищ, азербайджанец, пришел и говорит мне, мол, Миша, закрывай свою мастерскую, там митинг идет, пойдем посмотрим. Я закрыл мастерскую, сели в машину, там еще несколько парней было с нами - азербайджанец, Нариман его звать, Валерик и Дима. Сели, поехали.

Смотрим, около горкома, вокруг памятника Ленину, люди собрались, около 2 с половиной тысяч их было. И ждут, чтобы кто-то вышел, сказал им что-то... Смотрю первый секретарь Муслимзаде стоит прямо около меня, рядом второй секретарь, женщина, Байрамова Нуриг. А люди кричат, орут, требуют, чтоб кто-то вышел из горкома... И тут Байрамова потихоньку этому Муслимзаде говорит, мол, поднимись, посмотри, что они хотят. В это время микрофона на трибуне еще не было, но через три-четыре минуты там уже появился микрофон. Понимаете? И Муслимзаде поднялся на трибуну.

Толпа начала кричать - почему вы Карабах отдаете Армении? Он и начал объяснять, мол, Карабах мы не отдадим, товарищ Горбачев решил, что он наш, не беспокойтесь, ну и так далее. В этот момент одна артистка местного театра, забыл фамилию, имя вроде бы Шакар, поднялась на трибуну, вырвала у Муслимзаде микрофон, оттолкнула его и начала говорить... Она кричала, что, мол, вы не люди, там в Армении наших режут, а вы ничего не делаете, армян всех резать надо, ну и все в таком духе. Муслимзаде пытался отнять у нее микрофон, но на трибуну на защиту ей бросились сразу несколько человек, а толпа стала требовать, чтобы актрисе вернули микрофон. Он испугался и подчинился. А Байрамова уже рядом с ним стояла. Я почувствовал, что дело плохо, и говорю Диме (он армянин), давай, мол, уйдем отсюда. А Нариман и другой армянин - Валерик тоже были с нами.

В общем, сели в машину, поехали. Это уже где-то полседьмого было. Смотрю, на улице Дружбы что-то происходит, невозможно проехать. Огромная толпа идет. Там ребята таксисты стояли, один кричит мне, мол, Миша, туда не езжай. Я подумал, шутит, развернулся, еду обратно, а там смотрю автобус остановили и ломают камнями, арматурами. Вырвался, доехал до улицы Низами, смотрю, там тоже толпа, такая же толпа... Решил через автовокзал поехать домой. Но и там невозможно было проехать! Тупик какой-то... Вернулся опять на улицу Ленина, один подбежал ко мне и говорит, мол, туда не езжай, с камнями идут. Тут я кинулся бежать через дворы, кое-как домой дошел. Соседу дал ключи, он машину на стоянку отвез. 27-го я переночевал у соседей- азербайджанцев. 28-го утром не мог уже выходить из дома, соседи не дали. Всю мою семью спрятали – меня, жену, сына. У меня четверо сыновей, трое в армии были тогда. Потом мы услышали, что азербайджанцы идут к ним, в квартиру, стучат, кричат - если армяне есть, скажите, покажите, где они. Если не скажете, если вы их прячете, то вас тоже, мол, будем резать. И я подумал: зачем ради меня они должны пострадать... Потом, правда, подъехала милицеская машина, военные армян собирали из домов и отвозили в клуб СК. Мы тоже поехали туда.

Что творилось в клубе – не передать. Вонь стоит страшная, все плачут, кричат, я и сам заплакал, когда увидел знакомого... У кого перевязка, у кого кровь, все голодные, даже воды не было. На следующий день только принесли продукты, кефир, сметану, булки... Принесли и продавали. Потом из наших ребят кто-то подошел к полковнику русскому, говорит, что это такое, сигареты продают по рублю за пачку, почему, мол, еду и все остальное за деньги дают? Это же должны бесплатно раздавать! На следующий день бесплатно все давали уже..

Раненых в клубе много было, очень много, солдаты там были раненые, я видел. Семерых раненых солдат я видел. Один в ноги, с костылями ходил, другой в голову, забинтованный весь. Ребенок в те дни умер в клубе, грудной. Там воздух такой был, что и здоровый человек не выдерживал, а ребенок тот тяжело заболел.

25 апреля 1988 года

г. Ереван.

ГАСПАРЯН ГРИГОРИЙ БЕГЛАРОВИЧ

Родился в 1932г. Работал в Сумгаите заведующим парикмахерской.

С 1951 г. я постоянно проживаю в Сумгаите. Наша парикмахерская находится метрах в 200 от площади. 27 февраля 1988г. около 19:00 я услышал шум по улице Нариманова со стороны рынка. Сам на улицу не вышел, но спросил посетителей - в чем дело. Они ответили, что молодежь собралась и требует, чтобы армяне выехали из Сумгаита. Я не придавал этому значения, вышел и, забрав из соседней мастерской телевизор, поехал на такси домой. По дороге на улице Дружбы увидел толпу, около 400-500 человек, в основном в возрасте 18-22 лет. В руках у них были железные прутья, палки, камни. Они кричали: "Долой всех армян, вон из города, смерть всем армянам, Карабах не отдадим!". Останавливали машины и спрашивали национальность пассажиров, искали армян. Увидев все это, я попросил таксиста не останавливаться, и, хотя бандиты несколько раз ударили по машине, он не остановился и быстро привез меня домой.

Мой дом находится примерно в 1,5 км от площади. Я поднял наверх телевизор и поехал на новую квартиру в 18-м микрорайоне, чтобы привезти оттуда жену и двоих детей - 20-летнюю дочь Лилию и 13-летнего сына Гарика, они поехали на уборку этой новой квартиры. Но не застал их там и снова вернулся на старую, во 2-м микрорайоне. Они уже были дома. К нам пришел сосед с 4-го этажа, азербайджанец по национальности, и пригласил к себе домой, беспокоясь, что на нас могут напасть. Но мы не пошли и ночевали у себя, хотя и в напряженной и тревожной обстановке. На следующий день – в воскресенье 28 февраля - утром я вышел во двор и кто-то из соседей сказал, что погромы начнутся в 12:00. Я вернулся домой. К нам снова пришел сосед и мы уже согласились с семьей пойти к нему, где оставались до вечера 29 февраля. Наш сосед время от времени выходил в город узнавать обстановку, а вернувшись, говорил, что повсюду погромы, убивают и грабят армян.

29 февраля около трех часов дня к нам во двор ворвалась толпа молодых азербайджанцев 18-22 лет, опять с железными прутьями, камнями и палками в

руках. Они кричали, что убьют и тех азербайджанцев, которые будут скрывать у себя армян. Но наши соседи не впустили их в подъезд, сказав, что здесь армяне не живут. Я все же не хотел ставить под удар моего соседа, и мы перебрались на первый этаж, к русской соседке. Из ее квартиры был прямой ход в подвал. Там мы оставались до трех ночи. В это время пришел тот сосед-азербайджанец, который скрывал нас у себя, и сказал, что армян собирают. На автобусе нас перевезли в горисполком, а оттуда - в клуб СК, где мы оставались до 6-го марта. Здесь я узнал, что убили моего знакомого Мишу¹ и изнасиловали его дочь 22-23 лет. Мишу я знал как водителя УАЗа, он развозил мучные изделия. Очевидцы также рассказывали, что убили Сергея² из РСУ горисполкома, его двух сыновей и надругались над женщинами. Затем я встретил Славика, своего бывшего соседа, который рассказал, что убили его брата – Шурика³, работающего, кажется, в БТЗ и жившего в 3-м микрорайоне.

19 марта мы выехали в Ереван, где нас разместили в пансионате “Наири” в поселке Агверан. После всех этих трагических событий, устроенных азербайджанцами погромов и убийств армян, там уже невозможно жить. Хочу еще добавить, что в те трагические дни мой телефон был отключен, как потом оказалось, у всех армян в эти дни почему-то телефоны не работали. Это, по-моему, немаловажная деталь, доказывающая, что все это было заранее организовано. Некоторые армяне рассказывали, что соседи-азербайджанцы предупреждали их, чтобы на ночь свет не гасили. Потом выяснилось, что бандиты таким образом узнавали о том, что в неосвещенных квартирах живут армяне.

24 марта 1988 г.

пос. Агверан Разданского р-на, Армянская ССР.

1. По всей вероятности, речь идет о Мише Амбарцумяне. См. рассказ Ирины и Карины Мелкумян в сборнике “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев”, т. 1

2. Речь, скорее всего, идет о Согомоне (Сергее) Мелкумiane. См. рассказы Ирины и Карины Мелкумян в сборнике “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев”, т. 1

3. Речь, скорее всего, идет об Александре Гамбаряне. См. рассказы Валены, Романа и Александра Гамбарянов в сборнике “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев”, т. 1

КОЧАРЯН ГЕГЕЦИК БАХШИЕВНА

Родилась в 1942г.

Проживала в Сумгаите по адресу: 17-й микрорайон, дом 51, кв. 59. Работала начальником ЖЭКа N11, который обслуживал 17-й, 10-й и 18-й микрорайоны города.

В Сумгаите я жила вместе со свекровью - Мелкумян Фирузой Аракеловной, ей 70 лет было, и двумя дочерьми - Кочарян Стеллой и Кочарян Нинель. Свекровь убили 29-го февраля примерно в 4 часа дня.

Накануне, 28 февраля, моя работница, дворничиха Балаханум Исмаилова пришла к нам домой и сказала, что бывшая работница нашего ЖЭКа Севиль Аскерова готовится показать нашу квартиру погромщикам и привести банду, чтобы убили нас. Она даже время назвала – около 3 часов, предупредила, чтобы мы были осторожны. Меня в это время дома не было, она говорила со свекровью. Но я не придавала значения ее словам, не поверила, что такое возможно. Тем более что я пользовалась уважением и доверием жильцов нашего района.

29 февраля собралась на работу. Во дворе встретила Римму Кочарян. Мы не родственники, просто однофамилицы. Она остановила меня и сказала, что нельзя идти на работу. Я спросила, в чем дело? Она говорит, там люди с бутылками стоят на балконах и если я пойду, они убьют меня. Я все равно хотела идти, но она не пустила. В это время ко мне подошел управдом Исмаилов Вагиф, который в нашем ЖЭКе исполнял обязанности главного инженера. Я дала ему ключи и сказала, что раз такое положение, пусть ключи будут у тебя. И вернулась домой.

Многие жильцы нашего дома, мои работники, знакомые заходили к нам, пришел даже председатель совета аксакалов Махмудов Джамиль. Они все приглашали нас к себе домой, но я сказала, что мы никуда не уйдем. Это было примерно в 3 часа дня. Зашел и Ширинов Аршад, который жил напротив нас, на 2-м этаже в однокомнатной квартире. Он не просто пригласил нас к себе, но умолял, даже заставлял. Я все равно не хотела, но свекровь прямо толкнула меня к ним, она мне шептала на ухо, мол, опомнись, девушек могут опозорить, давай

пойдем к соседям. У меня была и сестра Нвард с детьми.

И мы пошли к Аршаду. А свекровь обратно домой ушла, сказав, что скоро вернется. В этот день мы пекли свежий хлеб, и она, вернувшись, принесла с собой 4 хлеба, положила на стол и просила съесть. Но через 5 минут она снова собралась выходить, и я говорю, если ты опять домой, тогда все вместе пойдем. Она приложила палец к губам, мол, молчи, и ушла. Я думала, она кое-что забыла, зайдет и вернется. А потом от Аршада узнала, что она на кухне ему сказала: «Ты ей не говори, но я не хочу, чтоб квартира пустовала. Они намерены убить нас и если увидят, что дома никого нет, то обязательно будут искать и мои внуки попадут им в руки. Будь что будет. Пусть она не знает».

И еще она мне сказала перед уходом: “Галя, джана, не обижайся, но хочу попросить - пусть твоя сестра с сыновьями уйдет к нашему свату”. А сват жил в 10 микрорайоне, в двух остановках от нас. “Здесь, говорит, однокомнатная, если даже с нами что-то случится, хотя бы они будут спасены”. Она заставила сестру, та взяла 2 хлеба и вышла с детьми. Она потом рассказала, что по дороге встретила бандитов, но так как в руках у нее был хлеб, они не заподозрили, что она армянка, подумали, раз спокойно идет с хлебом, значит, азербайджанка. Они потом со сватом вместе в Баку уехали.

Спустя 7 минут после ухода свекрови появились бандиты и топором начали бить по нашей двери, требуя открыть. Что было после, я не знаю, потому что потеряла сознание. А младшая дочь смотрела в глазок. Она запомнила лица нескольких из них и потом опознала во время следствия. Девочка увидела, как они вошли. Пробыли там, по-моему, не больше 10-и минут. Ограбили, искали что-то, всю постель перевернули, топором по пианино ударили (это все потом выяснилось), потом хлопнули дверь и ушли. Когда они подошли к нашим дверям, я слышала голос Аскеровой Севиль. Она стояла прямо у подъезда, я слышала, как она на азербайджанском говорила им - 2-й этаж, левая дверь. Соседи видели из окон, как она стояла во дворе и после того, как бандиты вышли из нашей квартиры и пальцем показали, что убили одного человека, она, говорила им, мол, почему одного, там должно быть четверо. И они, уходя, угрожали, что вернутся и займутся теми,

у кого найдут нас и их тоже убьют.

Ширимов Аршад закрыл нас в своей квартире и вышел во двор. На лестнице его остановили и, угрожая топором, требовали сказать, где мы. Он ответил, что мы ушли еще с утра, а были бы дома, он бы сам нас убил. Когда они ушли, Аршад вернулся и сказал, что они могут вернуться, что он за себя не боится, но ему трудно будет смотреть, если что-то с девушками сделают. Поэтому надо уходить. И предложил нам подняться на крышу. Мне было страшно даже думать об этом, но тут старшая дочь начала убеждать меня спрятаться на крыше, говорит, может, даст Бог, живыми останемся. И мы поднялись – в одних халатах, босыми – тапочки сняли, чтобы шагов не слышно было по лестнице.

Мы оставались на крыше несколько часов. Около 10 часов вечера я сказала, что надо спуститься. Было очень холодно, мы буквально ооченели. Говорю, давайте спустимся, хоть умрем по-человечески, вон бабушка осталась дома, не испугалась. Спустились. Стучались в двери соседей, на 5-м этаже не открыли, на 4-м тоже. На 3-м этаже Аркел Нариманов узнал мой голос, открыл, обнял нас и спрашивает, а где бабушка? У нас не было сил отвечать, девушки плакали, а я опять потеряла сознание. Он начал нас успокаивать, уверял, что только через его труп они до нас дотронутся. Освободил шкаф, примерял, как мы можем там поместиться. Они с женой Зейнаб нас накормили, напоили чаем. Ночью никто не спал, до утра обсуждали, как нам лучше выйти из дома. Нариманов все спрашивал, у кого из моих знакомых есть машина, чтобы приехали за нами, остальное, мол, его дело. У меня было очень много знакомых с машинами, но представляете, в каком я была состоянии, что никого не смогла вспомнить и назвать.

Потом Аркел вышел посмотреть, что творится в городе. Вернулся, говорит тихо вроде, танки стоят, БТРы. Тут в дверь постучали, он нас в шифоньер спрятал, закрыл одеждой. Из-за двери говорят, мол, мы из прокуратуры, знаем, что Галина Бахшиевна у вас, откройте. И показали удостоверения. Их несколько человек было, в том числе из 20-го отделения милиции. Нариманов открыл дверь шифоньера, мы вышли. Я одного из них знала, Кулиева Исмеда, он как увидел нас, обнял, на глазах появились слезы. Сказал, забирает нас, чтобы спасти.

Мы спустились на 2-й этаж. Они открыли дверь в нашу квартиру, но нам зайти не дали, сперва сами зашли. Минут через 5 впустили, но только меня, детям не разрешили войти. И я увидела свекровь – она была убита, лежала вся в крови. У нее на лице с правой стороны были синяк и кровь от удара тупым концом топора, а вся левая сторона шеи и груди изрублена топором, в некоторых местах возле сердца были просто отрублены куски мяса. Я кричала, плакала, не могла оторваться от тела...

В тот же день нас увезли в клуб СК, потом в какой-то пансионат. Там ко мне пришли товарищи по работе и сказали - дайте согласие, чтобы мы вашу свекровь похоронили без вас. Вы, мол, плохо себя чувствуете, положение тяжелое, доверьтесь, мы отнесемся к ней как к родной. Но я не согласилась, сказала, что обязательно должна все сделать сама. Пошла на опознание, а на следующий день мы поехали за телом в какой-то экспериментальный институт. Я там увидела Энгельса из 3-го микрорайона, сына убитой Григорян Эммы¹.

Мы встретились около этого института. Я стояла плакала, Энгельс подошел и обнял меня. Ждали долго, почти 3 часа. Нам сказали, что тела убитых везут из другой местности. Потом мы узнали, что трупы “гуляли” по Арменикенду, по разным бакинским моргам. Когда я зашла в морг, тел было очень много, очень... Не 32, как говорят, гораздо больше было. Мне дали список, чтобы я опознала людей, поскольку давно проживаю в Сумгаите. Так вот, у них на одном листе 2 списка было, двойная нумерация. Свекровь моя была в одном из них 31-й, в другом - 155-й. Один список, короткий, – для официального сообщения, а 2-й - длинный, настоящий... Эти числа – 31 и 155 – до сих пор у меня перед глазами.

Суд по делу моей свекрови был в августе 1988г. Мы с младшей дочерью вернулись в Сумгаит, дочка проходила свидетельницей. Ко мне приходили следователи, судья из Волгоградского областного суда, не помню уже фамилию. Этот судья ежедневно ходил ко мне, уговаривал, мол, можете быть уверены, что

¹ Эмма Григорян, 58 лет. Обнаженную вывели во двор, посадили на скамейку, прижигали тело сигаретами. Потом надругались, переломали ребра, разбили голову. См. рассказы В. Шагаянц в сборнике “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев”, т.1, а также Э. Григоряна в настоящем сборнике.

суд на 100% на вашей стороне, на стороне справедливости, но мы просто побратски советуем, чтобы вы не являлись на суд. Говорили, что беспокоятся за нашу безопасность, что это в наших же интересах. Судья упрасивал, умолял, чтобы я уехала в Баку и дала телеграмму о том, что в связи с опасениями за свою жизнь и жизнь детей не могу явиться в суд и прошу, чтобы заседания проводили без нас.

Я все сомневалась, советовалась с друзьями, мне говорили - сделай как они говорят, уезжай, отправь телеграмму. Но я тянула до завершения суда. Хотела участвовать. На заседания ходила моя соседка Сабира, которая тоже была свидетельницей. Она говорила, что вроде суд проходит справедливо. Но приговор прочитали совершенно другой и подсудимые сразу, как только заседание окончилось, были освобождены и убежали домой. Все свидетели были возмущены и поражены тем, какой они спектакль с судом разыграли. Я написала кассационную жалобу в Волгоград, Москву, но все было бесполезно...

Потом я часто думала обо всем этом, сопоставляла все, что было до событий, чему я сама была свидетелем. И теперь я убеждена в организованности погромов. Приведу два факта.

Еще за 6 месяцев до этих событий ко мне пришел бывший житель Кафана, из села Давид Бек. Он обменял свой дом на квартиру в 5-м микрорайоне, и я помогла ему в этом. Еще тогда он рассказывал мне такие подробности о том, что скоро случится, что мне показалось это фантазией и я не придавала значения его словам. Говорил, что жилищный обмен между Азербайджаном и Арменией остановлен, что якобы азербайджанцы, которые живут в Армении, собрали 2000 подписей и обратились к Лигачеву с требованиями. И вообще, что наверху уже все подкуплены, они, мол, на нашей (азербайджанской) стороне. По его словам, если вдруг что-то пойдет не так, то здесь, в Сумгаите, все подготовлено и такое начнется... Уже после этих событий я подумала, как могла не обратить на его рассказы внимания. А ведь это было осенью 1987 года.

И еще один случай. 25-го февраля у меня были гости из Шеки, азербайджанцы. В это время из соседней с нами 3-комнатной квартиры послышался шум. А я знала, что квартира пустовала, хозяйка там не жила. Вышла, смотрю - туда вещи

заносят. Я говорю, кто вы, что делаете, а они мне отвечают, что это наши вещи, мы вселяемся сюда жить. Я говорю, давайте выносите вещи обратно, я не допущу, чтобы рядом с начальником ЖЭКа квартиранты жили. Они начали кричать, и тут женщина говорит мужу, мол, хозяйка говорила ей, что начальник ЖЭКа армянка. Говорит, давай лучше помолчим, скоро их вообще здесь не будет, гнать будут, убивать как собак. Так и сказала - скоро их вообще здесь не будет. Это было, повторяю, 25-го февраля.

Кстати, 27 февраля, после первых погромов, в Сумгаитском горкоме был созван партхозактив и дано указание о том, чтобы все квартиры и дворы, где были погромы, в оперативном порядке и в кратчайший срок были приведены в порядок. Чтобы не осталось никаких следов.

После сумгаитских событий я присутствовала как-то на митинге в Баку. Число и месяц не помню, я поехала туда тайком. И слышала агрессивную речь Бахтияра Вахабзаде и слышала, как артистка Зейнаб Ханларова кричала: "Слава героям Сумгаита".

25 ноября 1988г.

г. Арташат, Армянская ССР

ЛИДИЯ ВЛАДИМИРОВНА РИСОВА

Родилась в 1949 г. По национальности поляка, муж – русский. До 1984 года работала кассиром в пассажирской автоколонне.

Проблемы у моей семьи начались после переезда из Еревана в Сумгаит в 1982 году. В 84-м скончалась моя мама - Щетинина Мария Ивановна, 81 год, пенсионерка министерства обороны... у нее страшная смерть была.

Нашими соседями по площадке были азербайджанцы, один из них милиционер, зовут Рзаев Ариф. Служит в I отделении милиции сержантом. Они попросили, чтобы я впустила в квартиру их знакомых то ли родственников, брата с сестрой - оба молодые, парень в патрульно-постовой службе служил. Пробыли они у меня месяца два. Однажды я прихожу домой с работы (у меня сменная работа была: сутки дежуришь - двое дома), смотрю - дверь в квартиру открыта, мама лежит в постели, средняя дочка - она у меня маленькая тогда еще была, около 8 лет, - стоит возле нее. Маму изнасиловали... жестоко, очень жестоко. Ночью она скончалась. Это произошло в субботу, 10 июня 1984 года. Ну а этих и след простыл, уже не было никого. Соседи мне сказали, что они собрали вещи где-то в 7 часов утра, подогнали машину и уехали. Знали, когда я обычно прихожу с работы после дежурства.

Обращаться куда-либо было бесполезно, потому что проблемы у нас начались еще до этого. Фамилия моего старшего сына – Бабаян, Левон Викторович. Мальчика притесняли. И избивали, и в школу не впускали, но он упорно ходил на уроки. Это 31-я школа, во II-м микрорайоне. Директор школы – азербайджанец - избил сына прямо в классе, потом выгнал. Это мне подтвердили ученики его класса. Когда директор избил его, мой сын прибежал домой. У него на щеке горела... пятерня вся горела на щеке. Школа же новая, форма новая на мальчике, вот следы рук с побелкой у него на спине и остались. Мы с ним тут же вернулись обратно в школу. Дети мне подтвердили, что директор бил его и выгонял из класса, мол, не будешь в этом классе сидеть.

Потом дирекция добилась, чтобы ребенка каким-то образом отправили в

спецшколу. Я ничего об этом не знала, Левона отправили без моего согласия, без моего разрешения. Я тут же подала в розыск - и всесоюзный, и районный. Они у меня приняли заявление о розыске, хотя, как потом я узнала, I-е отделение милиции его и отправило в спецшколу.

У дочери в школе тоже были проблемы. Пришла к нам учительница, говорит: “Олины учебники дайте, пожалуйста”. Я подумала, что если педагог просит, может, кому-то из учеников что-то нужно, и отдала. На следующий день надо идти в школу, а ребенка не принимают. Долго мы с ней мыкались по школам... Девочку не принимали нигде. Уже круговая порука у них пошла - кто, говорит, просил вас сюда переезжать? Жили бы в Армении, если вам там было хорошо. Собирайтесь и уезжайте обратно! Я после всего этого заболела. Дошло даже до того, что хотели отнять у нас квартиру...

О событиях 27-29 февраля говорить трудно, не очень-то слова найдешь. Шли страшные погромы. Они врывались в квартиры, громили, убивали, а милиция никакого внимания не обращала. Были отключены телефоны полностью у всех, даже “скорую” никто не мог вызвать. И 27-го, и 28-го, и 29-го, и когда уже войска были в город введены, только где-то в середине марта телефоны подключили.

На нашу квартиру напали третьего марта, до этого они лазили на балкон. У нас квартира на 2-м этаже, с двух сторон балконы. Лазили, ходили по балкону. Я уже думала в случае чего детей спустить вниз со второго балкона. Среднюю мою девочку и младшую хотела спустить в сумке. Думаю, я их на веревке спущу, а сын у меня взрослый, сам спрыгнет. А когда нападение было, они уже дверь рубили топорами. Сын с балкона спрыгнул и вызвал патруль, благо военные были рядом. Они только успели очень сильно ударить девочку. Дочь кинулась меня защищать и один из них ногой ударил ее в живот. Она отлетела в другой угол комнаты и потеряла сознание. Минут через пять прибежал патруль. Их человек 20 было, и офицер с ними. Они сначала взяли с меня показания, потом, сменяясь, не отходили от нашего подъезда все последующие дни.

Мы после этого вынужденно все время дома сидели. Выехать было невозможно, город блокирован. Да я бы и не смогла бросить дочь, которая лежала в больнице.

Там тоже все дети находились под надзором военной комендатуры.

Что я видела в городе в те дни? У соседей по зданию погромы были, в соседних домах тоже, из 41-го квартала, который располагался рядом, вообще жуткие крики доносились... Шли погромы, а милиция стояла и спокойно наблюдала. Никаких мер не принимали, только наблюдали! Хотя бы что-нибудь они сделали, хотя бы какое-то движение!

29-го числа, ближе к вечеру я с детьми пошла в магазин в 41-й квартал - в нашем уже невозможно было что-нибудь купить. И вот там я увидела костер, из которого торчала нога человека. Нога чья-то... голая нога... полуобгоревшая, видна была до колена. Чья? Кого сожгли? Я не знаю, потому что невозможно было на это смотреть... Смерд такой стоял. Я просто убежала оттуда с детьми. Девочка моя, Оля, видела в 8-м микрорайоне, где тоже много армян живет, как ребенка бросили в костер. Она прибежала домой вся в слезах, не могла говорить, страшно долго заикалась, пока я добилась у нее ответа. Она рассказала, что видела, как такую девочку, как наша Анечка – это моя младшая дочь, ей тогда было два с половиной года - бросили в огонь. Это было между 8-м и 4-м микрорайонами, примерно около магазина. Дочь моя в этом магазине была.

Она до сих пор еще не пришла в себя. Ребенок с каждым днем худеет и худеет. Ей все хуже и хуже. Я стала замечать, что у нее что-то с памятью случилось, появились слуховые галлюцинации. Даже фрукты не ест. Даешь ей яблоко – только хочет откусить, слезы сразу из глаз, и положит, не может кушать. У нее все это перед глазами, видимо, стоит, все эти крики... Рядом с нашим домом был детский садик, там воспитательницей работала армянка. А соседка моя, Григорьева Лена, в этом детском садике работает музруководом. И она рассказывала, что эту воспитательницу изнасиловали, потом сожгли, и на этом месте остался жировой силуэт, который даже побелкой не могут скрыть. В квартире жгли, прямо в ее квартире. Говорит – сначала выкололи глаза, потом подожгли. Все это делалось при муже, при детях.

Когда они в нашу квартиру залезали, я видела, что у них в руках здоровые ломы были, тесак у одного я видела. В основном сумгаитские, ПТУшники все, даже

14-летние мальчишки среди них были. Конечно, кто-то должен был направлять их, руководить, там и взрослые были. Что касается того, как они находили квартиры армян, их могли направлять и соседи. И потом, я слышала, составлялись списки в ЖЭКах. Одни помогали, скрывали армян, другие, наоборот, указывали квартиры. Они ведь не ко всем подряд шли, а заходили именно в конкретную квартиру, минуя остальные. Что еще я видела? Видела костры... Следы от костров и жировые пятна на асфальте. Например, между забором молокозавода и угловым зданием. Потом в углу здания, где аптека. Еще в одном месте, но не могу вспомнить... такое состояние было. А вот за нашим зданием есть строение, там делалась облицовка. Не только вокруг окон сожженных квартир, откуда копоть шла, а всего этого здания. Фасад полностью был облицован, причем работы начались на следующий же день.

Ереван, 7 декабря 1988г.

АВАКЯН АЛЕКСАНДР СОКРАТОВИЧ

Родился в 1959 г. Проживал по адресу: Сумгаит, 45 кв., д.10/13, кв.37. Работал в Бюро гражданского обслуживания фрезеровщиком.

27 февраля, около 10 часов вечера я ехал на такси домой. И вдруг на расстоянии 200 -250 метров увидел большую толпу людей,двигающихся по центральной улице к площади Ленина. Таксист, который вез меня, сказал, что сейчас на площади митинг, на котором присутствует партийное руководство, в том числе – 1-й секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР Багиров и другие.

29 февраля произошло нападение на нашу квартиру. Погромщики были вооружены в основном кухонными ножами, арматурой длиной до 50-60 см, ломami разной конфигурации, топорами. Квартира наша была разгромлена и разграблена. Зверски убили мою жену - Авакян Лолу¹. Покушались и на мою жизнь и лишь по счастливой случайности я остался жив. Соседи, рядом с которыми мы прожили 20 лет, не помогли нам и лишь наблюдали за бесчеловечными действиями погромщиков.

Я считаю, что погромы были организованы, но, скорее всего, времени у них было мало – всего несколько дней. Это чувствовалось как в действиях озверевшей толпы, так и в поведении сотрудников МВД. Например, они использовали своего рода пароли – чуть стемнеет, азербайджанские семьи включали свет в квартирах. Днем и вечером водители легковых машин сигналили 3 раза или вытягивали руку из окна машины. Использовались булыжники, хотя я раньше не замечал, чтобы на улицах города валялись такие камни. В ночь с 28 на 29 у нас и у соседей-армян по этажу отключили телефон, в то время как у соседей другой национальности телефоны работали.

1. 29 февраля после нападения на квартиру 27-летнюю Лолу Авакян вывели из дома, раздели, заставили танцевать, кололи ножами, резали грудь, тушили на теле сигареты, изнасиловали. Согласно свидетельствам, отец – Павел Манвелян нашел тело дочери в море в Мардакянах. Оно было настолько изуродовано, что женщину удалось опознать только по особой примете на мизинце руки. Лола была на шестом месяце беременности.Дополнительные материалы и фото - на www.karabakhrecords.info.

Азербайджанская милиция преступно бездействовала. Сотрудники МВД спокойно смотрели, как громят нашу квартиру, как до полусмерти избили меня. Более того, они получали удовольствие от происходящего. Погромы и убийства могли пресечь только военные, но, к сожалению, они не сделали этого вовремя. Когда меня доставили в сумгаитскую больницу, врач сказал, мол, откуда привезли этого пьяницу. На самом деле меня облили спиртным, чтобы поджечь, но потом подумали, что я и так умру. Я не в состоянии был что-либо ответить этому врачу.

11 апреля 1988г.

АРАКЕЛЯН АРСЕН АРТАШЕВИЧ

Родился в 1966 г.

Из показаний, данных в ходе судебного процесса о преступлениях против армянского населения Сумгаита, проходившего в Верховном суде СССР 18 октября - 18 ноября 1988г.

Я был студентом Азербайджанского политехнического института. 29 февраля утром в 7:30 направился к автовокзалу, чтобы поехать в Баку на занятия. На автовокзале было много солдат с дубинками. Отец был со мной, пришел меня провожать. В 8 ч. мне удалось сесть в автобус и поехать в Баку. Со мной учился парень, Э. Джабаров из Сумгаита, азербайджанец. Он рассказал, что видел, как раздевали беременную женщину и издевались над ней...

В тот же день вечером я вернулся в Сумгаит. На улицах увидел очень много БТРов. А на автовокзале повсюду была кровь - очень много крови, камней, валялось нижнее белье. Недалеко от автовокзала громили квартиры армян, хотя рядом проходили БТРы и все это видели. Но, к моему удивлению, военные не спешили на помощь людям... Я пошел в свой квартал и сразу заметил, что на нашем балконе тоже есть люди. Они все были одеты в черное. Ко мне подбежала соседка тетя Аня и сказала: "Арсен, убегай, тебя тоже убьют". А я не знал, куда бежать, кого звать на помощь... Горком находился недалеко. Там было очень много солдат и БТРов - горком очень хорошо охраняли. А недалеко убивали людей...

Когда уже стемнело и все разошлись, я подошел к нашему дому. Все было разгромлено. Я поднялся в нашу квартиру. Дверь была сломана. Я зашел в квартиру и не узнал ее, все было разбито, целого ничего не осталось. Спустился, хотел уйти. Ко мне подошел знакомый парень и сказал, что недалеко женщина лежит на асфальте, еще живая. Я подошел и увидел, что это моя мать... Побежал за машиной. Останавливал машины, объяснял, умолял - не помогли. Потом я побежал в "скорую", это недалеко. Там сидела женщина, и я стал умолять ее помочь. Она говорит: "Звоните в милицию". Я попросил, чтобы они позвонили, но мне

ответили, что у них нет телефона. Я вышел и стал останавливать машины “скорой помощи”. Однако опять никто не желал помочь. Потом я пошел в пожарную часть, чтобы оттуда позвонить. Однако мне не дали позвонить. Сказали, звони из газовой конторы. Оттуда я дважды звонил в милицию, там ответили: “Ждите”. Но помощи так и не последовало...

Я пошел в 8-е отделение милиции. После долгих уговоров они, наконец, взяли грузовую машину и приехали в наш квартал. Мать хотели везти в кузове, но я не согласился, взял ее в кабину. Мы поехали в “скорую”. Там маму посадили на бетон. Я попросил врачей, чтобы дали хоть какую-нибудь тряпку, чтобы накинуть на нее. Они ничего не дали и даже начали ругать меня. Врачи стояли, переговаривались между собой и так ничем не помогли. Потом я вынужден был на том же грузовике отвезти маму в какую-то больницу. Там были врачи из Баку и ее повезли туда

Потом я начал искать отца. У меня не было документов, поэтому меня обратно в Сумгаит не пускали, был комендантский час. Однажды в больницу пришел следователь и сказал, что хочет меня допросить. Мы пошли к нему и он сказал, что есть неопознанные трупы. Мы пошли в морг, там было полно трупов. Следователь мне показал два трупа. У одного голова была сильно разбита. А другой был полностью обуглен. Показав на последний, следователь спросил: “Узнаете?”. Я никак не мог опознать. Потом вспомнил, что у отца были золотые зубы... Я опознал отца по зубам и по мизинцу на ноге.

ДАНИЕЛЯН ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Родился в 1930г. в селе Дашбулаг Степанакертского района НКАО.

Сначала были организованы многотысячные митинги на площади Ленина перед зданием горкома. Усилительные установки были такие сильные, что голоса выступающих, призывы были слышны на полгорода. Звучали призывы к уничтожению армян, с трибуны приводились сведения о якобы имевших место в Армении и НКАО случаях насилия над азербайджанцами со стороны армян. Выступления сопровождалось диким ревом толпы, отчего город буквально содрогался. На следующий день, 28 февраля, начались массовые убийства. Во время погромов мы отключили свет в квартире, стараясь быть незаметными, но соседка нам сказала, чтобы мы, наоборот, включили свет, потому что темные окна были указателем на объект нападения. Телефон работал 27-го и 28-го февраля до 10 часов вечера. 28-го вечером мы успели позвонить сыну Павлу, чтобы он немедленно сообщил в Кремль. Проезжая по шоссе, машины сигналили, а водитель поднимал руку, что означало: за рулем свой.

За неделю до трагедии мой сын Гарик, работавший на алюминиевом заводе в цехе платных услуг, столкнулся вот с чем. Автослесарь Рахим, усмехаясь, издевательски сказал ему, что скоро всех армян переселят в Армению, а его ученик попросил Гарика произнести слово “фындык”, причем сказал, что если, мол, ошибешься, то узнают, что ты армянин и убьют. Конечно, Гарик не обратил внимания на этот разговор и отошел от них.

Поразителен и такой факт: за полтора месяца до погромов к нам домой пришли двое молодых парней со списком в руках. Они записали всех членов семьи, сказав, что это нужно для выборов. Мы их заподозрили только в воровстве. После ухода этих парней мы спросили соседей, приходили ли к ним эти парни. Оказалось, что к азербайджанцам никто не приходил и не записывал, а вот армян всех записали. А выборов никаких не было и не намечалось. Не это ли факт тщательной подготовки к нападению?

Март 1988г.

ПАНТЕЛЕЙ МЕЛИКОВ

Родился в 1968г. в Тбилиси. По национальности грек. В 1988 году в качестве военнослужащего Советской армии находился в Сумгаите.

В феврале 88-го я служил в армии в Сумгаите. 28-го февраля, в воскресенье в 9 часов утра находился в увольнении. Из части до города добрался пешком к полудню, автобусов не было. Город был закрыт, пожарные машины и милиция стояли на трассе и никого не пускали. Я отошел от дороги и другим путем, через степь прошел в Сумгаит. Пошел сначала на почту чтобы позвонить, но почта была разгромлена, ничего там не было. По городу толпами ходили азербайджанцы – в основном молодые, 16-25 лет, человек по 100 и больше. Они шли по улицам, по дворам, заходили в квартиры. Потом я узнал, что это были квартиры армян, и еще нам сказали, что днем раньше они заходили в ЖЭКи и спрашивали – в каких квартирах живут армяне. В основном в этих квартирах никого не было, а если кого-то находили, то убивали.

В тот день я видел и убийства, и избиения... На моих глазах около рынка поймали девушку-армянку 16-17 лет. Ее прямо на улице изнасиловали 4 человека, потом ножом разрезали на куски. Увидев это, я подошел, чтобы вмешаться, и получил удар: мне сломали челюсть и хорошенько избили. Видел, как на улице убили женщину-армянку лет 58-60. Ее несколько человек ножами зарезали, я стоял метрах в 15 и ничего не мог сделать. Я видел своими глазами, как толпа остановила машину, в которой сидели двое азербайджанцев, и под предлогом того, что они, мол, им не помогают, а значит, они на стороне армян, их убили. Свои же азербайджанцы убили азербайджанцев. Видел и других азербайджанцев, которые отказывались участвовать в погромах и их избивали и убивали. Один забрался на дерево, спасаясь от толпы. Его прямо на дереве убили только за то, что он отказался показать, где живут армяне.

В тот день, 28-го, они солдат еще не трогали, вообще я в тот день военных на улицах не видел. А вот 29-го уже начали нападать и на солдат.

- У погромщиков было другое оружие, кроме холодного?

- У них было такое же оружие, как у нас – автоматы, ружья, а еще охотничьи ружья, самодельное оружие. Они не были похожи на толпу, в их действиях была

организованность.

(...) 29-го я не выходил в город. А 1 марта нас с утра отвезли на станцию Насосная. Из Махачкалы прибыли воинские части, их тоже повезли в город. Тогда уже аэропорт начал принимать самолеты, танки, БТРы, прибывали войска. Через три дня всех армян вывезли из Сумгаита, куда – не знаю. 1 марта нам раздали оружие, патроны, но был строжайший приказ ни в коем случае не стрелять. Рядом убивали и ранили наших товарищей-солдат, а мы не могли ответить. Рядом со мной стоял парень-грузин, ему попали в живот и он умер на месте. Не могу сказать точно, но в первый день погибли и были ранены не меньше 100 солдат. А на 4-й день, выступая перед жителями города, генерал Шестопап сказал, что за последние дни было убито и ранено около 2000 военных. (...) Я не был в числе тех, кто убирал тела убитых, но видел сожженные и изуродованные трупы... Лично я видел, как собрали около 15 трупов, среди них были и дети дошкольного возраста. Они были выброшены из окон и балконов. Ходили по городу и среди солдат слухи, что из роддома выбрасывали детей, беременных женщин, но сам я этого не видел. Многие трупы были сожжены.

(...) Солдат убивали не только огнестрельным оружием, но и холодным. Когда был введен комендантский час, мы ходили по улицам по трое. Скажем, проходим мимо подъезда, а оттуда кто-то высовывается и - солдата ножом... Потом никого из убийц не находили, конечно. Я видел убитых таким образом, и при мне так убили двоих ребят.

(...) Не знаю, как именно убивали армян, но зверски убитых много было. Ребята даже сравнивали эти события с фильмом «Обыкновенный фашизм», который недавно показывали, и говорили, что убийства в Сумгаите были очень похожи на то, что там описывалось. Милиция не вмешивалась, тех, кто в первый день пытался помешать, убивали. Многие милиционеры ходили вместе с толпой, это я сам видел.

- Правда ли, что в погромах принимали участие только наркоманы и хулиганы?

- Если так считать, то значит, в Сумгаите все население – наркоманы и хулиганы, других там нет.

(...) Ситуация в Сумгаите более или менее утихомирилась только к 8-9 марта. Но даже после этого солдатам не давали увольнительных в город, потому что были

случаи, когда, увидев на улице солдата, особенно одного, его могли убить, избить, выбросить в море. Такие случаи были. Поэтому до 26 марта было объявлено казарменное положение.

(...) После этого все успокоилось. Правда, ожидали, что 24 апреля, в связи с днем Геноцида, из Армении будут гнать азербайджанцев. В Сумгаите готовились к этому, снова объявили казарменное положение, но ничего такого не произошло. За все это время мы ни разу не слышали, чтобы в Армении кого-то убивали, громили или выгоняли.

- А говорят, что в Сумгаите в дни погромов были азербайджанцы из Капана...

- Да, я тоже слышал об этом, но не видел их. Говорили, что сначала они прибыли в Баку, а оттуда их отправили в Сумгаит. Но нам, военным, тогда говорили, что все это сделали сами местные жители, иногородних не было.

- Можете сказать, сколько армян было убито в те дни в Сумгаите? Хотя бы приблизительно?

- Не могу... Но если брать эти 2-3 дня, то точно не 32, раз в 10 как минимум больше. Человек триста наверное.

- Что послужило поводом для военных направить танки и БТРы на толпу и раздавить людей?

- До 4 марта со стороны военных не было сделано ни одного выстрела, ни одного азербайджанца не тронули. А сами погромщики не только нападали и убивали солдат, но и уничтожали военную технику. Около 15 БТРов было разгромлено вместе с экипажами. В те дни погиб один лейтенант, армянин по национальности, звали его Грант, фамилию не помню. Он погиб в своем БТРе вместе с пятью солдатами.

Я уже сказал, что 4 марта перед сумгаитцами выступал генерал Шестопал, стоя на БТРе. Он говорил спокойно, уговаривал людей разойтись по домам, не митинговать, вернуться к обычной жизни. Из толпы в него бросили кирпичом и попали по голове. Генерал ничего не сказал, только приказал направить БТР на толпу. А затем разрешил стрелять и разгонять их. Один только Шестопал своим БТРом задавил в тот день 80 азербайджанцев, мы потом собирали их трупы. Все это продолжалось до 8-9 марта.

- Это правда, что 28-го числа солдаты поймали двух погромщиков и сдали в мили-

цию, а 29-го их снова видели на улице?

- Да. И не только этих двоих. Были еще такие, которых сдали, но на следующий день по распоряжению секретаря сумгаитского горкома Муслимзаде освободили. Местные власти вообще ничего не делали, все делалось военными.

- А армяне защищались?

-Только холодным оружием. Я сам видел таксистов-армян, у которых в багажнике топоры были – они говорили, если нападут, так просто не сдадимся. А те, на которых напали ночью у них дома, ничего не могли сделать.

- Одна женщина-беженка рассказывала, что азербайджанцы под предлогом защиты собирали армян в автобусы, увозили к морю и там выбрасывали их в море. Было такое?

- Да, это правда. А еще останавливали автобусы на трассе Сумгаит-Баку, приказывали выходить всем, кто не армянин, а оставшихся в автобусе убивали. Я сам убирал эти трупы, там в основном были женщины и дети, всего 7 человек, 4 женщины, трое маленьких детей. Их зарезали ножами. Я видел это своими глазами. Впервые я стал свидетелем такого случая 29-го числа, когда ехали из Насосной в Баку. Потом еще раз 7-8, и везде люди были убиты холодным оружием. Такие убийства происходили и 15-го, и 16-го марта. Я видел, как в автобусе остался всего один армянин, потому что мало кто уже ездил тогда, все уже знали о нападениях. Это был молодой парень, его не убили, а просто подожгли автобус, он остался жив, хотя сильно обгорел.

(...) Ни одна газета не написала правду о событиях в Сумгаите. Уже одно то, что они называют число 32 погибших...Столько убитых я только в первый день видел. Правильно сказала девушка в передаче «Позиция»: правду о Сумгаите скажут не сейчас, а лет, может, через 20-30.

- То, что происходило в Сумгаите, было похоже на геноцид?

- Не то что похоже – так, по-моему, не бывает... Это был именно геноцид.

Видеоинтервью было сделано в начале июня 1988г.

Доступно на сайте www.karabakhrecords.info

АВАНЕСЯН АРКАДИЙ ЛЕВОНОВИЧ

Родился в 1936г. Проживал по адресу: г. Баку, ул. Чапаева, дом 72/74, кв.61

Работал в СУМ №2 тр. "Промстроймеханизация" в Сумгаите.

Я был свидетелем того, что происходило в Сумгаите 27 февраля. Возле горкома к десяти часам утра был организован митинг. Все выступления были направлены против армян, говорили, что армяне не должны жить в Азербайджане, их нужно гнать, и т. д. По всему городу были подготовлены дубинки, камни, арматура, ломы. Был остановлен весь транспорт, кроме легковых машин. Я в это время был на работе у одного моего знакомого азербайджанца, его зовут Карам. Его жена пришла с работы и предложила мне остаться у них, сказала, что в городе очень опасная для армян ситуация. Но я не мог в этот день остаться и ушел. Дошел до автовокзала, чтоб уехать в Баку, и увидел, что там творилось. Это было страшно. На вокзале было очень много людей и я пробрался в толпу. Недалеко стояла милиция, человек 300. А на трассе стояли группы парней, в руках у которых были ножи, дубинки, камни, металлические прутья, лопаты и т.д. Они останавливали машины и, если за рулем сидел армянин, переворачивали их, избивали женщин, детей, мужчин, пожилых, зверски издевались над ними, поджигали вместе с пассажирами. По всему городу были слышны крики армян. Могу сказать, что действия азербайджанцев были заранее запланированы. Машины, в которых сидели азербайджанцы, проезжали по улицам с сигналом и эти машины погромщики пропускали. Армян, которые находились в тяжелом состоянии, отвозили в больницы, и там им делали уколы, от которых они больше никогда не встанут. Врачи действовали заодно с погромщиками. А сотрудники милиции никаких мер против бандитов не предпринимали. На автовокзале стояла книжная будка, там работала армянка. Я видел, как несколько человек подошли к этой будке и стали издеваться над этой женщиной. Потом перевернули будку и подожгли. Мне повезло - удалось украдкой, окраинами, через степь и грязь, камыши, пешком пройти до Джейран-Ботанского перекрестка. Там я увидел стоявших возле поста ГАИ военнослужащих, танки и БТРы. Вся эта техника и воинские части как будто чего-то ждали. Я вышел на трассу и пешком добрался до Баку.

БАЛУЯН ВЛАДИМИР ЕГИШЕВИЧ

Родился в 1958 г. Проживал по адресу: Сумгаит, поселок Строителей, ул. Северная, д.13, кв.11.

26-го февраля в городе начались митинги. На улице Ленина, на площади собрались азербайджанцы, очень много их было, чуть ли не полгорода. Открыто говорили, кричали, мол, долой армян. В ту же ночь начались нападения на армянские квартиры. Конкретно я был свидетелем того, как на улице Мира перевернули машину ГАЗ-24 с водителем внутри. Перевернули, облили бензином и подожгли вместе с водителем. Машина горела, и все это видели, милиция тоже стояла и смотрела. Они вообще в эти дни не вмешивались ни во что, отворачивались, переходили на другую сторону улицы, делали вид, что ничего не происходит, словно сами боялись погромщиков. Мне рассказывали, что милиционеры часто показывали дома, где живут армяне, и направляли туда погромщиков.

О том, что все было подготовлено заранее, многое говорило. Армяне приходили на работу, а их отсылали домой – мол, идите и три дня не выходите из дома. Не знаю, делалось ли это с целью помочь нам или у них договоренность такая была, чтобы нападать и резать только в домах. У них вообще были придуманы разные сигналы. Например, они стояли на дорогах и останавливали машины, если за рулем был армянин – его вытаскивали из машины, избивали, резали, убивали, если азербайджанец – объясняли, что надо ездить по городу с сигналом, в противном случае могут подумать, что за рулем армянин. Еще руку поднимали – такой сигнал тоже был.

Азербайджанцев в первый день предупреждали, чтобы тушили свет в квартирах, а во второй день наоборот, велели своим держать свет включенным, потому что армяне уже выключали. Так они узнавали – где армяне живут, где азербайджанцы. А вообще у них был список адресов и по этому списку они врывались в квартиры. Я сам видел, как с таким списком в руках впереди шел один из них и читал: вот в таком-то подъезде на таком-то этаже живет армянин. Потом распределялись по подъездам – скажем, узнав, что на втором этаже есть армянская квартира, туда

направляли группу из 20-25 человек.

В нашем доме всего 24 квартиры, из них семь армянских. Соседи узнали и сообщили нам, что ночью ворвутся в поселок. Парень один, армянин, пошел в военную часть и договорился о том, чтобы перевезти туда всех армян нашего дома. Военные прятали нас до утра, но ночью, часа в три, бандиты попытались напасть на войсковую часть, но не смогли. Под утро командир позвонил в горком партии и сообщил, что у них находятся беженцы-армяне, которых нужно где-нибудь устроить, мол, мы не можем их в части держать. Нас посадили в автобус и под охраной, с автоматами, увезли в горком партии. Мы сидели там почти сутки, а потом нас оттуда прогнали. Просто потребовали освободить помещение. Образовали такой коридор на дороге, по обе стороны которого стояли танки, и под охраной десантников переводили в клуб напротив. Там мы устроились кое-как на полу.

А утром следующего дня мне друзья-азербайджанцы сообщили, что братья моей жены лежат убитые около подъезда своего дома. Их имена – Альберт и Валерий Аванесяны, 32 и 30 лет. Один работал учителем, второй инженером-экономистом в Баку. И я с товарищем на его машине поехали туда. Трупов не было во дворе, их уже увезли в морг. Мать и отец, сами избитые, сидели во дворе и плакали. Я подошел к ним и узнал все обстоятельства убийства. В их квартиру уже невозможно было зайти – там практически ничего не было, все побито, сломано, разрушено.

Родители рассказали, что погромщики ночью ворвались в квартиру. Ребята оборонялись, старались удержать дверь, но не смогли, нападавших было много – человек 50-60, вооруженных ломami, камнями, арматурой. И тогда дети спасли родителей: они отправили мать и отца на третий этаж, к соседям-русским, а сами вышли во двор, чтобы отвлечь бандитов. Если бы они тоже поднялись, бандиты погнались бы за ними и всех бы убили. Один брат побежал в одну сторону, а другой – в другую, и банда разделилась – по 15-20 на каждого напали. А соседи сидели на 3-м этаже и видели, как их убивали.

Рассказывали, что вначале закидали их камнями, потом начали топтать ногами,

ходили прямо по лицу, по телу. Алика, по словам соседей, сначала оглушили ломом по голове, потом ножом начали бить, а затем вылили ведро воды на голову, чтобы посмотреть, живой или нет. Он от воды очнулся, в себя пришел немножко, и они начали добивать его - камнями, ногами топтать...Так и убили, прямо у подъезда дома. Соседи три раза звонили в милицию, им ответили, что скоро приедут. Но подъехала милиция только через четыре-пять часов. Мать с третьего этажа своими глазами видела, как сами милиционеры таскали из квартиры то, что еще оставалось целым – люстру, телевизор.

Чтобы успокоить родителей, я сказал им, что ребят не убили, они живы и находятся в больнице. Пошел в морг и увидел, как они лежали штабелями друг на друге. Там были раздетые люди, многие женщины коротко обстрижены, молодые девушки - наголо. Ясно было, что над ними издевались, обстригали волосы в квартире и так выводили во двор. В морге я увидел примерно 18 трупов. На следующий день пошел, чтобы взять тела братьев, но мне не дали, сказали, что всех увезли в Баку. Потом их дяди приехали, они узнали об этой трагедии и приехали в Сумгаит. Поехали в Баку, забрали тела братьев и похоронили в Локбатане, это километров 15-20 .

В морге наши ребята были под номерами. 162-й был Алик, 164-й - Валера. На всех телах были бирки на руке. Привязывали, чтобы по номерам их брали. Все тела изуродованы, осквернены. Особенно сильно была повреждена лицевая часть, голова. Они старались в эту часть бить, кровью все заливали, чтобы узнать было невозможно. Судя по ранам, били их камнями, трубами, ломami, железными тросами. В клубе я слышал, как называли число 600 погибших. А недавно узнал другое число – 310. Ко мне земляк приехал из Сумгаита и рассказал, что в горкоме они видели список, в котором были имена 310 убитых армян.

11 марта 1988г. Ереван

ВАГРАМОВА ИРИНА

Проживала в Сумгаите по адресу: 4 квартал, дом 27, кв. 12.

Работала в ЖЭКе N8

В нашей семье 29 февраля убили отца моего мужа Бориса - Бабаяна Аршака Аслановича. До этого 3 дня в городе проходили демонстрации. Толпы бандитов разбивали витрины, жгли сапожные и газетные ларьки, где работали армяне, ателье, киоски и т.д. Но никто не останавливал и не разгонял их, хотя они во весь голос кричали: "Смерть армянам". Ночью 28-го числа в городе был страшный погром, а уже рано утром работники ЖЭКов принялись вставлять стекла в окна квартир армян и убирать во дворах.

В ночь с 28-го на 29-е мы были дома. В окно видели, как во дворе напротив толпа кричала, громила квартиры, слышали крик женщины. У кого-то мебель с балкона выбрасывали, у других машину сожгли... в двух словах всего не описать. В ту же ночь напали и на нашу квартиру. У погромщиков в руках были ножи, топоры я видела, железные прутья, ножики от чьей-то поломанной мебели, палки. Меня и свекровь зверски избили, квартиру ограбили. Свекра моего ударили по голове чем-то железным, он два часа лежал без сознания, весь в крови. Так и умер.

Мы все время звонили в милицию, "скорую", но никто не приехал и не оказал помощи. В "скорой" либо давали отбой, либо сваливали на милицию – дескать, туда звоните, а то и вовсе говорили, мол, так вам и надо... Соседи, с которыми мы всегда были в хороших отношениях, ничего не сделали, чтобы помочь нам в ту ночь, даже после того, как ушли бандиты. А ведь рядом медсестра жила и она знала, что отец еще жив и нуждается в медпомощи... Там и мужчина партработник жил, но он и двери не открыл, ни слова не сказал, хотя знал, что у нас в квартире ребенок. Это не люди, нет.

Ни одной "скорой" или милицейской машины в ту ночь я не слышала и не видела. Правда, под утро к нам зашел милиционер, но по его поведению и улыбке можно было сказать, что и он за этим же пришел - разбоем и грабежом. А так никаких мер не принимали, просто стояли и смотрели, и не мешали тому, что на

их глазах творилось.

Утром, когда мы с мамой вышли, на улицу страшно было смотреть. Все было как после войны, повсюду во дворах валялись сожженные вещи, квартиры, где жили армяне, были разгромлены, без стекол, с черными обугленными стенами, кое-где шел еще дым, на улицах валялись камни, железные прутья, палки. Утром везде уже стояли военные, и я увидела, как на перекрестке, где был маленький магазинчик, на асфальте лежали бутылки или с бензином или с чем-то еще. 2 парня подбежали, подняли их и стали бросать в стоявший рядом бронетранспортер с солдатами.

А 29-го февраля военные по 5-6 человек в касках, с дубинками в руках выводили из квартир и провожали до машины каждую армянскую семью. Эвакуировали среди бела дня, в мирное время. Мы тоже тогда поехали на машине в Баку, а затем вообще уехали оттуда.

АЙРАПЕТЯН РАЗМИК

Проживал по адресу: Сумгаит, 2-й микрорайон, дом 19/23, кв. 39. Работал на Трубопрокатном заводе, мартеновский цех.

Жена - АЙРАПЕТЯН АЗАТУИ

Сын – АЙРАПЕТЯН СЕРГЕЙ

Размик:

27-го февраля, примерно в половине одиннадцатого утра по улице начали ходить толпы. Они кричали что-то вроде «Да здравствует Горбачев, что Нагорный Карабах не передал Армении». Громили на своем пути киоски, будки, даже книжный магазин, оттуда все книги и другие вещи выбросили, стекла побили.

На следующий день, часа в 3, я вышел хлеб купить, хотя жена отговаривала. На обратном пути вижу – у нас во дворе полно народу. “Скорая” помощь стояла и повсюду кровь была. Поднялся к себе домой, жена говорит, что с четвертого этажа дома напротив мужчину вытащили и убили. Он недавно там жил, год-два, я его не знаю.

Азатуи:

Его прямо во дворе били и все стояли и смотрели. Через несколько часов “скорая” приехала и забрала тело, а до этого никто к нему не подходил. Потом начали громить квартиры. На нас напали один раз, в нашем подъезде только мы армяне. Соседка-азербайджанка сказала им: «У нас армян нет». До этого она пришла к нам и говорит: «Давай, быстро свет включай, пусть освещено будет, чтобы не узнали о тебе». Ну, я быстро везде свет включила.. И они ушли в другой подъезд. Что они там делали - не знаю, темно было.

Потом посмотрела на часы – шесть часов, а сын еще с работы не вернулся, хотя полпятаго, как правило, он уже бывал дома. Только в половине седьмого пришел – оказывается, кружил вокруг дома, не решался подойти. Пришел, покушал, я легла, потом встала и посмотрела в окно – опять толпа у нас во дворе, в нашем подъезде. Ну я начала кричать, метаться... Тут наша соседка по площадке в дверь постучала, говорит: «Аза, быстро к нам, быстро идите к нам домой». Мы вдвоем кинулись

туда, я с сыном под кровать, муж под шифоньер, а она вышла с третьего этажа, сказала им: «Идите, здесь армян нету. Маленький ребенок больной у меня». Вот так мы спаслись в тот день. А 29-го в городе вообще ужасно было...

Размик:

В тот день, 28-го, нас соседи защитили. Они вышли в подъезд и сказали им, мол, куда идете, здесь армян нет. Уходите отсюда. Еле-еле увели их. Ночью мы ночевали у соседей, утром пришли в свою квартиру, через балкон смотрим - вещи на улице валяются. Не знаю, убили кого-то или нет, а вещи все там. Возле гаража под нашим балконом чемодан с вещами валялся. На остановке возле дома перевернули машину, облили бензином и сожгли.

Сергей:

27-го февраля я с работы пришел, по дороге ничего не заметил. Потом мы с отцом вышли во двор. Я подошел к ребятам покурить. У меня не оказалось сигарет и я пошел в магазин. Дошел до «Спутника», а там уже толпа. Со стороны горкома шли. Впереди 5-6 милиционеров, машины, транспорт – все остановили. Напротив «Спутника» парни из толпы подбежали к автобусу и вытащили оттуда двоих армян. Одного сразу схватили, другой забежал в кабину шофера и кричит: «Помогите, помогите!». А шофер его отталкивает, выходи, мол, из кабины, а то меня тоже из-за тебя убьют. Потом дверь поломали, его вытащили. Тут я быстро забежал в «Спутник», за мной как раз дверь закрыли. Когда все стихло и толпа ушла, я вышел из магазина, вижу - два трупа лежат. Я испугался и побежал домой.

28-го февраля утром вышел на работу. В четыре часа закончил смену и пошел домой. Ни автобусов, ничего нет – пришлось идти пешком. Проходил через 3-й микрорайон, вижу – толпа, обошел одну толпу, потом вторую... У каждого дома толпа стояла. Мне любопытно стало, думаю, дай подойду, посмотрю. И вижу – сразу из четырех квартир одного из зданий вещи бросают, а потом женщину выбросили – я сам видел. Там дерево было высокое, с пяти-этажный дом, мужик на этом дереве стоял, лет 50-60, с микрофоном, и кричит: «Браво!». И люди хлопают, свистят, молодежь радуется, еще больше распаляется.

Я отошел оттуда, перешел дорогу, чтобы пройти к своему дому. Смотрю – во дворе столько людей, невозможно зайти. Наполовину милиция, наполовину гражданские, милицейская машина стоит. И там женщина с дочкой забежали в милицейскую машину, чтобы спастись от толпы. Их оттуда вывели, а милиционеры просто разбежались по сторонам. Женщину и дочку ее волоком таскали по двору, избивали их, мучили... Потом выкинули тела прямо к милиционерам. Милиционеры забрали трупы и снова назад отошли. Это все я видел своими глазами...

4 марта мы уехали в Баку, оттуда в Степанакерт.

ГЕННАДИЙ АСРЯН

В ночь с 28-го на 29-е в Сумгаите зверски, просто зверски убили моего тестя Авакяна Юрия Багратовича. Утром в 7 часов сын его в шоковом состоянии прибежал ко мне домой. Рассказал все... Где-то минут 15 восьмого мы пошли к ним домой. Трудно было даже зайти в подъезд – все было разрушено. У соседей на разных этажах – тот же разгром. Они на четвертом этаже жили. Ну, к ним домой вообще невозможно было зайти. Все разломано на куски, даже дверей не было. Я нашел тещу у соседей, спросил, как это случилось. Говорит, при мне они его не тронули, просто сказали, мол, идем, мы тебя отправим в Ереван. Мы вышли во двор, спросили у соседей - кто что видел, они говорят, забрали его и отвезли в больницу. В больнице нам сказали, что всех, кто был в тяжелом состоянии, отправляли в Баку. Труп его мы нашли уже в Баку. Он был жестоко избит, весь искалечен, а после избиения его даже хотели сжечь, на теле остались ожоги. Звери просто.

Соседку их, Григорян Эмму, примерно 60 лет ей было, раздели полностью, голую вывели на улицу... Соседи слышали, как она просила их, говорила, я вам в матери гожусь. Но они все равно вывели и таскали ее с собой туда-сюда. Тоже зверски убили. Заключение врачей я сам читал, ее сын мне показывал. Я просто не могу выговорить эти слова, что они с ней только не сделали. Отца его, мужа Эммы, Григоряна Черкеза тоже избили, он в крайне тяжелом состоянии был, не знаю, выживет или нет.

В квартире под ними, на 3-м этаже, жил Аванесян Саша. Его тоже очень сильно избили, дочку одну, по-моему, изнасиловали, у второй дочери ножевые раны были. Вся семья, кроме матери, пострадала, а мать соседи спрятали. В общем, звери были. Дочка его, которую раздели догола и вывели на улицу, сумела убежать от них. Потом она нашлась в таком состоянии, что даже описать трудно. В общем, только в одном подъезде я про три случая рассказал, а сколько там людей вообще убили.... Уж точно не 26, как говорят. Все, кого привозили в пансионат в Сумгаите, где нас содержали под охраной, говорили – у меня этого убили, у меня того убили... Только среди выходцев из нашей деревни, в Гадрутском районе она находится, 7 семей пострадало.

Март 1988.. Видеоинтервью доступно на сайте karabakhrecords.info

АДЯН ДЖУЛЬЕТА ЯШАЕВНА

27-го февраля в 12.30 мне позвонила невестка и сказала, что ребенок болен. Я пошла к ним и вернулась примерно в 4 часа. По дороге увидела, как мимо толпой проходят какие-то парни. Они были одеты в основном в темно-синюю одежду, желтые полосы сбоку на брюках, в руках несли желтые флаги и металлические прутья. Потом, уже после событий, один мужчина, работник алюминиевого завода, сказал мне, что сам 200 штук этих прутьев изготовил и если бы знал, что для себя их готовит, не делал бы. Директором этого завода был Эминбейли, сейчас он секретарь горкома.

Из толпы кричали, раздавались призывы - долой армян, убивать и жечь армян, Карабах не отдадим. Я решила перейти на другую сторону улицы и с ними вместе дошла до здания горкома, где они все собирались. Некоторые парни из толпы, как циркачи, прыгнули на памятник Ленину. Потом вышла Байрамова, второй секретарь, поднялась на трибуну и рукой вот так вот помахала народу - словно парад принимала. После этого пришел Муслимзаде. Но на трибуну он не поднялся, а подошел к собравшимся. Я не знаю, что там произошло, далеко стояла. Потом увидела, что в одну руку Муслимзаде вложили флаг, а потом сняли с него обувь и дали в другую руку. Он провел их пешком до моря, эту толпу. Я села в троллейбус и поехала домой.

Через несколько часов звонит моя сестра и говорит, Джуля, из дома не выходи, положение тяжелое, знакомый из уголовного розыска звонил и сказал, чтобы не выходили, потому что ситуация серьезная, армян убивают, громят, не можем остановить этих хулиганов. Чуть позже, часов в 7-8 вечера я хотела снова ей позвонить, вижу, телефон не работает. Решила пойти к соседям-азербайджанцам. У сестры никто не отвечал на звонки, и я поняла, что у них телефон тоже отключили. Пришла домой, рассказала - что и как.

Потом утром, часов в 12, телефон вдруг заработал и я позвонила сестре. Слышу, она плачет. Что случилось? Подумала, может на них напали - они в центре живут. Она говорит, не представляешь, что здесь происходит, двух парней соседских

убили. Рассказала, что Алик, ее сын, говорит, что его друзей - сыновей Риммы - Валерика и Алика убили¹. Я начала сестру успокаивать – мол, что будет то будет, останемся не останемся, родились - умрем. Она спрашивает, у вас такого нет? Говорю - нет, пока тихо. Этот день тоже кое-как прошел, ночью никто из нас не спал, дождались рассвета.

Рано утром опять она звонит и говорит, что напали на дом моего среднего сына Азата. Он жил за Центральной почтой - на улице Ленина, 5-й квартал, 16а, кв. 2. В общем, сестра рассказала, что на дом моего Азата напали, но вышел их сосед, сказал, что здесь армян нет, армяне живут в другом подъезде. Ребенка пожалел, обманул погромщиков, что здесь, мол, армяне не живут. Сестра говорит, хотели дверь сломать, но у него крепкая дверь, не смогли. Оставили и ушли.

Потом мы узнали, что в здании, где жил мой сын, армяне просто так не умирали, они защищались и тоже ломали туркам руки-ноги, топором отрубали.... На рассвете, говорят, там видели 2 отрубленные руки. Защищались, пока их самих не убили.

Я испугалась, вся дрожу, говорю, ты там близко, уже рассвело, могут и на вас напасть. Потом к нам сыновья мои пришли с семьями. Они сварщики и придумали кое-что для защиты: взяли шланг, штуцер присоединили и подключили к газу, чтобы в случае нападения включить газ, закрыть окно и поджечь. Утром, часов в 10-11 мы услышали, как ГАИ с микрофоном проезжает и объявляет, чтобы армяне из домов не выходили, детей в школу и детсады не отправляли и сидели дома. Положение, мол, сложное, нельзя выходить.

Это уже 29-го числа было. 2 дня мы сидели дома, готовились защищаться. На третий день закончился хлеб и жена моего старшего сына - она русская – решила пойти в магазин – говорит, меня, как русскую, наверное, не тронут. Пошла, купила хлеб и молоко и вернулась, сказала, что полно вокруг солдат, в микрофон объявляют, что они армян пришли защищать, собирают их. Этот день тоже провели дома.

1. Братья Альберт и Валерий Аванесяны были одновременно зверски убиты на улице возле своего дома. См. рассказы Риммы Аванесян и Альвины Балуйан в сборнике "Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев", т. 1. Дополнительные материалы и фото – на сайте www.karabakhrecords.info

1-го марта рано утром невестка опять вышла в магазин, видит, там уже армяне собрались. Она подошла, спросила - куда их везут, военные ей ответили, что в Баку. Ну мы собрались, все взяли, вышли, видим - броневик какой-то, что ли, или танк, один впереди, другой сзади, друг за дружкой приехали, армян из трех зданий собирают. Мы с плачем сели - оставить дом, все имущество, в одном халате уехать... Понимаете, какое серьезное было положение?

Нас привезли к зданию сумгаитского горкома. Смотрю – столько там армян! Я не думала, что в Сумгаите так много армян живет. А военные в микрофон говорят: может, у кого-то родственники, знакомые где-то остались, скажите адрес, мы поедем, привезем. Короче, мы там остались. Поздно вечером муж говорит, что среди нас есть и люди другой национальности, это военный ему сказал. Потом военные пришли, поднялись на сцену и объявили, чтобы все мужчины старше 16 лет вышли на улицу. Вышли, потом с новыми паспортами их по одному впускали обратно. В этот день, оказывается, двоих турок поймали с двумя бутылками бензина, ночью они должны были взорвать здание. После этого уже они сторожей у дверей поставили, милицию, солдат для проверки: все входящие и выходящие свои новые книжки показывали с фотографиями.

Мы там 11 дней пробыли, и я трех солдат видела погибших. В те дни сумгаитская “скорая” не работала – только прибывшие в город бакинские врачи. Я была ранена, и когда рана воспалилась, меня посадили в машину, чтобы отвезти в операционную. И там, в машине, я увидела трех солдат, их везли, чтобы отправить домой. Я поняла, что они мертвы, потому что на лица были натянуты белые простыни, ноги только были видны этих детей. И врачи между собой возмущались – мол, что происходит, почему в советской стране эти дети должны были умереть...Это было, наверное, 3 марта.

Спустя 11 дней Краев сам пришел в горком, собрание провел. Сеидов с ним пришел, но народ не дал ему говорить, сказали, нам не нужны твои разговоры и просьбы. Я подошла к Краеву, говорю, товарищ генерал, долго мы будем здесь мучиться? Он отвечает - что делать? Если есть возможность выйти отсюда – выходите, а если нет, можете оставаться до мая, потому что до мая я здесь, спасу

ваши жизни. Я ему говорю - мол, это какой год, где мы находимся, Германия на нас напала или, может, Америка напала, что нас так убивают. Я, говорю, войны не видела, но сейчас вижу, столько танков и столько солдат в нашем Сумгаите зачем собрались, если ничего нет, зачем армян убивают, если в мирное время живем?

Краев сказал - вы все правильно говорите, немцы даже такого не делали. И рассказал о том, как он получил сообщение о нападении на армянскую семью и поехал туда с солдатами. Пока они добирались, с 5-го этажа парня выбросили, он умер. Потом они поднялись в эту квартиру и увидели, что все разбито, сломано, и женщина лежит убитая - голова отрезана, в животе... живот разрезан и туда голова вложена. Я это от него сама слышала.

САФАРЯН НИНА АШОТОВНА

Проживала в Сумгаите по адресу: 8-й микрорайон, дом 8, кв. 10

В те дни я лежала в больнице с хроническим радикулитом, очень трудно было двигаться. В палате со мной лежали две армянки и две азербайджанки. 28 февраля, на четвертый день моего пребывания в больнице, одна из азербайджанок пошла к себе домой и вернувшись, рассказала, что армян в городе убивают. Я говорю, что ты такое говоришь, как убивают? А она сказала, что видела, как прямо у них во дворе собрались толпы азербайджанцев, которые убивали и грабили проживающих там армян.

У меня руки-ноги отнялись, сердце замерло после этих слов. Вышла в коридор, посмотрела в окно – вижу у школы напротив огромная толпа собралась, все в черном, с дубинками и ломami в руках. Тут я окончательно растерялась – что делать, куда идти? Весь день до нас доходили вести о том, что в городе происходят погромы, грабежи, пожары, убийства... Мы из окна видели погромщиков, бегающих по крышам ближайших домов, и не понимали, зачем они там. Не покидала тревога за мужа и сына, оставшихся дома.

К вечеру мы узнали, что в больницу привезли раненых армян – окровавленных, измученных. Сказали, что много их. Потом пошли слухи, что в сумгаитские больницы их уже не привозят, а везут прямо в Баку – и убитых, и раненых. Одна из азербайджанок в нашей палате все время злорадствовала насчет армян, а другая, наоборот, добрая была, постоянно говорила – где бы нам вас спрятать, чтобы не нашли. Все время шли слухи, что погромщики уже в больницу лезут и охрана их не пускает. Больные-азербайджанки нас упрекали, что, мол, зайдут и их тоже убьют из-за нас. Одну из армянок увез муж, замаскировав под азербайджанку, вторая лежала с диабетом. Ее муж подошел к окнам больницы и рассказал мне, что на него напали, изрезали куртку и руку, но ему удалось спастись вместе с сыном. Он попросил не сообщать об этом жене.

На следующий день мой муж с сыном пришли ко мне в палату. Дочерей моих тогда, слава богу, не было в городе. От нашего дома до больницы они шли пешком,

я отругала их за это, отослала домой и велела никому не выходить. Врач мне все время говорил, что я в самом безопасном месте нахожусь, в больнице.

Они ушли, и несколько дней от них не было никаких вестей. Я не знала – живы они или нет. Потом мне сказали, что всех армян нашего дома увезли военные, но мои остались – наша фамилия тогда была Сафаровы и они надеялись на то, что их не тронут, посчитав азербайджанцами. А я волновалась, потому что все соседи знали, что мы армяне.

Я оставалась в больнице до 8 марта. Потом за мной пришел деверь, приехавший из Баку, и я ушла домой. Наспех собрались и уехали в Баку. Оставались там неделю, потом уехали в Россию, оттуда в Армению. Сын мой, 18 лет, в 1992 году записался добровольцем и ушел на карабахский фронт – защищать родную землю. Я не смогла его отговорить. Через несколько месяцев его убили...

6 июля 2013г., Степанакерт

Видеоинтервью доступно на www.karabakhrecords.info

БАБАЯН СЕРГЕЙ РАЗМИКОВИЧ

Родился в 1955 г.

28 февраля в час дня я пошел в магазин “Спутник”. По дороге увидел огромную массу людей, которые кричали “смерть армянам”, останавливали проезжающие автомашины, вытаскивали оттуда пассажиров, среди которых разъяренная толпа искала армян. Конкретно я видел, как возле магазина остановили троллейбус и вытащили оттуда людей, затем окружили и что-то делали с ними.

Около 19.30 я услышал крики в нашем подъезде. Подойдя к двери, услышал, как стучались в дверь соседа Атуллы, а один из бандитов подошел и постучал к нам. Почувствовав опасность, я велел жене выключить телевизор и выйти с детьми на балкон. Затем я перенес детей на соседний балкон, помог жене и сам перелез туда. В это время толпа уже взломала мою дверь и я слышал их крики в своей квартире. По голосам можно было определить, что там орудуют не менее 20-30 человек. Я стоял на балконе соседа и смотрел, как выбрасывают вниз наши домашние вещи, слышал звуки разбитого стекла. Стоявшие внизу погромщики относили мои вещи в сторону.

Закончив с моей квартирой, толпа минут через 10-15 ушла и направилась к соседнему дому, на втором этаже которого живет армянская семья, я знал, что жену зовут Сильва. Они поднялись к ним, спустили мужа с женой во двор, избили их, разорвали на жене платье. При этом кто-то из толпы бил в барабан. Моя соседка Гайгулова Елизавета потом рассказала мне, что Сильву куда-то увели и изнасиловали.

Затем толпа пошла к противоположному дому нашего двора, где они избили мужчину по имени Эрик и изнасиловали его жену Флору. Об этом мне сообщил сосед, живущий с ними на одной лестничной площадке. Он еще сказал, что их ограбили. После этого толпа направилась к соседнему дому, где на 4 этаже живут армяне. Мужа зовут Рафик, жену – Лариса. Я лично видел, как их вещи горели на улице.

Это все кем-то было организовано. По поведению толпы видно было, что они

знали адреса армян, ими руководили осведомленные лица. С 27 февраля были отключены телефоны, причем именно в квартирах армян. Кроме того, в руках у бандитов были одинаковые ломы.

19 марта 1988 г.

с. Арзакан Разданского района Армянской ССР.

АРУТЮНЯН ЛУСИК ДАВИДОВНА

Родилась в 1952 г. Проживала по адресу: Сумгаит, 10 микрорайон, д. 50.

Работала медсестрой в онкологическом диспансере.

28 февраля в воскресенье, примерно около 12 часов дня, возвращаясь с работы домой, в районе автовокзала я увидела огромную толпу одетых в черное бандитов. Бесчинствующие молодчики швыряли огромными камнями в окна близлежащих домов, в витрины магазина, в автобусы. В стороне горела какая-то машина. С большим трудом мне удалось уйти от этого места и задворками пешком пройти до дома. Дома все было спокойно.

Несомненно, действия азербайджанцев в дни погромов были заранее спланированы и тщательно организованы. Это выразилось в следующем:

1. Ни в Сумгаите, ни в его окрестностях камней нет (Сумгаит находится в полупустыне). Значит, большое количество булыжников, которое было в те дни на улицах города, было заготовлено и привезено в Сумгаит заранее.

2. Известно, что бандиты, в числе прочего, были вооружены большим количеством нарезанных и заостренных арматур (их видел мой муж в руках бандитов, большой толпой двигавшихся между 10 и 12 микрорайонами). Кто же их заранее нарезал и заострил?

3. Планомерность и подготовка погромов выразилась и в составлении списков армянского населения. Они в основном проводились под предлогом намечавшегося удержания квартплаты из зарплаты. За 10-15 дней до резни к нам в дверь позвонил какой-то незнакомый мне молодой азербайджанец. Он назвался работником ЖЭКа и сказал, что в связи с предстоящим удержанием квартирной платы из зарплаты составляет списки квартиросъемщиков. Я назвала фамилию моего мужа, Ширванянца Григория (его в это время не было дома) и наш адрес. Телефона у нас не было. Он записал и ушел.

4. О хорошей организации “дела”, на мой взгляд, говорит и удивительно оперативное замечание следов. Уже 2 марта, всего через день после прекращения погромов, мы, направляясь в сопровождении солдат домой из охраняемого ими

профилактория, не заметили ни одной разбитой витрины, ни одного разбитого окна. А ведь наш путь проходил через центр города, места наиболее диких бесчинств.

5. Среди бесчинствующей толпы я видела много милиционеров в форме. Все они бегали взад и вперед среди толпы, многие довольно потирали на ходу руки, и ни один из них даже не пытался прекратить беспорядки. О поведении сумгаитских милиционеров свидетельствуют и возмущенные рассказы солдат из охраны нашего профилактория. Они рассказывали, как задержанных бандитов они передавали милиционерам, а те, отведив их за угол, отпускали на волю. Бывали случаи, когда солдаты одних и тех же лиц задерживали два -три раза.

ДАНИЕЛЯН КАРИНА АШОТОВНА

Проживала в 8-м микрорайоне.

Работала на полимерном комбинате в г. Сумгаите

27 числа я вышла на работу и почувствовала, что сотрудники на меня как-то странно смотрят. Я удивилась. До этого у меня болел ребенок и я не выходила в городе, не знала, что происходит. Я спросила: “Что случилось?”. Мне отвечают: “А ты разве не слышала, в городе армян убивают. Зачем ты вышла на работу?”. У меня тут ноги подкосились, потому что дома оставались муж и трое детей – 7, 5 и 2-х лет. Еще я услышала разговоры о том, что в этот день должны были прийти в наш 8-ой микрорайон. Я очень испугалась и не знала, куда обратиться, потому что ни в милиции, ни в скорой помощи не отвечали на звонки. Благодаря администрации нашего завода, меня отправили домой на машине – выходить одной было опасно, в городе бесчинствовали ... не знаю даже, как их назвать... толпы. Только мы выехали с территории завода, я заметила, что водитель начал сигналить, вынес руку из окна и стал махать. Я поняла, что это был условный знак, потому что погромщики нашу машину не тронули. Они стояли на дорогах, вооруженные лопатами, железными ломami, камнями. Я доехала домой. Через некоторое время услышала шум, вышла на балкон. С обратной стороны дома проходила трасса. И я увидела вначале милицейскую машину, а затем грузовую, которая вся была заполнена людьми в черной одежде. У них в руках был флаг, транспаранты, и все они кричали “Смерть армянам!”. Машины завернули в наш двор. Не знаю откуда, но они знали все квартиры, в которых проживали армяне. Скоро с соседских балконов полетели мебель, телевизоры, холодильники, домашняя утварь. Рядом с нашим домом была стоянка и они сожгли все находившиеся там армянские машины

У нас были хорошие соседи и они сами предложили нам спрятаться и переночевать в их домах. Ночью мы не спали, даже дети не спали. Когда погромщики сделали свое дело и ушли, я подвела старших детей к окну... Сама не знаю, зачем я это сделала, но сказал им: “Смотрите и запоминайте”. Весь двор был усеян разбитыми вещами армян. Но не прошло и часа, как во двор заехала машина с дворниками, которые

начали все это убирать, подметать. К утру во дворе все было чисто, словно ничего не произошло... У нас, правда, никого не убили.

Мы были в шоке, не знали – что делать, куда идти... Соседи, которые приютили нас, утром сказали, что сами боятся, потому что погромщики предупреждали – тех, кто будет помогать армянам, тоже убьют. Они даже уехали сразу после этого в деревню – переждать. Мы вынуждены были уйти от них. Скрывались как могли. За нашим домом было училище, там мы провели одну ночь вместе с еще 25-ю семьями. На следующий день, 29 февраля, приехали солдаты. Нас посадили в машины и повезли в клуб СК. Спереди и сзади нас сопровождали бронетранспортеры. Что творилось в клубе – невозможно рассказать. Мы постелили одежду на пол и уложили детей. Приходили какие-то люди, расспрашивали нас.. Но все почему-то молчали – боялись. Мы не знали, что с нами будет дальше, зачем нас тут собрали, выберемся оттуда или нет, что собираются делать с нами. Помню раненого русского солдата с перевязанной головой... Антисанитария была страшная. Мы ничего не знали о своих родных – моей маме, свекрови, и муж решил пойти к матери домой узнать, что с ней. Я его отговаривала, честно говоря, боялась, но он пошел. Пешком, через весь город.

По дороге он видел все, что творили погромщики. Самое страшное – он видел, как толпа гнала перед собой голую девушку-армянку. Они тушили об нее сигареты, били, заставляли танцевать, поднимать руки. Потом мы узнали, что это была Лола Авакян¹. Что с ней стало – он уже не видел, постарался скрыться.

Мы провели в клубе неделю, а потом уехали в Баку, оттуда решили ехать в Армению. Билетов в Ереван не было, мы вынуждены были лететь в Донецк, ночевать в аэропорту с тремя детьми, а 17 марта уже вылетели в Ереван. Здесь нас очень хорошо встретили, поселили в пансионате, где мы жили три месяца. Потом нам дали квартиру в Степанакерте и мы переехали сюда.

6 июля 2013г, Степанакерт. Видеоинтервью доступно на www.karabakhrecords.info

1. 29 февраля после нападения на квартиру 27-летнюю Лолу Авакян вывели из дома, раздели, заставили танцевать, кололи ножами, резали грудь, тушили на теле сигареты, изнасиловали. Согласно свидетельствам, отец – Павел Манвелян нашел тело дочери в море в Мардакянах. Оно было настолько изуродовано, что женщину удалось опознать только по особой примете на мизинце ноги. Лола Авакян была на шестом месяце беременности. Дополнительные материалы и фото см. на www.karabakhrecords.info.

АРУТЮНЯН ВОЛОДЯ ШАПАГАТОВИЧ

Родился в 1958 г. Проживал в Сумгаите по адресу: 17-й микрорайон, дом 17, кв. 15. Работал на Сумгаитском заводе присадок помощником машиниста тепловоза.

27 февраля к нам пришел наш крестный, посидели, поговорили, на следующий день договорились пойти к нему в гости. Утром 28-го отец отправился на базар, возле которого обычно собирались армяне. Буквально через два часа, когда мы уже собрались идти к крестному, он вернулся и говорит, чтобы не смели выходить на улицу, в городе ужасное положение. Я, честно говоря, не поверил, но он снова повторил, что режут армян, ему так сказали и он сам это видел. И рассказал: “Я сошел возле базара, смотрю в сторону автовокзала, а там толпа огромная. Я не понял, зачем они собрались, может, кто-то сверху приехал, из Москвы или откуда... Решил зайти на базар посмотреть на армян, продающих картошку, вижу: все тащат картошку, кто сетками, кто мешками. До меня опять ничего не доходит.

Вышел с базара, увидел товарища, стали говорить. Вдруг подбегает жена этого товарища и говорит, мол, чего вы стоите, убегайте быстрее, армян режут. Товарищ с женой побежали, а я сел в автобус, чтобы побыстрее добраться домой. По дороге возле автовокзала милиционер крикнул шоферу, чтоб тот не останавливался. Так автобус доехал до 8-го микрорайона, шофер сказал, что дальше не поедет. Все вышли”. И тут отец увидел, как его односельчанку, голую, тащили за волосы по дворам микрорайона, а толпа глазела на это и вопила. Я не знаю ее имени, но отец знает. Наша она, родом из Карабаха, село Завадых, Мартунинского района.

Нас в семье шестеро - я, жена, двое детей и мать с отцом. Девочке шестой год, мальчику пятый. Мы вооружились - кто чем мог: отец взял топор, у меня был нож, жене сказал - возьми уксус, если войдут, брызни прямо в глаза. Хоть двоих-троих уложим. Умирать так умирать. Так и сидели дома вооруженные. 28-го февраля около пяти часов я услышал крик соседей “Помогите!”. Выглянул с балкона - внизу стоит толпа мальчишек и кричат: “Эй, там ребенок плачет, выкиньте его, а мы посмотрим, как он будет падать!”. А кричала наша соседка, она в соседнем

подъезде жила - они в первом блоке на 5-м этаже, а мы во втором блоке на 2-м этаже. Вечером уже сосед рассказал, что к Сурику хотели ворваться домой, вот его жена и закричала. “Когда я услышал, что ломают дверь квартиры, где живут армяне, я сказал им, мол, что вы делаете, здесь живет человек, с которым мы всегда хлеб-соль делили, а бандиты говорят, что раз здесь живет армянин, мы его должны убить”, - рассказал он. А ребенок от страха выбежал на балкон и начал плакать. В это время вышли соседи из квартир, короче, хулиганов выставили из подъезда. И больше они не возвращались, азербайджанцы-соседи прогнали их.

После этого 2 дня мы провели в подвале, прятались. Отец с матерью находились в третьем блоке, а мы во втором, у соседей. Узнали, что объявлен комендантский час, генерал Краев сам выступил с БТРа, с помощью громкоговорителя. С 7 до 23 был объявлен комендантский час. Потом сосед азербайджанец, у которого мы прятались, говорит, по микрорайону ездят автобусы, собирают армян и куда-то увозят, куда, не знаю. Я увидел сам - в нашу сторону едут танки, машины. Я детям сказал, чтобы оставались у соседа, а сам пошел в нашу квартиру, чтобы не получилось так, что за нами пришли, а нас нет. Полчаса посидел дома, никто не идет, вернулся к соседу. В час ночи кто-то застучал в дверь и закричал: “Володя! Шапагат!”. Сосед глянул с балкона - двое людей идут в третий блок. А потом и отец постучал в дверь, мол, бери детей, за нами приехали, забирают в клуб. У дома стоял автобус, в нем были вооруженные солдаты и офицеры, ждали армян, собиравшихся по квартирам.

В клубе было битком набито людей. Сидели и спали на полу, кто-то устроился в кресле. Много было перевязанных, видел девушку, которую изнасиловали, она вся была в синяках. Были зверски избитые люди, зверски изнасилованные. Им, правда, оказывали помощь, но вокруг царила антисанитария, стояла вонь, дышать было невозможно. Я сам лично слышал рассказ курсанта о том, как он поймал одного хулигана, сдал его в милицию, а через полчаса снова его же поймал. Даже воскликнул: “Откуда ты, черт тебя возьми?”. Значит, милиция их и отпускала. Потом курсантам дали приказ - местным властям хулиганов не сдавать.

На следующий день я жену и детей отправил в санаторий “Химик”, а мы с

отцом остались. На другой день отцу стало плохо, и жена его тоже забрала. Числа 8-го в клуб пришел генерал Краев и сказал, что можно расходиться по домам, он гарантирует жизнь. Я сказал ему, не мог ли он выделить моей семье автоматы, и тогда я сам себе буду гарантировать жизнь. Он ответил, что, мол, не может же всем армянам выдать автоматы. И еще он сказал, что солдатами задержано 380 человек из местных и 20 человек из Кафана. В Сумгаит мне обратной дороги нет. Что бы ни случилось, я туда не вернусь.

1 апреля 1988 года

ВЛАДИМИР КАСАБЯН

Родился в 1947г. Проживал в Сумгаите по адресу: улица Пушкина, дом 28, кв. 36. Заслуженный тренер Аз.ССР по судомodelьному спорту.

27 февраля я был на работе. Часов в 7, по дороге домой, увидел собравшийся на площади народ. В основном это были азербайджанцы. Я подумал, что там, возможно, авария или еще что-нибудь случилось, и подошел. А когда понял, что собрались из-за армян, из-за того, что произошло в Нагорном Карабахе, быстро решил уйти, поскольку меня могли узнать.

Это было в субботу. На следующий день утром опять пошел на работу – я работал по выходным. Проезжая мимо площади, увидел, что разгромленные накануне книжные и газетные киоски, обувные будки ремонтируются, а ведь это было утро воскресенья. На площади была видна и откуда-то прибывшая милиция. Мои коллеги по работе удивились, что я пришел, потому что обстановка в городе была нехорошая. Около двух часов позвонила жена и сказала, чтобы я возвращался домой. Тут ко мне пришел один мой бывший воспитанник, азербайджанец, и мы с ним вместе вышли. Сели на автобус, приехали до площади, но там мы расстались и я пошел дальше один.

На площади вновь было большое скопление людей. Из тех, кто стоял на трибуне, я узнал второго секретаря Байрамову. Были там еще люди из аппарата, но я не знаю их фамилии – только в лицо. Выступавшие перед микрофоном в основном требовали выгнать армян. Говорили, что армяне живут в благоустроенных квартирах, а они сами – в «Нахалстрое»¹. Некоторые вообще кричали, что крови армян хотят. Каждый выступавший говорил две-три фразы, потом его сменял другой. В целом на площади было несколько тысяч людей. Подойти близко я, естественно, побоялся, стоял далеко.

Добрался домой. В десять часов мне позвонили из Баку. Потом где-то около одиннадцати пришла соседка, азербайджанка, растерянная, и говорит: так и так, сейчас к вам придут, что ты тут сидишь, давай прячься. У нас в доме внизу

1. Район в Сумгаите, где люди жили в подвалах и самовольно построенных и непригодных для жизни лачугах.

заброшенная квартира была, там когда-то армяне жили, но она уже давно пустовала. Спрятались мы там, просидели до понедельника. Утром пришла невестка, брата жена, она русская - узнать, как мы. Я с ней вышел и пошел к теще. Телефоны уже не работали. Пришел туда, смотрю, здесь тоже прошли погромщики, но к одним только зашли, не успели ничего сделать – военные подошли. Это ведь совсем близко от горкома было, второй квартал. Мы просидели у тещи до трех-четырех часов дня. И тут я увидел через окно, что армяне идут в сторону горкома. Я быстро вышел, подошел к ним, расспросил. Оказалось, что они идут в горком. И я решил тоже пойти туда, на разведку. Потом меня уже из горкома не выпустили. Оперативники поехали и семью мою - детей, жену, тещу - вывезли.

В горcome мы были одни из первых, там пока очень мало людей было. Но потом народ все прибывал и прибывал. Весь день в понедельник, всю ночь прибывали люди – избитые, раненые. Встретил знакомого Арамяна Арама и узнал, что убили его отца и брата². Сам он в Ереване живет и ему рассказали обо всем соседи. Были раненые и из нашего квартала – сильно избитый отчим двоих ребят, которых тоже убили. Я их в лицо знал, этих братьев - Валерия и Альберта³.

Произошедшее в те дни в Сумгаите вряд ли можно назвать стихийными событиями. Были явные признаки организованности, и это прослеживалось во многом. Когда люди спрашивали чиновников напрямую: как же так, почему так получилось, те отвечали, дескать, мы не думали, что это может вылиться в такую трагедию. Надеялись, что будут просто беспорядки, хулиганство, но не больше.

Когда я думаю о том, почему это произошло именно в Сумгаите, мне кажется, они рассчитывали на то, что здесь им не будет отпора. Армяне в городе жили разобщенно, в каждом квартале - буквально несколько десятков семей. Потому и погромщики во дворы государственных домов заходили, где большой толпе серьезно противостоять в общем-то невозможно. Когда сотни людей врываются к

2. Речь об Армо и Артуре Арамянах.

3. Братья Альберт и Валерий Аванесяны были одновременно зверски убиты на улице возле своего дома. См. рассказы Риммы Аванесян и Альвины Балуян в сборнике "Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев", т. 1, а также Владимира Балуяна в настоящем издании. Дополнительные материалы и фото – на сайте www.karabakhrecords.info

тебе в квартиру, что тут можно сделать...

Трудно вообще поверить, что такое могло произойти в наше время, в наши дни. И я бы сам, наверное, не поверил, если бы не был очевидцем событий. Правда, я мало что видел, но встречал людей, которые все это пережили, видел пострадавших, которые прошли через весь этот кошмар...

ЭНГЕЛЬС ГРИГОРЯН

Проживал в Сумгаите по адресу: 3-ий микрорайон, д. 5/2, кв. 45

29 февраля 1988 года я шел домой утром и увидел во дворе следы погромов. В нашем доме нападению подверглись четыре квартиры, в которых проживали армяне – 38-я, 42-я, 47-я и наша, 45-я. Узнав от соседей, что военные вывезли всех пострадавших от погромщиков в горком партии, я отправился туда, чтобы найти родных. В это время все пострадавшие со всего микрорайона были уже увезены. Не найдя своих родных в здании горкома, я отправился в больницу, находившуюся недалеко от нашего дома.

Мне там сообщили, что моя мать скончалась после жестоких истязаний. Там же я узнал, что погиб и наш сосед из 47-й квартиры Юра Авакян¹. Мне сообщили также, что мой отец в тяжелом состоянии – с травмой черепа – доставлен в больницу. Среди пострадавших была и приехавшая к нам из Кировабада сестра моего отца Мария Григорян, 55 лет. В тот же день мне сказали, что в больницу попали Аванесян Александр из квартиры 42 и его дочери – Ира, 20 лет и Жанна, 18 лет².

От жильцов квартиры номер 38 я узнал, что они спаслись благодаря тому, что жили на первом этаже и спрятались в погребе, где с ними было еще около 10 человек – семья Халафянов³. Когда они спустились в погреб, оставшийся в квартире их родственник Бедян Бармен закрыл сверху люк и постелил дорожку. Ворвавшиеся в квартиру бандиты избили его, но он остался жив.

О том, как убивали мою мать, я узнал позже, и мои сведения подтвердили соседи, дававшие показания следователям. Люди боялись говорить правду, но я

1. См. рассказ Камо Авакяна в I томе издания “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев” и на сайте karabakhrecords.info

2. См. рассказ Марины (Иры) Аванесян в I томе издания “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев” и на сайте karabakhrecords.info

3. См. рассказы Риммы и Ирины Халафян, Владимира и Марины Петросян, а также Бармена Бедяна в I томе издания “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев” и на сайте karabakhrecords.info

собрал данные и восстановил картину ее смертных мук, как это ни было для меня тяжело...

Моей матери было 58 лет. Дома с нее сорвали одежду и заставили обнаженной спуститься по лестнице с четвертого этажа, вывели на улицу, посадили на скамейку перед подъездом, прижигали сигаретами тело. Это видели жильцы нашего и соседнего подъездов. Потом ее отвели к дому №6, где бандитам оказывали сопротивление семья Габриела Трдатова вместе с Грантом Адамяном и его зятем Рафиком Товмасыаном⁴. Они сопротивлялись бандитам в течение восьми часов, и те только после прибытия пожарной машины, подставив лестницу, ворвались в квартиру. Этот неравный бой, завершившийся убийством Габриела Трдатова и Рафика Товмасыана, проходил на глазах у множества людей.

Там же убийцы надругались и над моей матерью, били по голове, переломали ребра. Воткнули в половой орган металлическую трубу, что подтверждают и данные свидетельства о смерти: «шок, кровопотеря, разрыв задней стенки влагалища с повреждением стенки прямой кишки и брыжейки тонкой кишки, забрюшинная гематома, перелом ребер – от второго по шестое, и десятого грудного позвонка». Так умирала моя мать – честная армянка, вырастившая троих сыновей. Ее останки мы похоронили в Баку, нам не разрешили вывезти и предать ее прах земле в Шаумяновском районе, где она родилась.

Мой отец получил вторую группу инвалидности в связи, как они пишут, “с массовыми беспорядками в городе Сумгаите”. Нервное потрясение и травму пережила и сестра моего отца Мария Григорян.

Опубликовано в газете “Политехник” NN 31-32, 13.10.1989г.

4. См. рассказ Ишхана Трдатяна в настоящем томе издания “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев” и на сайте karabakhrecords.info

АНДЖЕЛА ЕГАНЯН

Для женщины рождение ребенка всегда испытание, и волнующая радость ожидания всегда чуть-чуть смешана со страхом. Как обойдется? Может быть, именно поэтому женщина, в особенности молодая, в такой момент тянется к своей матери, хочет быть рядом с ней. Мать - это опыт, вера, спокойствие, надежность, защита. Сегодня, когда мы знаем все, что случилось, сами эти слова - “спокойствие”, “надежность”, “защита” - звучат чудовищно, если учесть, что в самый канун погромов я поехала к матери в Сумгаит.

Кто думал? Кто мог даже представить себе, что погромы возможны? Считайте меня наивной, говорите, что у меня, армянки, при нашей горестной национальной истории всегда должно быть обостренное чувство самосохранения... Наверное, должно быть. Но, очевидно, советские годы выветрили его у нас, дав нам, армянам, ложную уверенность в безопасности. На деле, как выяснилось, - пустышку.

Само слово “погром” было из другой, не нашей жизни. А в нашей жизни я, взяв с собой трехлетнего сына, 25 февраля 1988 года приехала к матери в Сумгаит. Получилось так, что с мужем мы разминулись. Он на два дня уехал в Минводы. Успокаивал, что через четыре дня приедет ко мне в Сумгаит, что к родам успеет. Как видите, бдительность у мужа была не выше, чем у меня. До страшных, кровавых армянских погромов в Сумгаите оставалось менее трех суток...

Первые два дня прошли в расспросах, разговорах, родители сообщали для других, может быть, и незначительные, а для меня интересные новости, что-то рассказывала я, - одним словом, это были обычные дни, обычная встреча дочери в отцовском доме.

Первое ощущение опасности появилось у меня 26 февраля, когда мы с мамой вышли прогуляться. И я впервые увидела черные толпы людей. Все были в основном в темной одежде. По улице шел черный поток, и от этой черной массы исходили физически осязаемые волны враждебности к армянам. У меня впервые появился страх за сына, за ребенка, который должен был появиться на свет, за себя, за родителей. До того момента страха не было. Это уже не было простым

предчувствием. Черная толпа так подействовала на меня, что теперь я уже была почти уверена: случится что-то нехорошее, страшное.

Особенно страшно стало мне вечером 27 февраля. Весь вечер я была как на иголках. Я выходила на балкон и слышала крики толпы. Я спрашивала у мамы, что происходит. Мать успокаивала, уверяла, что ничего страшного нет. Наверное, мать была права, скрывая опасность. Думаю, мне стало бы еще хуже, знай я, что погромы, увы, уже идут... Я чувствовала, что приближаются роды, и не знала, как пройду к роддому. Я не могла представить, что надо идти мимо враждебной толпы. Вдруг это случится ночью? Что делать? Днем я так не боялась, хотя потом, после погромов, поняла, что это тоже было ложным ощущением: дневной свет не спас несчастных жертв от ужасной, мучительной смерти. Но тогда о погромах я еще не думала. Все происходило в центре. Гул, громкоговорители. Постоянно проезжали машины. Все это я видела с балкона, и мне было страшно.

Я решила дотерпеть до утра. Я только молилась, чтобы дотерпеть до утра. В 3 часа ночи начались схватки. Мать послала отца найти врача. Отец, вернувшись, рассказал о тревожной обстановке: накануне армян разогнали с базара, разбили киоски. До 8 утра я оставалась дома. Но дольше задерживаться было уже нельзя. В 8 часов мы - я, мама и папа - вышли на улицу, поймали такси. Роддом был в пяти минутах езды от нашего дома. Доехали благополучно.

В роддоме

Персонал роддома был, как бы мы сказали в советское время, интернациональный. Главврач - русская (но замужем за азербайджанцем). Женщина в регистратуре - армянка, тетя Эмма, односельчанка отца из Гадрутского района. Акушерка, принимавшая роды, - азербайджанка. Утром, ближе к обеду, в 11.30 у меня родилась девочка. Не знаю, было ли это связано с моими волнениями, но у ребеночка сразу же после рождения началось сильное расстройство. К счастью, все обошлось.

Медики и женщины-роженицы относились ко мне сочувственно. Лишь однажды медсестра-азербайджанка украдкой подошла ко мне и тихо спросила: "А ты не боишься, что ты, армянка, находишься здесь?". Мне стало очень неприятно.

Я боялась не столько за себя, сколько за родных. Что с ними? Ко всем приходили родные и близкие, лишь меня никто не навещал. И персонал, и роженицы старались успокоить меня, говорили, что виновных все равно найдут.

В тот же день, часов в 8 вечера (было воскресенье), женщины облепили окно. Я тоже подошла. В доме напротив горели квартиры. Между роженицами и врачами велись разговоры о том, что в городе идут погромы армян. Услышав о погромах и увидев, как горят дома, я страшно разволновалась. Что с сыном? Живы ли родители? Что будет со мной? Где муж? Не стал ли он жертвой, вернувшись в Сумгаит? Я ничего не знала, и эта неизвестность была хуже смерти, делалась просто невыносимой. Я решила, что любая правда лучше, чем неизвестность. Я пошла к главврачу и стала заклинять ее, чтобы она сказала мне всю правду о моих родных, какой бы горькой та ни была. Главврач (как я уже говорила, это была русская женщина) очень серьезно отнеслась к моей просьбе. Она достала бумаги, на глаз листов десять мелко напечатанного текста, с фамилиями погибших, и попросила отойти, пока она смотрит. Просмотрев список, сказала, что моих родных среди погибших нет. Я верила, хотела верить - и не верила.

Утром 29-го я бросилась искать телефон. Телефонная сеть еще работала. Позвонила домой, но телефон не отвечал. Длинные безответные гудки. Мне казалось, что я сойду с ума...

Нурия

Соседкой родителей была азербайджанка из Туркмении - Нурия Разакова. И если самое страшное миновало нашу семью, то спасением мы обязаны ей, Нурии. Она спрятала у себя моего сына и мать. Когда я убедилась, что телефон родителей не отвечает, то позвонила ей. Нурия взяла трубку, а потом подозвала к телефону маму. От нее я узнала, что нашу квартиру разгромили. Но подробностей мать не сообщила. Об отце также ничего не сказала. Об испытании, которое уготовила ему судьба, я узнала позже. В Сумгаите было два роддома - новый и старый. Я лежала в новом, а в старый привозили женщин, девушек и даже детей, пострадавших от погромщиков. Озверевшая толпа насильников не жалела даже двенадцатилетних

девочек. 29 февраля всех рожениц-армянок забрали из роддома, осталась только я одна. То, что довелось нашей семье морально пережить во время погромов, вы можете себе представить. Но физически пострадал лишь отец.

Отец

Когда Нурия в самую трудную для нас минуту предложила свою защиту для всей семьи, отец решил остаться в собственной квартире. Он сказал, что если все будут отсутствовать, то погромщики поймут, что мы где-то прячемся, и в конце концов всех найдут. И все могут пострадать. Он решил остаться, так будет меньше подозрений, и у матери и его внука (моего сына) больше шансов спастись. Будь что будет. Так мой отец добровольно выбрал участь заложника.

Погромщики стали ломиться в дверь, он не открывал, а когда дверь подожгли, прошел в ванную, пытался дозвониться в милицию. Милиция, конечно, не отвечала. Наконец погромщики ворвались в квартиру, двое бросились в ванную, а несколько человек в гостиную. Отцу было шестьдесят лет. Двое начали избивать отца, а один так двинул ему палкой по голове, что он сразу потерял сознание.

В квартире родителей имелся бар с различными напитками. Ворвавшиеся в гостиную погромщики, обнаружив отличные напитки, немедленно приступили к делу, крикнув товарищей, добивавших моего отца. Решив, что с хозяином квартиры покончено, эти двое присоединились к остальным. Когда через несколько минут отец пришел в сознание, пир был в самом разгаре. Из гостиной доносились смех и громкие крики. Отец осторожно выполз из квартиры, кое-как спустился по лестнице и бросился к морю (там было безопаснее) - благо, мы жили недалеко от моря. У берега выждал несколько часов. Рассказывать мне осталось немного. Военные составили акт, что наша квартира разграблена, и почему-то сняли отпечатки пальцев. Родителей военные забрали в санаторий "Химик", где они временно жили под охраной войск.

Муж

26 февраля у сестры мужа, жившей в Минводах, был день рождения, и свекровь решила поехать к дочери. Мой муж сопровождал ее и затем сразу же выехал ко мне. 29-го прибыл в Сумгаит. На станции всех сумгаитских высадили. Сказали,

дальше добирайтесь, как можете. Сообщили, что идут погромы, что лучше туда не ехать. В папахе, с усами, муж очень походил на азербайджанца. Свой паспорт он спрятал в сапоге.

На “Москвиче” поехал в Сумгаит. При въезде в город автомобиль остановила толпа, человек триста-четыреста. В черной одежде, глаза налиты кровью. Многие, видимо, под воздействием наркотиков. Когда машину остановили, к ней сразу же бросилось несколько человек. Первый вопрос: “Армянин?” Муж очень грубо ответил: “Нет!” Он уверен, что именно грубость спасла его. Если бы нашли паспорт, то сразу растерзали бы. На беду, водитель-азербайджанец очень походил на армянина. Шофер чуть не погиб: хорошо, что у него был паспорт, но пока все выяснилось, успел получить несколько ударов.

Не искушая далее судьбу, шофер-азербайджанец с моим мужем заводскими и проселочными дорогами выехали из города в сторону станции Насосная. Оттуда муж направился в Сиязань. Все это время пытался что-нибудь узнать о семье, но безрезультатно. Он не знал, живы мы или нет. Через несколько дней приехал в Сумгаит и забрал меня из роддома. Так кончилась моя сумгаитская жизнь.

Я прожила в Сумгаите более двадцати лет. Там окончила школу (8 классов), музыкальное училище. За год до погромов заочно окончила Музыкально-педагогический институт им. Гнесиных, во время учебы два раза в год ездила в Москву на сессию. Сумгаит был только малой частью страны, которую я считала своей. Это была другая жизнь, с другими заботами. Сегодня я живу в Армении, и та страна и та жизнь кажутся мне далекими, как будто это все было с другим человеком.

Февраль, 2001г.

Источник: Армянский Вестник. Взято с сайта sumgait.info

ШАХБАЗЯН СВЕТЛАНА АРТАШЕВНА

Проживала в Объединенном квартале Сумгаита

Я сама из Еревана и жила в Сумгаите всего год, переехала туда после замужества. Ребенку моему в то время был месяц с небольшим. Числа 28-го я вышла во двор повесить пеленки и услышала разговор двух азербайджанцев, часто упоминавших слово “армяне”, но не поняла, о чем они говорят.

В этот момент возвращается мой свекр, который выходил в магазин, весь бледный, и говорит, что в городе убивают армян и громят их дома. Потом приехали наши знакомые на машине – один из них был прокурором - и сказали, что нам нужно спрятаться, потому что они не смогут защитить нас. Соседи сверху – азербайджанцы – предложили укрыться у них и мы пошли туда. Надо признать, что среди азербайджанцев немало было таких, кто помогал армянам, прятал их. Но я не знаю – если бы в наш квартал и в нашу квартиру тоже ворвались и начали убивать, как Мелкумянов¹, эти же соседи помогли бы нам или нет?

Нам повезло – в наш квартал погромщики не пришли. Утром следующего дня нас увезли в клуб СК, и я увидела весь этот ужас... Там творилось страшное – люди насмерть перепуганные, в шоке, кто босиком, кто в домашнем халате – бежали, лишь бы спастись от рук бандитов, окровавленные, перевязанные, забинтованные, плач, крики, стоны...Кошмар, одним словом. Кое-как нам удалось дозвониться до родных, чтобы узнать, что с ними. И тут моя тетя плача, рассказала, что семью Мелкумян Иры (невестки), с которой они были в родстве, всю перебили. Потом сестра Иры Лариса рассказала мне, как они перебрались на соседский балкон с детьми, чтобы спастись. Чего только не довелось услышать за эти несколько дней – не дай бог кому-то пережить такое...

Через 2-3 дня нас с мужем и ребенком и моих золовок посадили в поезд, чтобы отправить в Армению, в пансионат в Агверане. Вдруг пронесся слух, что в

1. Речь идет о семье Мелкумянов, в которой 29 февраля были убиты 5 человек – родители, двое сыновей и дочь. См. свидетельства И. Мелкумян и К. Мелкумян в 1-м томе издания “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев”.

Дополнительные материалы и фото - на сайте www.karabakhrecords.info.

поезд ворвались турки. Муж схватил огромный кухонный нож и вместе с другими мужчинами вышел из купе. Повсюду стоял плач, раздавались крики – люди были в ужасе от того, что погромщики могут ворваться и устроить в поезде бойню. Вот так, каждую минуту ожидая самого страшного, мы доехали до Армении. Все обошлось...

Помню еще, что за пару дней до этих событий по бакинскому телевидению шел концерт армянской музыки – специально показывали, дескать, вот такая у нас дружба народов. Все это было напоказ, они усыпляли нас, а сами потом сразу начали резню...

Уже когда мы жили в Степанакерте, нам пришлось пережить новые ужасы. Бомбежки, от которых мы укрывались в подвалах, отсутствие воды – ее носили ведрами из родников, постоянные обстрелы, не было хлеба, муку и кое-какие продукты добывали в деревнях, дороги были заблокированы... Сколько чего мы пережили за эти 7-8 месяцев почти постоянной жизни в подвалах – не передать. И всегда находились люди, которые помогали нам – без этого выжить не удалось бы, наверное.. Только после освобождения Шуши ситуация немного улучшилась. Позже, когда мы поехали на какое-то время в Ереван, помню, ребенок мой, заслышав звук летящего самолета, кинулся искать подвал, чтобы спрятаться. И меня звал громко - мама, мама, давай быстрее, бомбить начнут.

В Степанакерте мы нормально живем – много проблем, конечно, но как-то обходимся. Однако все равно не чувствуем себя в безопасности. Да, сейчас здесь царит мир, но кто знает, что будет завтра? С турками ведь никогда нельзя чувствовать себя спокойно. Вопрос пока не решен, мы все еще в окружении турок и каждый день начинаем с молитвы богу.

5 июля 2013г., Степанакерт

Видео доступно на сайте www.karabakhrecords.info

ВАРТАНЯН ГРИГОРИЙ АЙРАПЕТОВИЧ

Родился в 1940г. Проживал в Сумгаите по адресу: 8 м-н, д.23/5, кв.7.

Работал в 4-м тресте АЗНХЗР СМУ трактористом.

28 февраля я с семьей находился дома. Примерно в 19.30 мы услышали во дворе шум. Выглянув в окно, я увидел большую группу, которая кричала: “Армяне, вон! Убивайте армян!”. И в это же время начали ломать нашу дверь, и вломившаяся в квартиру группа молодых ребят спросила: “Вы армяне?” Я ответил, что да, я армянин, а что случилось? И тут они напали на меня и начали бить палками, арматурой, железными прутьями, которые были у них в руках.

Я не растерялся, схватил детей и выскочил из квартиры. Детей на первом этаже соседка взяла у меня. Я выскочил во двор и стал кричать, звать соседей на помощь, но никто не помог мне. Потом я почувствовал головокружение, упал и потерял сознание. Долго лежал во дворе, часов до 11 вечера. Когда пришел в себя и хотел встать, сосед из другого дома, сержант милиции, подошел, поднял меня и отвел домой. Наша квартира была разгромлена и разграблена: унесли телевизор, радиоприемник, тумбочки и стулья, сервант и стол выбросили через балкон с 3-го этажа. Мы переночевали дома, а утром 29 февраля я взял детей и уехал из Сумгаита.

Вернулся через 2 недели – 15 марта. Наша квартира была уже убрана, поставили новую дверь, застеклили веранду. Поскольку у меня начались проблемы со здоровьем, я обратился к врачам, они меня лечили, но так и не долечили. Назначили инвалидность 2-й группы и пенсию. Так я и остался инвалидом на всю жизнь.

Когда мы были уже в Баку, пришлось вторично пережить все это. 20 ноября 1988 года здесь тоже также начались массовые беспорядки, избиения армян, забастовки, митинги. Армян начали увольнять с работы, оскорбляли... Все это становилось уже невыносимо. И мы уехали из Азербайджана.

Пансионат “Госплан”

с. Арзакан Разданского р-на Армянской ССР.

АГАСЯН ИРИНА МИХАЙЛОВНА

Родилась в 1965г. Проживала по адресу: Сумгаит, ул Мира, 9-й микрорайон.

Работала на Азербайджанском трубопрокатном заводе им. Ленина

Мы жили в самом центре Сумгаита. Толпа проходила по нашей улице, мимо нашего дома. Я видела, как рядом с погромщиками шли работники милиции, они всячески поддерживали митингующих. Перед толпой ехали машины ГАЗ-24 - белая и черная, сидящие в них люди раздавали толпе какие-то листы бумаги, а также таблетки и какие-то шарики. Я думаю, это были наркотики, потому что у всех, кто жевал их, глаза были как бы навывкате, с расширенными зрачками.

28 февраля часов в семь вечера мы услышали шум с улицы. Выглянули в окно и увидели, что с улицы Мира в нашу сторону направляется толпа, примерно 500 человек, все были вооружены дубинками, топорами и булыжниками. Толпа направилась к 18-му дому, где в основном проживают армяне. В этом доме жил также старший следователь прокуратуры города, который попытался разогнать толпу и выстрелил два раза в воздух из пистолета. Но это не подействовало на погромщиков.

Напротив дома стояла автомашина “Жигули” белого цвета, принадлежавшая армянину Христофору, они ее облили бензином и подожгли. Потом ворвались в дом. Мы видели, как из окон квартир выбрасывали мебель, имущество, потом я увидела, как с четвертого этажа, где проживала Рита, выбросили на улицу её шестилетнего ребенка. За всем этим наблюдали милиционеры, их было 6-7 человек, они спокойно смотрели и смеялись. Разгромив 18-й дом, толпа двинулись к нашему. Я с детьми укрылась у соседей, муж с другими мужчинами остались у нас дома.

29 февраля я должна была пойти на работу, так как ключи остались у меня. Главный инженер нашего завода Поповский приехал за мной и на машине отвез на работу. Мы проезжали мимо окопов, в которых сидело по 10-15 солдат с автоматами, они стреляли в толпу. Но погромщики только смеялась над военными, потому что те стреляли холостыми патронами. В первый день у солдат были только защитные щиты и дубинки. Человек восемь солдат погибли у меня на глазах. Двое горели в камышах, это были армяне - мужчина и женщина, их остановили и убили по дороге на работу. Горел

автобус, и если кто-то из прохожих казался толпе похожим на армянина, они толкали его в костер. Так они втолкнули туда женщину, которая работает врачом в поликлинике, и не давали ей выбраться из огня. Один из прохожих сказал им: “Что вы делаете, она же врач, работает в поликлинике”, и только после этого ее отпустили. Но она уже успела сильно обгореть. Я отдала ключи, сделала все дела и на служебной машине директора вернулась домой. Возле трикотажной фабрики увидела, как группа азербайджанцев издевалась над горевшими мужчиной и женщиной. По дороге нашу машину хотели остановить, но водитель Мамедов Рафик дал знак толпе, просигналив 3 раза, и поднял руку. В этот день вечером около 18:00 наш район оцепили солдаты и было сравнительно спокойно.

1 марта мы послали соседа Болдарева Ваню, за помощью к солдатам, и на бронемашине нас доставили в клуб “СК”. Здесь я встретила тётю Саркисян Эмму, их квартиру подожгли, а самих избили. Встретили друга мужа Гамбаряна Сашу, его отца убили 29 февраля. Увидела тётю Розу, всю избитую, которая рассказала как 29 февраля группа азербайджанцев ворвалась к ним и зарезала её мужа Бабаяна Артёма - ему отрезали голову и положили на стол. Избили также их невестку, русскую по национальности, зовут её Ира, ограбили их и ушли, к счастью не заметив спящего ребёнка. Встретила я и Карину с третьего микрорайона, всю изуродованную. Ее изнасиловали, отрезали груди, сестру тоже изнасиловали, звать её Марина, а отца убили. Встретила также тётю Эллу, которая живет в 4 микрорайоне. Ее дочь Марина Геворкян, моя подруга, увидев, что бандиты ломают дверь, бросилась с 5-го этажа и погибла. А родители Карины, которая работала в парикмахерской педикюрщицей, искали и спрашивали всех о своей дочери, которую бандиты раздели догола и на площади Ленина заставляли голой танцевать, издевались над ней.. Но так они не узнали, где находится их дочь и что случилось с ней. 1 марта к нам в клуб пришел Муслимзаде, так женщины буквально набросились на него и не дали ему говорить, он не успел даже рот открыть. Перед нами выступил генерал Краев и сказал, что им нужен живой Муслимзаде. 2 марта приехал Демичев, который не пожелал поговорить с нами, посидел, позаседал в горькоме партии и уехал. Так мы и не узнали, к чему пришли заседавшие...

21 марта 1988г. Пансионат “Госплан”, с. Арзакан Армянской ССР.

ГРИГОРЯН АРМЕН АРТАШЕВИЧ

Родился в 1937г. Работал механиком цеха.

29 февраля днем, часа в 3, я с женой Григорян Раисой возвращался из Пятигорска в Сумгаит. По дороге по радио объявили, что въезд в город запрещен. Около 25 пассажиров-сумгаитцев остались в автобусе, но водитель-азербайджанец отказался везти нас, сказав, что армян он не повезет, так как по дороге все равно высадят и убьют. Мы попросили капитана милиции, азербайджанца по национальности, помочь нам доехать до города. Но он тоже отказался, потом посадил в служебную автомашину, которая довезла нас до леса. Там мы с женой вышли и пошли через лес. Когда прошли метров 150, за нами погнались двое азербайджанцев, требовавших остановиться. Мы вынужденно остановились. Они приставили к нам ножи и потребовали раздеться догола. Жена со страха сняла пальто. Я достал из дорожной сумки столовый нож, чтобы защищаться, и крикнул жене “Спасайся!”.

Она побежала в ту сторону, где работали русские лесники. Я размахивал ножом, защищаясь от нападавших, после чего побежал туда же. Азербайджанцы догнали нас. Они отобрали у русского лесника палку и ударили мне по голове. Я упал и почти потерял сознание. Один из них подошел, чтобы ударить меня ножом, но я, собрав все силы, отнял у него нож и выбросил его. Они начали избивать меня сапогами. В этот момент подоспели женщины-азербайджанки и уговорили оставить нас в покое, говоря, что уже достаточно избили. Мы пешком дошли до дороги, где женщина-азербайджанка дала нам воду, однако побоялась принять нас. Ее муж отвез нас к соседу-армянину, у которого мы оставались до 4-го марта. Потом при помощи одного водителя, русского по национальности, добрались на его машине до 3-го микрорайона Сумгаита, где живет семья моей дочери Камелии. Но ее квартира оказалась разграбленной, все вещи были сломаны, а их самих не было дома. Беспокоясь за судьбу родных, мы добрались до дома культуры возле горкома.

Там я узнал, что дочь с семьей находится в поселке Насосный, в войсковой части. В сопровождении солдат нас вывезли туда. 9 марта мы вернулись домой, а 13-го приехали в Ереван.

24 марта 1988 г. г. Камо, Армянская ССР.

БАЛАСАНИЯН ГАМЛЕТ ЗАВЕНОВИЧ

1952 г. р.

27 февраля в субботу у меня был выходной день и я с семьей был дома. От соседей-азербайджанцев узнал, что в городе проходят демонстрации против армян. Они посоветовали нам из дома не выходить.

Мы жили неподалеку от горкома партии. На следующий день, в воскресенье 28 февраля, я видел, как проходят по нашей улице многочисленные демонстранты. В руках у них были флаги и плакаты, а также дубинки и прочие предметы. Они кричали, требовали изгнать и убивать армян. Весь этот день я с семьей просидел дома взаперти. У нас телефона нет, в здании живут еще три армянские семьи. В воскресенье мы провели ночь у себя дома. В понедельник 29 февраля соседи-азербайджанцы отвели нас в здание горкома партии в целях безопасности.

В этот день утром моя двоюродная сестра Альвина Шахбазян, 1966 года рождения, не послушавшись меня, поехала на занятия в институт, в Баку. Она из села Чайлу Мартакертского района НКАО. Училась в Баку и проживала у меня дома. Примерно в 17 часов я решил поехать на вокзал, встретить ее и привезти в горком. Но мне не удалось доехать до вокзала, поскольку разъяренные толпы демонстрантов бродили по городу с палками, ломami и камнями в руках. Я увидел обгоревшую машину в 1-м микрорайоне возле клуба "Россия". От нее остался только скелет, и трудно было даже понять, какой марки была машина.

В этот же день на ул. Мира около продуктового магазина "Спутник" я видел, как 40-50 человек собрались в круг и избивали парня-армянина. Я побоялся подойти к толпе ближе и никого среди избивающих в лицо не увидел. Не узнал также, как звали парня, которого избивали. Я только постарался как можно быстрее вернуться в горком. После этого 4 дня у меня не было никаких сведений об Альвине.

4-го марта я узнал, что она лежит в больнице Семашко в Баку. Я поехал туда и увидел моего дядю, ее отца - Шахбазяна Вазгена. Он сказал, что Альвина еле разговаривает. Из рассказа дяди я узнал, что в понедельник 29 февраля, когда она возвращалась в Сумгаит, возле трубопрокатного завода азербайджанцы

остановили их автобус, зашли и начали расспрашивать, кто из пассажиров является армянином. Молодой азербайджанец пальцем указал на мою сестру, видимо, по внешности догадавшись, что она армянка. Несколько парней схватили Альвину за волосы, вытащили из автобуса и бросили на асфальт. Собралась толпа, ее начали избивать, разорвали всю одежду. Девушка осталась голой, все тело ее было в крови. Нападавшие, подумав, что она уже мертва, разошлись. Ее подобрал какой-то азербайджанский парень и на попутке довез до больницы в пос. Хурдалан.

Там Альвину не приняли, сказав, что она в безнадежном положении, а в больнице мест нет. Тот же парень отвез ее в больницу Семашко. Я с тех пор с сестрой не разговаривал и не знаю, кто этот парень, который спас ей жизнь. Не знаю также, изнасиловали ее или нет.

23 марта 1988 г.

пос. Агверан Разданского р-на Армянской ССР

МАРКАРЯН РИММА ТЕЛЬМАНОВНА

Родилась в 1965 году.

Работала медсестрой в Сумгаитском онкологическом диспансере.

В начале февраля моя сестра Рита Багдасарян, которая проживает в Ереване, заболела и легла в больницу. 12 или 13 февраля отец поехал в Ереван, а на следующий день и мама. Я осталась одна в трехкомнатной квартире. 15 февраля приехала моя сестра Тамара с мужем Арменом и дочерью, которой 7 месяцев. Сестра не работает, а ее муж каждый день ездил на работу в Баку.

27 февраля я вернулась с работы около 12 часов. Сестра с мужем были дома. Вечером, часов в 5, я пошла за хлебом в магазин, который находится напротив автовокзала. Возвращаясь, у фонтана рядом с автовокзалом увидела скопление людей, примерно 200 человек и слышала, что они что-то выкрикивали, но что конкретно не расслышала. Я очень испугалась и ушла домой, где рассказала сестре и ее мужу об увиденном. Вскоре с улицы послышался шум и мы с Арменом вышли на балкон. На привокзальной площади собралось большое количество людей и они все куда-то направились. Около 23 часов мы снова заметили на привокзальной площади большое скопление людей, до нас доносились крик, шум, но что они делали - с балкона не было видно. Я заметила, как несколько человек подбежали к дому № 21 3-го микрорайона и около десяти парней в возрасте 20-23 лет начали кидать в них камни.

На следующий день, 28 февраля, я проснулась около 9 часов. Выйдя на балкон, увидела соседа по имени Газанфар, который проживает во втором подъезде на пятом этаже. Он сказал, чтобы мы не выходили из квартиры, так как бьют армян, останавливают, требуют документы. Мы пошли к Айрапетянам, которые проживают в доме № 20 3-го микрорайона. Из окна их спальни была видна вокзальная площадь, где собралось огромное количество людей, более 500 человек. Я видела, как они остановили автобус, окружили его и стали выводить людей и избивать руками, ногами, камнями. При мне же облили чем-то машину, марку не помню, кажется “Жигули”, и подожгли. Был ли кто-то внутри автомашины,

я не заметила.

Ирина сказала мне, что они и до этого поджигали машины, и показала в сторону магазина “Спутник”, который находится на автовокзальной площади. Там видны были обугленные останки автомобилей. Вскоре от привокзальной площади к дому № 21 3-го микрорайона прибежала большая толпа людей, среди которых были и пожилые люди, и молодые 17-23 лет. Они кричали на азербайджанском “Бейте армян”, “Долой армян”, “Убивайте армян”, “Где здесь армяне?”. У некоторых из них я увидела камни размером с ладонь и железные прутья толщиной примерно 80-100 см.

Толпа подошла ко второму подъезду дома № 21. Молодой парень, невысокого роста, 160 см, темноволосый, лица его не видела и во что был одет не помню, пальцем стал показывать на первый этаж - на ту квартиру, где проживала семья армян, кажется, Арутюнянов. Их сын Гарник учился в нашем классе. Сломал стекла на окнах веранды, несколько человек вошли в квартиру. Вскоре я увидела, что с балкона стали бросать вещи: подушки, одеяла, матрасы, детские игрушки, посуду, стулья.

Часть людей стояла на улице и поджигала эти вещи, точнее, они разожгли костер и кидали в него выброшенные вещи. Жильцы близлежащих домов стояли во дворе или наблюдали за происходящим с балконов. Через 10-15 минут прибежали около 20 милиционеров, у которых в руках были резиновые дубинки, и с ними 5 служебных собак – овчарок. Вслед за ними приехала пожарная машина и стала поливать улицу и двор пеной. Толпа разбежалась и начала бросать камни в милиционеров, те отступили и ушли, не применив ни дубинок, ни собак для разгона погромщиков. На некоторое время двор опустел и мы решили идти домой. В это время у Айрапетянов находилась их соседка Женя, по национальности еврейка, которая принесла им продукты питания. Она согласилась проводить нас домой. Выйдя из подъезда, мы натолкнулись на нескольких парней из нашего микрорайона. Один из них, невысокого роста, черноволосый, черноглазый, одетый в черный плащ, посмотрев в нашу сторону, сказал: “Вот они точно армяне, их тоже надо поубивать”.

Испугавшись, мы помчались домой. Тётя Женя проводила нас до подъезда, где стояли наши соседи. Муж сестры с дочерью находился у Мамеда из 12 квартиры. Мы все вместе поднялись к себе в квартиру. Сестра начала собирать детские вещи, чтобы уйти к соседям, ибо оставаться дома было опасно. В это время я и Армен видели из окна, как толпа подбежала к дому № 17 3-го микрорайона, перед которым уже горел мотоцикл, принадлежавший семье почтальонши тети Седы, а из квартиры на 4 этаже третьего подъезда выкидывали вещи, которые подбирала стоявшая внизу толпа. У первого подъезда дома № 17 мы увидели большую группу людей, примерно 50 человек, которые что-то обступили. Внезапно они все разбежались, и я заметила, что на земле лежала девушка с короткой стрижкой кучерявых волос. Она была полностью раздета. Через 1-2 минуты они снова ее обступили. Что там происходило, не было видно. Еще через несколько минут они разбежались, девушка попыталась взять что-то рукой, но не смогла. Часть толпы побежала к домам у школы, а другие к дому № 21. В это же время прибежал наш сосед Мамед и сказал, чтобы мы скорее шли к нему. Его очень напугала сцена с девушкой, поэтому он и прибежал за нами.

Кроме нас, у Мамеда находилась семья Закияна Бориса, который проживает в 8-й квартире нашего дома. Мамед всех нас спрятал под кроватями, и эту ночь мы провели у него. Утром 29 февраля пошли домой.

Обстановка была спокойная. У дома № 21 убирали мусор, по-моему, это были работники домоуправления. Вскоре к нам поднялась мать Мамеда и сказала, чтобы мы поскорее уезжали. Армен пошел искать машину, сестра стала укутывать ребенка одеялом. Вскоре возле автовокзала остановился автобус. Мы сели и уехали в Баку. Водитель был азербайджанцем, Армен за эту поездку заплатил ему 50 рублей. Нас остановили на посту ГАИ, расположенного между Сумгаитом и Баку, требовали документы. У Армена документов не было и ему сказали, чтобы в следующий раз он брал их с собой. 16 марта мы прилетели в Ереван.

17 марта 1988 года

с. Арзакан Разданского района Армянской ССР

АТАДЖАНЫН АСТХИК АРАЕВНА

Родилась в 1942г. в селе Казанчи Мартакертского района НКАО

В Сумгаите я проживаю с 1962 года с мужем и сыном. Две дочери замужем. Одна из них проживает с семьей в Сумгаите, вторая в Баку. О событиях в НКАО я узнала, когда была сама в Степанакерте. 17-го февраля мы с мужем вернулись в Сумгаит. 22-го, когда я пошла на работу, ко мне с возмущением обратились работницы-азербайджанки - мол, что вы там наделали в Степанакерте и Кафане.

Я им возразила, но они не слушали и продолжали возмущаться. Аналогичные разговоры на работе продолжались и в последующие дни, об этом вообще говорилось повсюду. 26-го февраля до меня дошли слухи, что студенты-бакинцы устроили митинг по поводу событий в Карабахе. Вечером я не выходила из дома и ничего не могу сказать о событиях этого дня. Поскольку мне надо была пойти на 40 дней родственника, я отпросилась и 27-го не вышла на работу.

Около 17:00 мы с мужем вышли из дома и поехали к родным. Отметили сороковины и часов в 7 вместе с родственниками Аванесяном Сашей, Аванесян Раей и Халафян Риммой поехали к нашей соседке Свете на панихиду ее матери. На обратном пути, подъехав к площади Ленина, мы увидели большое количество людей, их было несколько тысяч. Эта огромная масса двигалась по улице Ленина в направлении улицы Дружбы.

По ходу движения толпы отдельные группы по 100-200 человек отделялись и расходились по ближайшим улицам и кварталам. У них в руках были палки, арматуры, камни и ножи. Увидев это, мы развернулись и другой дорогой поехали к Халафян Римме. Мы уже были у нее дома, когда прибежала моя дочь Закиян Неля, которая живет по соседству, и с плачем стала просить нас не выходить, потому что толпы азербайджанцев грабят, насилуют, убивают армян и одна такая группа находятся сейчас около их здания.

Так как наш сын остался дома один, муж обходными дорогами поехал за ним, а я осталась у Риммы, чтобы помочь ей отметить на следующий день сороковины умершего мужа. В эту ночь нападения на ее дом и соседние здания не было, однако

всю ночь раздавались шум и крики. Утром муж приехал за мной и рассказал, что всюду ходят толпами азербайджанцы и нападают на армянские квартиры, на армян, творят всякие бесчинства, убивают и насилуют. Мы обходными путями доехали до дома и весь день 28 февраля не выходили.

На следующий день до нас дошли слухи о том, что в 3-м районе толпы азербайджанцев устроили многочисленные погромы армян. Мы забеспокоились за свою дочь и за Римму и муж решил поехать туда. Вернулся он минут через 40, было около 10 утра. Рассказал, что по пути видел очень много сожженных, разграбленных квартир, повсюду во дворах валялась сломанная мебель и разные вещи. Он также рассказал, что дочь и ее семью соседка-азербайджанка спрятала у себя в квартире, когда бандиты напали на их дом. Кроме того, соседи вышли с топорами в руках и разогнали толпу, которая намеревалась зайти в подъезд.

Муж рассказал, что видел разгромленную и разграбленную квартиру Халафян Риммы. Мы с ним поехали туда вместе и я увидела все это своими глазами – в квартире ничего целого не осталось. Соседка Риммы Авакян Эльмира рассказала, что ее мужа избили до потери сознания, потом в бессознательном состоянии выволокли во двор дома, облили бензином и подожгли. Его звали Авакян Юра. Перед этим ее саму раздели догола. Нам также рассказали о том, что Эмму Григорян, которая проживает над ними, ворвавшиеся в квартиру бандиты также раздели догола, а ей лет 60, и избили. Потом ее в голом виде вывели во двор и там продолжали издеваться¹. Те же самые бандиты избили ее мужа Григоряна Черкеза. Их имущество было полностью разграблено и уничтожено.

Все это произошло вечером 28 и в ночь на 29 февраля. Соседка Лена Аванесян также рассказала, что подонки зашли к ним в квартиру, избили ее мужа Сашу Аванесяна до полусмерти и в бессознательном состоянии бросили во дворе, думая, что он мертв. Однако он остался жив. Другие подонки раздели саму Лену и ее дочерей Жанну и Марину, вывели их голыми во двор и стали избивать. У всех

1. Эмма Григорян, 58 лет. Обнаженную вывели во двор, посадили на скамейку, прижигали тело сигаретами. Потом надругались, переломали ребра, разбили голову. См. рассказы В. Шагаянц в сборнике “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев”, т.1, а также Э. Григоряна в настоящем сборнике.

поломали ребра, а Марину несколько раз пырнули ножом. Лена также сказала, что бандиты подвергли насилию их гостей-родственников - отца и дочь.

Отца избили до бессознательного состояния, поломали руку, а дочь раздели догола, несколько раз ножом ударили, но не сильно, чтобы показалась кровь, а потом в присутствии отца изнасиловали. Лена назвала мне их имена, но я уже не помню. Солдаты появились в городе 28 февраля после обеда, в основном они были в центре города и в районе автовокзала. В микрорайонах города солдат еще не было, они туда вошли в 3 часа ночи, то есть в ночь на 29 февраля. У микрорайонов располагались небольшие группы солдат и при получении сигнала о том, что где-то происходят беспорядки и бесчинства, туда сразу направлялись военные с техникой.

Утром 29 февраля наш сосед Юсиф предупредил, чтобы мы не оставались дома, сказав, что он боится приютить нас. Мы сразу сели в машину, поехали в поселок Джейран-Батан, забрали сына с семьей и уехали в Баку.

При выезде из Сумгаита работники ГАИ и милиционеры нас остановили, отобрали документы у мужа и не выпускали из города, объясняя это тем, что мы можем поднять в Баку панику. После 2-часового спора нам кое-как удалось выехать. Когда нас остановили работники милиции - их было человек 10-15 - недалеко стояла группа азербайджанцев, человек 10, которая предложила милиционерам отойти, чтобы нас убили.

До 17 марта мы жили в Баку у родственников. За этот период я несколько раз приезжала в Сумгаит, где узнала, что сразу же после нашего выезда ворвавшиеся подонки-азербайджанцы сломали дверь нашей квартиры и забрали все ценное имущество, причинив материальный ущерб на сумму более 5 тыс. рублей. Об этом я сообщила следователю Калинину.

Хочу отметить, что в 26-м, Объединенном, 1, 2, 3 и 30-м кварталах удалось избежать больших погромов, потому что армяне успели объединиться и кое-как вооружиться.

24 марта 1988 г.

Пансионат "Масис", с. Арзакан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: genproc.am

БАЛАЯН ИРИНА РУБЕНОВНА

Родилась в 1957 г. в Сумгаите. Работала в парикмахерской

27 февраля вечером муж вернулся с работы и рассказал мне, что в центре города проходят массовые демонстрации азербайджанского населения с выступлениями против армян. Он рассказал, что возле горкома партии на площади видел митинг, на котором кричали, требовали убивать, изгнать армян с азербайджанских земель. Муж рассказал, что видел, как одна полная женщина неоднократно стремилась подняться на трибуну и выступить, но работники горкома ее отстраняли. В этот день демонстранты в наш район не пришли. В воскресенье 28 февраля мне позвонили сестра и мать. Они рассказали, что вчера в городе были учинены погромы армянских домов, сжигали их имущество, искали в городском транспорте армян, избивали и убивали их. Мать и сестра посоветовали мне не выходить из дома, но я как-то серьезно не отнеслась и в 9 утра пошла на работу. Я заметила, что большинство азербайджанцев нашего района шли к центру города. Было такое впечатление, будто они идут на парад. Примерно в 11 часов я сбегала в магазин рядом с парикмахерской и увидела, что на улице кучками стоят люди, в основном мужчины, которые с какой-то злостью посмотрели на меня. Насколько я могу судить, они не были жителями нашего города: какие-то краснощекие и одеты были по-деревенски.

Я вернулась и продолжала работать. Примерно в 14:30 в парикмахерскую прибежал парень-азербайджанец, наш клиент, но имени его я не знаю. Он предупредил меня и работающего у нас армянина Агаджаняна Вазгена, что разъяренная толпа демонстрантов ищет повсюду армян и направляется в сторону парикмахерской.

Вазген предложил мне быстро переодеться и убежать. Мы едва успели переодеться, как тут толпа демонстрантов с криком и шумом подошла настолько близко, что убежать было уже невозможно. Но я подумала, что можно попытаться, и вышла из парикмахерской. И увидела разъяренную толпу, впереди которой шел

молодой парень лет примерно 20, небольшого роста, плотного телосложения, со светло-коричневыми волосами. Лицо его было не то грязное, не то небритое. В руках он держал флаг Азербайджанской ССР и кричал что-то типа “смерть армянам”. Остальных из толпы не заметила, поскольку впереди шел именно он, а я, испугавшись, на других даже не посмотрела.

Работницы-азербайджанки нашей парикмахерской предложили нам спрятаться и заперли меня и Вазгена на складе. Примерно через 2-3 минуты мы услышали, как в парикмахерскую с диким шумом ворвалось множество людей. Они начали разбивать зеркала салона и расспрашивать, где армянка-парикмахерша, у которой три золотых зуба. Отмечу, что у меня действительно есть три золотых зуба. Я не знаю, откуда они собрали сведения обо мне.

Мы с Вазгеном слышали, как ломают стекла и зеркала. Они искали именно меня, но наши девушки уверяли их, что в этот день я на работу не вышла. Потом они начали проверять туалет, а затем решили проверить склад, где спрятались я и Вазген. Они потребовали ключи от склада, но девушки, обманув, сказали, что ключи у заведующего, а он ушел куда-то. Несколько погромщиков, ругаясь, попробовали взломать дверь, но вскоре перестали. Как мне стало известно потом, нас спасли коллеги-азербайджанки, которые начали заигрывать с ними, шутить и уговаривать уйти из парикмахерской. По рассказам девушек, ворвавшиеся забрали с собой фены и другие инструменты. Когда они ушли, девушки стали уговаривать меня и Вазгена на ночь остаться на складе. Я не согласилась, потому что дома меня ждали малолетние дети. Примерно в 16 часов я в сопровождении моей клиентки, имени которой не помню, пошла домой. По пути она громко разговаривала со мной по-азербайджански, чтобы никто не понял, что я армянка. Муж был дома с детьми.

Вечером мы пошли к соседям-азербайджанцам, живущим на первом этаже. Они скрыли нашу семью в подвале, где мы оставались всю ночь. Но к нашему дому погромщики не подошли. По городу шли слухи, что убивают не только армян, но и тех азербайджанцев, которые прячут у себя армян. Наши соседи очень боялись и утром в 6 часов попросили нас уйти и спрятаться у других. Мы вернулись к себе

домой. Телефон наш работал. Я позвонила отцу, сказала, что мы живы, и попросила у него какой-либо номер телефона горкома партии. Отец рассказал мне, что они с матерью, братом и тремя детьми, а также с другой армянской семьей из их дома всю ночь прятались на крыше.

Он дал мне номер какого-то телефона, и я позвонила. Мне ответил горкомовский работник, кажется, его фамилия была Гаврилов. Он сказал, чтобы мы сидели дома взаперти и что будут приняты меры. Потом к нам приехал друг мужа азербайджанец по имени Шаглар и на попутной машине увез нас к другому товарищу-азербайджанцу Ильгаму. Понедельник 29 февраля мы провели у них дома, а 1 марта в сопровождении друзей дошли до здания горкома и там оставались до 3-го числа, после чего еще 8 дней провели в воинской части. Потом через Армавир приехали в Армению.

23 марта 1988 г.

пос. Агверан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: genproc.am

БАГДАСАРЯН СЕДА СОЛТАНОВНА

Родилась в 1951 г. в селе Кялбит, Исмаиловский район, АзССР

В 1954г. моя семья переехала в г. Сумгаит. Там я училась и в 1972 г. вышла замуж за Багдасаряна Юрика. От совместного брака имеем троих детей, старшей лет 15, младшему 12 лет. Мы жили у матери, где, кроме нас жили мать, отец, брат Сергей с семьей. Старший брат Рафик Мирзоян жил отдельно.

В середине февраля 1988 г. в городе начали распространяться слухи, что в Нагорном Карабахе прошли митинги и карабахцы хотят воссоединиться с Армянской ССР. Пошли слухи, что в связи с этим армяне будто бы выбросили малолетних азербайджанских детей из автобуса и т.д. 26 февраля в городе шли разговоры о том, что азербайджанцы нападут на армян. Муж, придя с работы, собрал нас всех и мы вечером поехали к его брату в г. Баку, его зовут Саша. Мы у него оставались до понедельника. За это время мы пытались по телефону связаться с Сумгаитом, но связи не было.

В понедельник я на работу не поехала, так как дети были со мной. Утром приблизительно в 10 часов по телевизору выступил Багиров и сказал, что в Сумгаите были бандитские нападения и имеются человеческие жертвы. С этого момента я уже знала, что в Сумгаите азербайджанцы убивают армян. Примерно в 12 часов в дом, где мы остановились, приехал брат жены Саши с детьми и родителями, всего 7 человек. И они рассказали следующее.

Они жили в центре города - в 45-м квартале 5 микрорайона, в 14-этажном доме. Мать Агавни рассказала, что в субботу вечером она с 14 этажа слышала голоса людей, и когда вышла на балкон, увидела, что на площади и улицах полно людей. Они шли с криками “убивайте армян”, “смерть армянам”, несли плакаты с таким же содержанием. Кричали: “Азербайджанцы, если среди вас есть мужчины, выходите, будем мстить армянам за то, что они творили в Кафане”. Среди руководителей беспорядков выделялся один мужчина, весь в белом. Так одеваются в знак радости, значит, убийство армян они считали радостным событием.

По словам родственников, 28 февраля эти люди ломали стекла, громили и грабили дома. На их квартиру не напали, потому что они были единственной армянской семьей в этом доме. Дважды группа людей подходила и спрашивала, живут ли в здании армяне. Им удалось 1 марта 1988 года в 5 часов утра на собственной машине вырваться из Сумгаита. В тот же день приехал старший брат Сашиной жены Алеша, который с семьей жил отдельно. Он искал свою жену и детей. Алеша рассказал, что видел, как 3-летнего ребенка разорвали в 8 микрорайоне. Он потом нашел свою семью и, кажется, 10 марта переехал в Ростов. А 5 марта мой муж привез из Сумгаита моих родителей и брата Сергея с семьей.

Мама, брат Сергей и его жена Эвелина рассказали, что они вначале спрятались в доме, где живут - в квартире соседа, затем их увезли в 41-й квартал к начальнику Сергея, и они 4 дня оставались там, пока 5 марта их не забрал мой муж и не привез в Баку. Родные рассказали мне, что на их дом напали, но соседи их не выдали, при них никого не убивали, не насиловали и не избивали. А Лариса, жена брата Рафика, рассказала следующее.

В воскресенье 28 февраля Рафик пошел на работу, но вскоре вернулся с детьми, которые были у тещи, в 1-м квартале. Рафик рассказал, что из дома они не выходили, зная, что творится в городе. 28 февраля примерно в 23:00 к ним постучали соседи и предупредили, что на дом напала толпа. Они только успели выбежать с детьми из своей квартиры и спрятаться у соседей. Толпа поднялась на их этаж, ногами взломали дверь.

Лариса рассказала, что она видела, как из балкона и окон выбрасывали имущество, постель и жгли все это на улице. Они переночевали в доме соседа, а на следующий день у друга спрятались, пока их нашли солдаты и увезли в пансионат.

6 марта мы поехали в Сумгаит, чтобы узнать, в каком состоянии квартира. Таким образом, после 26 февраля я попала в Сумгаит только 6-го. Мы пришли в дом брата и увидели, что стекла в окнах разбиты, вся мебель сломана, посуда разбита, постелей вообще не было, обои на стенах ободраны, холодильник весь разбит. И там уже работали рабочие, они вставляли стекла и убирали мусор.

Брат и сноха говорили, что из дома похищены японский холодильник, лайковое

пальто, плащ, меха, золото, деньги – то ли 1200, то ли 1800 рублей и другие вещи. Лариса вспомнила, что когда преступники ушли из квартиры и на улице жгли на костре их имущество, она видела, что они делят между собой деньги.

24 марта 1988 г.

пос. Арзакан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: genpros.am

АРАКЕЛЯН СЕРГЕЙ СОКРАТОВИЧ

Родился в 1954г. Работал электросварщиком в Закавказском управлении треста “Союзкислородмонтаж”.

27 февраля я весь день был дома и слышал только доносившийся со стороны площади Ленина шум и голоса выступавших в микрофон. Что именно говорили, не мог разобрать.

На следующий день 28 февраля мой младший брат Валера ушел на работу, у него была сапожная будка на ул. Мира. Около 10 часов он позвонил нашему соседу Завену и сказал, что все стекла в будке переломали, и попросил меня прийти и помочь привести ее в порядок. Я с отцом Аракеляном Сократом на трамвае отправились к месту работы брата. Доехав, мы увидели, что разбиты стекла будки не только Валеры, но и находившихся рядом часовщика, заправки зажигалок, заказа ремней и фотоателье.

Оттуда до автовокзала было примерно метров 50-60. На автовокзале собралась огромная толпа, которая сначала что-то кричала. Там же стояла пожарная машина, из которой водой поливали собравшихся. Потом пожарную машину стали закидывать камнями и она сразу уехала. В это время над толпой поднялось пламя - это горел автобус. Отец пошел на базар за покупками, а я дождался брата и мы вместе пошли домой. Когда добрались, отца еще не было. Он пришел примерно через час после нас, очень взволнованный.

Возвращаясь с базара, отец сел на трамвай. У площади Ленина трамвай остановили и толпа потребовала, чтоб все вышли. Выходивших спрашивали о национальной принадлежности. Последним из трамвая вышел мой отец, и когда его спросили об этом, он, испугавшись, что его убьют, ответил, что не армянин. Тогда бандиты потребовали, чтобы он пошел вместе с ними. Отцу ничего не оставалось, как выполнить их требования. Пройдя с толпой метров 30, он стал постепенно отставать, а потом быстро завернул за угол и дворами добрался до дома.

Поняв, что в городе началась настоящая резня армян, мы как могли подгото-

вились к тому, чтобы обороняться в случае нападения. Потом пришла с работы моя сестра Лариса, которая рассказала, как толпа озверевших бандитов избивала какого-то молодого парня. Весь остаток дня 29 февраля и ночью мы никуда не выходили.

Сосед-азербайджанец предложил нам спрятаться у него. Мы сначала поднялись, но потом, увидев их испуганные лица, спустились обратно к себе, потому что слышали, что тех азербайджанцев, которые прячут у себя армян, тоже убивают.

1 марта на машине знакомого, он работник прокуратуры, мы уехали во дворец культуры СК, где уже было много армянских семей. Там мы провели сутки, но поскольку на руках у нас был грудной ребенок, а во дворце культуры не было никаких условий, накурено, грязно, решили вернуться. На автобусе в сопровождении солдат и офицера нас довезли до дома. Офицер попросил солдат, которые располагались в пансионатах «Металлург» и «Химик», на расстоянии 40 метров от нашего здания, присматривать за домом. То, что солдаты были поблизости, нас немного успокаивало.

Дня через два после этого я вышел во двор покурить. Ко мне подошли ребята из нашего двора, и один из них, Игорь, рассказал, что в один из дней погромов он находился у своего товарища. Услышав шум и крики в подъезде, вышел на лестничную площадку и увидел, что в квартире напротив открыта дверь. Там стояла взрослая женщина, голова и лицо которой были в крови, а рядом человек двадцать насиловали голую молодую девушку. Увидев это, Игорь с испугу зашел обратно в квартиру, а когда все стихло, ушел домой.

20 марта 1988 г.

пос. Агверан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: genproc.am

АРУТЮНЯН РАЗМИК АЙКАЗОВИЧ

Родился в 1930 г. Работал машинистом тепловоза

27 февраля около 10 утра я был дома и услышал доносившиеся с площади Ленина шум и крики. Вышел на балкон и увидел собравшуюся толпу, там были люди от 15 до 40 лет. Мой дом находится очень близко к площади, и я слышал их крики: “Да здравствует азербайджанский народ, смерть армянам!”.

На следующий день, примерно в час, я пошёл за хлебом. И стал очевидцем того, как первый секретарь горкома Муслимзаде шёл в первых рядах этой многолюдной демонстрации. А 29-го февраля в 5 часов утра приехали русские солдаты, которые искали армян, и забрали нас в здание горкома. Там было очень много народу, и это было ужасно, мы узнали о бесчинствах и насилии, которому подверглись лица армянской национальности.

Я видел двоих сестёр, фамилии не знаю, их отца зовут Гриша. Этих девочек, которым было лет 12, азербайджанцы вшестером изнасиловали на глазах матери. Об этом я услышал от их родителей.

19 марта 1988 г.

пос. Агверан Разданского района Армянской ССР

Источник: genpros.am

ИШХАНЯН ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в 1933г.

В воскресенье, 28-го февраля, примерно в 18 часов, будучи один дома, я услышал какой-то гул, который становился все громче и отчетливо доносился со стороны автовокзала. Решил пойти к другу-азербайджанцу, чтобы узнать, в чем дело, и вышел во двор. Около домов 18, 19 и 20 увидел толпу, человек по меньшей мере 200. Они скандировали: «Смерть армянам, убьем всех до последнего армянина, да здравствует Азербайджан!» и ругались нецензурной бранью в адрес армян.

Я побежал в сторону почты и зашел в подъезд дома, где расположено почтовое отделение № 206, там стояла группа людей - азербайджанцы, видимо, жильцы этого дома. Я остался в подъезде и стал смотреть. В толпе преобладали молодые люди от 17-18 до 40 лет, многие были одеты в черную одежду, почти все были вооружены прутьями из арматуры с острыми концами, саперными лопатами, ломиками и булыжниками. Этих предметов было так много, что затрудняюсь назвать даже приблизительное их число. Собравшиеся размахивали ими, держа над головами.

Мужчина лет 30, крепкого телосложения, высокий, в костюме серого цвета руководил действиями толпы и громко приказывал: "20 человек идут в этот подъезд, быстро!". Подчиняясь ему, группа ринулась в подъезд дома, расположенного около школы. Минут через 5-10 оттуда выволокли во двор трех человек, нанося им удары чем попало. Это были двое мужчин и одна женщина, я их не знал. Бандиты лопатами, ломиками, прутьями колотили по людям, уже неподвижно лежавшим на асфальте. Это продолжалось минут 5.

Метрах в 10 от этого места человек пять, тащили по асфальту молодую женщину лет 25, держа ее за руки и ноги. Она была совершенно голая и никакого сопротивления не оказывала, возможно, была мертва. Двое из толпы схватили ее за руки и волосы и продолжали таскать. Глумясь таким образом, они протащили ее за дом, и я не видел, что с ней сделали потом.

На балконе второго этажа дома, расположенного прямо напротив подъезда, где я стоял, двое молодых людей отбивались от группы численностью в 20-25 человек. Забравшись на деревья, погромщики хотели войти в квартиру через балкон, их поливали водой, видимо, очень горячей, потому что поднимался пар, а толпа в ответ бросала в оборонявшихся булыжники, перебив все стекла. Потом они облили куски белой материи какой-то жидкостью, подожгли и бросили на балкон. Но эти двое потушили горевшую материю и столкнули вниз 2-3 нападавших, которым почти удалось залезть на балкон.

Потом подъехала и прямо под балкон встала пожарная автомашина, из которой шлангом направили мощную водяную струю на обороняющихся парней. Человек 15-20 из толпы взобрались на крышу пожарной машины и оттуда перешли на балкон, где прутьями и лопатами начали безжалостно избивать этих двоих ребят. Затем с балкона во двор начали лететь постель, мебель, кресла, все это во дворе поджигали. Я посмотрел налево и увидел, что у другого подъезда валяются пожилые мужчина и женщина в разорванной одежде и в крови, они лежали неподвижно.

Так с 18 часов 28 февраля до 4 часов утра 29 февраля я стоял в подъезде и видел, как с балконов летят во двор мебель, холодильники, постели, телевизоры и другие предметы, которые тут же поджигались внизу людьми из озверевшей толпы. Я лично свидетель того, как двое погромщиков выпрыгнули из окна дома, где убивали двоих молодых людей со второго этажа, и совершенно беспрепятственно один из них убежал через строй милиционеров, а второго поймали курсанты.

Рано утром я вернулся домой. По дороге видел, как возле нашего дома грузили в машину «скорой помощи» окровавленный труп армянина по имени Шурик, пожилого возраста, я его знал. Примерно в 10-11 часов с балкона своей квартиры я увидел, как в сторону 8-го микрорайона идет толпа в 40-50 человек, вооруженных железными прутьями, лопатами, какими-то палками. Они несли плакат с надписью на азербайджанском «Смерть армянам, да здравствует Азербайджан!».

В пределах 18 часов того же дня я увидел из окна, что недалеко от нашего дома собралась толпа, они стояли кучками и вместе их было более 100 человек. Из

домов 19 и 20 во двор летели разные предметы, все это сразу поджигалось. Моя жена Римма позвонила по телефону 3-33-91 - то ли в горком, то ли в горисполком. Трубку взял какой-то мужчина. Жена сообщила ему о происходящем и попросила помощи. Но мужчина ответил: “Мы ничем помочь не можем, спасайтесь как хотите”, и положил трубку.

Между тем толпа примерно в 100 человек хлынула к нашему дому с криками: “Убивайте армян, сжигайте, смерть армянам”. Кто-то из толпы громко крикнул: “15, 20, 22, 24 квартиры - вперед!”. Я понял, что сейчас начнутся погромы, убийства, избиения. Толпа ринулась в подъезд с гулом и грязными ругательствами в адрес армян.

С 1 этажа нашего подъезда, где проживала семья Гриши Погосяна, слышался грохот. Я не знаю, были ли они дома и что с ними стало, их семья состояла из 6 человек. Потом раздался громкий стук в дверь нашей квартиры. Мой младший сын Роберт хотел выброситься с балкона, говоря, что лучше покончить с собой, чем умереть от руки этих изуверов, но мы не дали ему сделать это. Вчетвером мы перелезли на балкон соседней квартиры, где жила азербайджанская семья, сломали шпингалет на двери и прошли в квартиру, где и затаились. Через несколько секунд из нашей квартиры раздался оглушительный грохот, слышно было, как ломали мебель, стекла.. Все, что было в доме, выбросили во двор и подожгли, позднее я своими глазами видел остатки моего имущества. Погром продолжался примерно полтора часа...

17 марта 1988 г.

пос. Агверан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: genproc.am

БАРСЕГЯН ЭЛЬМИРА ЕРВАНДОВНА

Родилась в 1939 г.

27 февраля 1988 года я вернулась с работы домой и где-то в 17:30 пошла на базар около торгового центра. Начиная с магазина “Спутник” в сторону гор-исполкома шла толпа, кричавшая “смерть армянам”. Я вернулась домой, а около 21 часа пришел муж и сказал, что разрушены все будки, киоски, мастерские, где работают армяне.

28 февраля я вышла с работы около 2 часов. Наша смена заканчивается в 4, но я специально вышла на два часа раньше и поехала на такси, потому что слышала, что бандиты приходят к концу смены, заходят в автобусы, находят армян, избивают и убивают их. 29 февраля я также пошла на работу и вышла в час. На троллейбусе доехала до базара и там ждала маршрутное такси, чтобы поехать к дочери в 9-й микрорайон. На остановке стоял мужчина лет 60, низкого роста, седой, который агитировал собравшихся убивать армян. Он говорил, что у тех, кто не убивает армян, немусульманская кровь. При этом присутствовали работники милиции, человек десять, которые стояли рядом, слушали этого мужчину и одобрительно кивали. Этот же человек сел вместе со мной в маршрутное такси и по пути тоже агитировал людей убивать армян. Женщины спросили: “Как же отличить армян от азербайджанцев?”. Мужчина сказал, что имеются специальные пароли. Во-первых, сказал он, надо иметь с собой паспорта. Во-вторых, те, кто на автомашинах, должны включить подфарники и на один сигнал ответить тремя сигналами. В-третьих, армянина от азербайджанца можно отличить по произношению слова “фндых” – орехи. Армяне произносят “пндых”, а азербайджанцы – “фндых”.

Этот мужчина вышел со мной в 9-м микрорайоне, напротив кладбища. Дом моей дочери находится рядом с остановкой, и когда я посмотрела с балкона, он все еще стоял там. В это время около остановки появилась большая группа людей, человек 100-200. По знаку этого мужчины они остановили автомашину оранжевого цвета и стали стучать в окно, но водитель не открыл. В это время мужчина опять

подавал знак, они оставили машину и с криками “смерть армянам” ушли.

1 марта мы узнали, что армян собирают в здании горисполкома и войска их там охраняют. Всей семьей пошли туда. 2-го марта нас увезли в Насосную, в войсковую часть, где мы оставались до 8 марта. А потом сказали, что можно возвращаться домой, каждому дали пропуск, где было написано “Вам гарантируем жизнь” и поставлена подпись коменданта Сумгаита генерала Краева. В этот день мы вернулись домой, а в 23 часа в нашу дверь постучали.

Спросила - кто, а они в ответ - как ваша фамилия. Я спросила, зачем им моя фамилия? И услышала, что они между собой разговаривают, один говорил, что уже приехали, а другой сказал, что наверно они ошиблись. Я специально с ними разговаривала на азербайджанском, чтобы они не поняли, что я армянка. Потом они сказали, что один из них участковый милиционер, на что я ответила, что в такое время участковому нечего ходить по домам. Потом вышла на балкон и увидела, что этим людям, а их было четверо, было лет 40 и они не могли быть солдатами. Оставаться в городе было опасно, мы боялись, что в любой момент на нас могут напасть. И 11 марта уехали в Ереван.

То, что произошло в Сумгаите, было подготовленной и организованной акцией. Об этом свидетельствует тот факт, что собравшаяся около базара толпа была полностью в одинаковой одежде черного цвета. Кроме того, 28 февраля в 17 часов на улице Нариманова я видела большую группу детей 8-12 лет, которую направляли взрослые. Дети кричали “смерть армянам”, а по бокам этого шествия шли взрослые мужчины.

Никто из властей не принимал никаких мер, чтобы пресечь эти беспорядки. Телефонная связь была отключена, и когда я пошла на центральную почту, начальника не было, но вышел человек и сказал, что телефоны отключены, потому что включают военный объект. Когда я сказала, как можно делать это в такое время, когда идет резня, он мне нагрубил и ушел. Кроме того, я сама слышала, как паспортистка ЖЭКа №2 Ареват рассказывала, что 28 февраля, в воскресенье, ее вызвали на работу и начальник дал указание выписать адреса и фамилии армян, живущих на данной территории. Она это выполнила и отдала ему списки.

Возникает вопрос: зачем?

Хочу добавить, что когда мы жили в войсковой части поселка Насосный, к нам пришел представитель трубопрокатного завода и уговаривал с 9-го марта вернуться на работу. Я спросила этого человека: “Где вы были, когда армян избивали арматурами, и вообще, как эти арматуры попали к погромщикам?”. Он сказал, что арматуры они раздали комсомольцам, чтобы те защищали армянское население. В подтверждение своих слов он вызвал мужчину средних лет, который в эти дни жил с нами в Насосной и представился как работник управления трубопрокатного завода. Этот мужчина сказал, что действительно, арматуры они раздали комсомольцам для защиты. Но кто изготовлял их и по чьему заданию, не мог сказать. Никакой комсомолец в те дни не защищал армянское население...

24 марта 1988 г.

пансионат “Гегам”, г. Камо Армянской ССР

Источник: genproc.am

АЗИЗБЕКЯН ЛЮБОВЬ АЯАСЕРОВНА

Родилась в 1954 г. Работала старшим оператором.

25 февраля 1988 года я поехала на работу на служебном автобусе. По дороге одна азербайджанка сказала: “Это армянка, не впускайте ее в автобус”. Она, конечно, сказала это шутя, потому что меня уважали. Правда, я ответила, что не хочу больше слышать от нее подобных шуток. По поводу НКАО я ничего не знала кроме того, что передавала пресса. А 26 февраля услышала по телевидению выступление заместителя прокурора СССР о бунте в НКАО и о том, что там было убито два азербайджанца - с указанием их имен, фамилий и возраста. Минут через 20-30 после этого выступления за окном раздались свист и крики.

Мне показалось, они раздаются из телевизора, но муж Алексей сказал, чтобы я посмотрела в окно. Выглянув, я увидела демонстрантов, около 300 человек с флагом республики в руках. Возраст - от 16 до 40 лет. Они прошли по улице Низами на площадь Ленина. Они несли плакаты, транспаранты, но надписи на них я не разобрала, так как у нас угловое окно. В руках у них были также камни, палки, арматура. Вечером пришла моя золовка Аня и сказала, что в городе творится что-то невероятное. Где-то около девяти мы отвезли ее домой на своей машине.

В городе на каждом углу стояли кучки людей по 8-10 человек. Мы поехали по окраине, подальше от центра города, по улице С. Вургуня. Довезли Аню домой, в 10-й микрорайон, и обратно возвращались через центр. Я никак не могла понять, почему народ так возбужден. Когда мы подъехали к высотке в 45-м квартале, там дорогу перекрывали около 50-60 человек, а около автовокзала дорога была перекрыта группой уже в 150-200 человек. Они что-то говорили и размахивали руками. Мы быстро поехали на ул. Ленина и увидели разбитые стекла парикмахерской на ул. Ленина, где работали армяне, сожженную сапожную будку в 4-м квартале.

На площади говорили что-то в микрофон на азербайджанском языке, но я не расслышала. Мы остановились и хотели послушать, о чем идет речь, но какой-то парень-азербайджанец сказал, что здесь нам лучше не стоять, потому что только

что тут разгромили автомобиль “Москвич”. Мы отправились домой.

27 февраля вроде с утра все было тихо, но к обеду опять слышался шум. В этот день я никуда не выходила. Звонила знакомым узнать как дела, что нового. И все в один голос говорили только о бунтовщиках, что разбиты все парикмахерские, сапожные и газетные будки, ателье, одним словом все те места, где работали армяне.

От испуга я уже никого из своих из дома не выпускала. 28 февраля позвонила тетя мужа – Седа Саркисян, и сказала, чтобы мы из дома никуда не выходили, потому что они ищут армян, врываются в дома, ломают двери, грабят, издеваются над людьми и убивают их. Спустя некоторое время позвонила племянница, Григорян Камелла, и сообщила, что бандиты ворвались к тете Седе домой. Как выяснилось потом, бандиты увидели во дворе мотоцикл, спросили у соседского мальчика – чей он, и ребенок назвал квартиру. Они сожгли мотоцикл, зашли в подъезд, поднялись на 5-й этаж и стали ломать дверь.

Пока они ломали дверь, тетя Седа, ее муж Гриша и дочь Лаура перешли к соседям-азербайджанцам через балкон. Тетя Седа Саркисян проживает в 3-м микрорайоне. Бунтовщики поломали мебель, посуду, разрезали ковры, забрали документы, деньги, часы, кольца. Кроме того, у тети Седы были деньги, принадлежащие пенсионерке тете Асе – около 800 руб., их тоже забрали. Не успела Камелла сообщить о том, что случилось с тетей Седой, как в нашу дверь позвонили. Я спросила кто там, но ответа не было.

Посмотрела в глазок двери и увидела своего отца – Азизбекия Аяасера Семеновича. Открыла дверь и не узнала его... Он был весь окровавлен, не мог говорить. Глаза не было видно, он был закрыт синим пузырем, разбита бровь, разбиты рот и подбородок, из уха текла кровь, все тело было страшно избито. Я быстро обработала, промыла, приложила компресс, поменяла ему одежду, на которой чистого места не было, все в крови. Вызвали “скорую помощь”. Было около 21 часа, дежурный назвался Алиевым и обещал, что “скорая” скоро приедет. Но она так и не приехала.

Отец рассказал, что он ехал с базара домой. Не успел трамвай отъехать от

остановки, как к нему подошли азербайджанцы и узнав, что он армянин, взяли его за шиворот и выбросили из трамвая. На улице его начали избивать. Их было человек 40-50, били до потери сознания. Отец ничего не мог сделать, так как три месяца назад ладонь его попала под станок и пальцы правой руки были повреждены. К тому же ему 60 лет. 29 февраля утром я сообщила маме и брату и они пришли к нам.

К 12 часам все телефоны были отключены. Вечером 29 февраля все армяне нашего дома собрались у моего соседа по лестничной площадке Габриеляна Сергея, приготовили бензин в бутылках. Шестеро мужчин поднялись на чердак для обороны, а женщины оставались в квартире. Всю ночь мы не спали, ждали нападения. Но на наш дом не напали. На следующий день, 1-го марта, мы отправились в ДК СК, который находится напротив горкома. С 1-го по 9-е марта мы оставались в СК. За это время приходили к нам представители предприятий, ЦК, другие должностные лица, просили о возвращении домой и на работу, гарантируя безопасность.

9-го марта, когда все уже было спокойно, мы вернулись домой. У нас во дворе стояли два автобуса с солдатами, которые всю ночь охраняли дом. 10-го марта мы поехали в кассу и хотели взять билеты на самолет, но нам сказали, что до 27-го все билеты проданы. Добираясь до остановки автобуса, мы остановили частную машину. По дороге моя свекровь начала говорить на армянском и водитель-азербайджанец тут же остановил машину, сказав, что у него, мол, кончился бензин, хотя муж заметил по счетчику, что бензина было много. Мы вышли из машины и кое-как на другой попутке, за большие деньги добрались до Баку. На следующий день мы уже были в Ереване.

20 марта 1988 г.

пос. Агверан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: *genproc.am*

САРКИСЯН ЮРИЙ АРТАШЕВИЧ

Родился в 1939г. Работал столяром

27 февраля 1988г. в 15 часов я вышел из автобуса на автовокзале и увидел, как в направлении к рынку идут какие-то демонстранты с флагом в руках и на азербайджанском скандируют: “Смерть армянам!”. Шли они от автовокзала к базару и обратно. Ко мне подошел знакомый азербайджанец, имени не помню, и сказал, чтобы я шел домой и не выходил на улицу. Но я не ушел, пытался выяснить, что же происходит. Минут десять я наблюдал за разнузданной толпой, подавляющую часть которой составляла молодежь 15-30 лет, но были люди и более старшего возраста.

Эта толпа двинулась к продуктовому магазину “Спутник”, сломала витрину, зашла в магазин и учинила там погром. Разбросали продукты и кое-что забрали с собой. Тут я решил, что лучше уйти и пришел домой. До 23 часов слышались крики и шум. 28 февраля в половине девятого утра я вместе с двоюродной сестрой уехал в Баку и вернулся в 11 вечера. Около автовокзала увидел солдат и подумал, что с бесчинствами покончено. Но на следующий день, примерно в 15 часов я со второго этажа своей квартиры увидел в окно, как между солдатами и толпой варваров происходит настоящее сражение: бесчинствующая масса бросала в солдат булыжники, а солдаты, прикрываясь щитами, отгоняли их дубинками.

Я не мог поверить, что такое происходит в нашей стране. Я наблюдал это до шести часов, не знаю, были ли при этом жертвы и пострадавшие. Вечером, когда мы готовились ужинать, пришел сосед-азербайджанец Ахмед и сказал, что нам надо уходить из дома, так как в 3 микрорайоне нападают на квартиры, где живут армяне, убивают их, жгут имущество. Ахмед предложил пойти к нему.

Я и сын пошли к Ахмеду, а жена и дочь - к соседке-азербайджанке Аждар, потом и сын ушел туда, захотел быть с матерью. Из нашей семьи у Ахмеда остался я один. Спустя час я увидел в окно, как во двор вошла группа в 50-60 человек и какой-то мужчина по-азербайджански сказал: “Посмотрите, у кого свет не горит - это квартира армян”. Однако квартиры в нашем доме почему-то трогать

не стали, толпа прошла к дому 13, около которого стояло 5-6 машин. Камнями сломали заднее стекло одной из них, на минуту отошли от нее, ожидая реакции хозяина, потом разбили переднее стекло. Поскольку хозяин никак не реагировал, озверевшая толпа с гиканьем подняла машину и вынесла ее на улицу Мира, за 14-й дом. Там автомобиль перевернули, облили бензином из бака и подожгли.

Эта машина принадлежала армянину Сурену, фамилии не знаю, марка 2103 или 2106. После этого примерно час было тихо, потом с улицы и со двора послышался шум разбиваемых стекол. Я и Ахмед посмотрели в окно и увидели, что 10 варваров громят веранду на 2-м этаже дома 16. При этом они кричали, мол, “нам Рая и Сусанна нужны”. Рая - женщина армянка, которая работала в магазине “Спутник”, Сусанна – ее дочь, фамилий не знаю. Всю их мебель, постель выбросили во двор. Я своими глазами видел, как из квартиры уносили ковры и чемоданы, а какая-то старушка во дворе собрала в мешок вещи из валявшихся во дворе и унесла. Толпа подбадривала ее возгласами: “Неси на здоровье”.

На следующий день, 29 февраля я находился в квартире Аждар и в пределах 11.30 услышал шум. Выглянув в окно, увидел, что между солдатами и бандитами идет настоящий бой. Солдаты пытались разогнать толпу, а бандиты бросали в них булыжники. Военные явно не справлялись с разъяренной толпой. Подъехал бронетранспортер, въехал во двор и принялся разгонять толпу. В это время четверо поднялись к Аждар и толкнули дверь. Я увидел 4 людей с красными глазами и ножами в руках. Аждар и ее сыну удалось вытолкать их обратно в подъезд, говоря: “Здесь нет армян, уходите!”. Спустя примерно час солдаты все-таки разогнали толпу и стало тихо.

Отмечу также, что в те дни наш телефон не работал по неизвестной мне причине, а у Ахмеда и Аждар телефонов в квартире нет, поэтому я не смог позвонить в милицию, органы власти и сообщить о происходящем. Во время демонстраций, бесчинств, погромов и при разгоне толпы ни одного милиционера я не видел.

20 марта 1988 г.

пос. Агверан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: genproc.am

ОГАНЯН ВАЛЕРИЙ ШАГЕНОВИЧ

Родился в 1949 г.

С 26-27 февраля соседи-азербайджанцы говорили и предупреждали меня о том, что в районе колхозного рынка нападают на армян. Я сначала не придавал этому серьезного значения, считая нереальным, что в условиях Советской власти могут допустить массовые погромы, и думал, что это, возможно, вылазки отдельных хулиганов.

29-го утром я услышал по сумгаитскому радио, что обстановка в городе нормализуется и если будут какие-то вылазки со стороны бандитов и хулиганов, то просят позвонить по указанным телефонам. Передавали обращение тов. Багирова к армянскому и азербайджанскому населению, в котором он призывал к благоразумию. Услышав все это, я побоялся выйти на работу.

Вечером в районе 17 часов я услышал крики со стороны улицы и из окна увидел, что в квартале собралось большое количество людей. Их было около 40-50 человек, они находились на расстоянии 100-150 метров от нашего дома. Собравшиеся кричали в микрофон, мол, “армяне, выходите, если армян кто-нибудь будет прятать, то их тоже убьем”. Они зашли в дом, перпендикулярный нашему, в котором на третьем этаже жили армяне, и начали из окон выбрасывать их имущество.

Минут через 10-15 я снизу, из квартиры соседей, услышал, как ломают дверь в мою квартиру. Погром длился минут 40. Ночью, около полуночи я выглянул из окна соседа, увидел, что на улице остановилась автомашина “Жигули” белого цвета. Вышедшие из нее люди начали фотографировать трупы трех убитых армян из соседнего дома - мужчин и женщины. Фотографирующих было четверо, по моему, они были из органов. Закончив свое дело, они оставили трупы и ушли.

На следующий день я вошел в свою квартиру вместе с солдатами. Зрелище было ужаснейшее: весь дом был перевернут, мебель, посуда полностью были разбиты, в том числе и сантехника в ванной. Стекла побиты, часть вещей выброшена на улицу, сожжена, часть похищена.

В доме, перпендикулярном нашему, убили семью из пяти человек, их фамилия Мелкумян: Сергея, около 50 лет, его жену, сына 25 лет - Игоря, второго сына, вернувшегося недавно из Афганистана, дочку незамужнюю лет около 25. Женщин изнасиловали на глазах родных и всех убили. По-моему, сожженный труп жены Сергея лежал около подстанции. О гибели семьи Мелкумян¹ рассказали наши соседи-азербайджанцы.

19 марта 1988 г.

пос. Агверан Разданского района Армянской ССР

Источник: *genproc.am*

1. См. рассказы Ирины и Карины Мелкумян в сборнике "Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев", т. 1.

ГАБРИЕЛЯН МАРИТА РАЗМИКОВНА

Родилась в 1958 г. Работала старшим экономистом

В июне 1985 года я получила квартиру в 5-м микрорайоне Сумгаита и мы с мужем и двумя маленькими детьми переехали туда. События в городе начались 27 февраля, а 28-го в половине пятого дня мы увидели из окна своей квартиры на 5 этаже, как вдруг начала пылать сапожная будка, где работал армянин.

Она горела минут 10. А прямо напротив, через дорогу, за деревьями стоял милиционер и все время озирался по сторонам, как будто не хотел, чтобы его заметили. К горевшей будке он так и не подошел, а минут через 10 просто убежал с места, где прятался. Сразу после поджога в 3-х домах, находящихся рядом с сапожной будкой, начали нападать на армянские квартиры.

С самого начала мы были в курсе происходящих в городе событий, потому что мамина сестра жила в районе, где творилось больше всего безобразий и насилия. Я попросила соседку-азербайджанку спрятать хотя бы моих детей, но она, испугавшись, отказалась. Нам просто повезло, потому что 29 февраля возле нашего дома появились танки и солдаты.

1 марта где-то в 12 часов дня я с балкона увидела, как к дому N 19 подъехал танк и подошли солдаты. Я подумала, что там напали на армян, но потом выяснилось, что муж убил жену. Муж азербайджанец, он раньше сидел в тюрьме, а жена армянка. Муж отдал внука соседям, объяснив, что, дескать, к жене пришли родственники, надо с ними поговорить, а после он заберет внука. Потом запер дверь и 15-17 ножевыми ударами зарезал свою жену, просто воспользовался моментом и убил ее, так как она армянка. Их имен я не знаю.

Уходить из дома мы не собирались. Готовились к усиленной обороне. Но в половине шестого вечера, когда мы стояли на балконе, пришла наш управдом и стала на весь двор кричать, мол, почему мы сидим дома, сейчас "они" придут сюда, чтобы мы быстро уходили все из домов. Она еще сказала: "Хотите, чтобы на ваших глазах убивали ваших детей?". Она всех нас так напугала, что мы минут через 10 выбежали на улицу.

Как раз в это время проезжала военная машина, собиравшая все армянские семьи в укрытия. Нас всех посадили в эту машину и повезли в клуб СК напротив горкома. Там мы находились 4 дня до 5-го марта. Дети заболели, поэтому я с детьми уехала в Баку к родственникам. Нас отвозили солдаты.

Хочу еще отметить, что 2 марта, прямо перед помещением, где находились армяне, солдаты поймали двоих молодых парней с бутылками керосина. Они прорывались внутрь, чтобы устроить поджог.

24 марта 1988 г.

пос. Агверан Разданского района Армянской ССР

Источник: *genproc.am*

ДАНИЕЛЯН САНДУХТ СУРЕНОВНА

Год рождения -1959 г.

Я родилась и жила в Сумгаите. В 1979 году вышла замуж за Владимира Даниеляна, у нас трое детей. Жили мы в центре Сумгаита в двухкомнатной квартире на 4-м этаже. У меня маленькие дети, поэтому я временно не работаю.

26-го февраля в 10 часов вечера ко мне пришла соседка-азербайджанка. Она родом из Кафана, живет с братом. Попросила, чтобы я поехала с ней в травматологическую больницу. Я поехала. На обратном пути она рассказала мне, что накануне вечером ее брат сковородкой ударил ее по руке и сломал палец. Она сильно плакала и говорила, что он ее ударил из-за того, что требовал отдать ему ключи от их квартиры.

Брат ей сказал, что ночью к ним придут его знакомые ребята. Соседка этого очень боялась. Когда мы с ней дошли до нашего дома, то увидели, что во дворе кучками стоят ребята и взрослые мужчины. Я даже спросила соседку, откуда в нашем дворе столько людей.

Рано утром я и моя дочь Марина спустились во двор и увидели, что наша машина стоит без переднего лобового стекла. На капоте машины обнаружили капли крови, а рядом на земле лежала тряпка, тоже окровавленная. Видимо, при снятии стекла воры порезались. Вызвали следователя, который, как и мы, заподозрил брата моей соседки. Его зовут Акиф. Но соседка не выходила из дому, они вообще сделали вид, будто не знают о случившемся. Уже вечером, часов в 8, брат ее поднялся к нам домой. Открыв дверь, я поняла, что он накуренный. Начал грубо разговаривать со мной, намекал, что стекло машины сломали приехавшие из Кафана бандиты.

Потом Акиф сказал, чтобы я вышла на балкон и посмотрела, что творится в Сумгаите. Муж и мой брат вышли из дому где-то час назад. Я вышла на балкон и увидела толпу. Они кричали что-то типа “чтобы армяне сдохли, армянам здесь не жить”. Впереди я заметила взрослых мужчин лет 40, за ними шли молодые ребята в возрасте примерно 25-27 лет, в руках у них были плакаты с надписями того же

содержания. У меня в ушах до сих пор стоит этот шум...

Всю ночь мы не спали. В 3 часа ночи они ворвались в наш дом, но не смогли ничего сделать, так как их прогнали соседи. А в воскресенье с утра опять начались демонстрации. Все погромщики были одеты в основном в черные плащи. Они как муравьи все шли, шли, и конца им не было видно. Я на балконе слышала, как громили магазины. Они шли группами, ломали армянские машины и убивали армян. В воскресенье за нами приехал родственник и забрал нас во 2-й микрорайон. Там мы пробыли 4 дня, а потом 2 марта нас на автобусе увезли в СК.

В клубе к тому времени было уже много армян, просто некуда было ставить ногу. От испуга у моей старшей дочери изо рта пошла кровь, поднялась высокая температура. А у врачей, которые хотели нам помочь, не было никаких лекарств. Сказали, чтобы мы потерпели. На следующий день нам предоставили автобус и отвезли в Насосную – в казарму. Я очень благодарна молодому военному врачу, который сразу бросился спасать моих детей. Все трое болели, у них была высокая температура.

Здесь, в казарме, я встретила сестру моего мужа, которая постоянно плакала. Она замужем за Аликом Сафаряном. У Алика есть сестра Ира. Алик в этот день был на работе. Пришли к ним эти бандиты, изверги, и при матери издевались над сестрой. Раздели Иру догола и взрослые мужчины пальцами лазили ей по очереди. У нее сильное кровотечение началось. После этого ее голую таскали по полу, потом вывели на улицу и таскали по всему 34-му кварталу, по городу. Маму их сильно побили, вдоволь поиздевались над ней. Ира и ее мама лежат сейчас в больнице, а квартиру их превратили в пепел. Ничего там не осталось...

Золовка еще рассказывала, что сделали с ее мужем и его двоюродными братьями. 3 часа Алик с братьями боролись с этими извергами. Погромщики сильно били их по ногам, чтобы ребята не могли ходить. В этой казарме мы увидели и тетю Валю, всю побитую. У нее на глазах, при детях, убили топором мужа - дядю Шуру¹. 4 дня мы пробыли в казарме и только на 5-й день привезли

1. Речь идет о Валене Гамбарян и ее муже Александре Гамбаряне. См. рассказы Валены и ее сыновей Романа и Александра в сборнике "Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев", т. 1.

тело ее мужа и похоронили в Насосной. Мы успокаивали тетю Валю как могли, переживали вместе с ней. Был с нами и двоюродный брат моего мужа – Даниелян Славик. Они живут в 10-м микрорайоне. Их квартиру тоже превратили в пепел, врывались к ним два раза и спрашивали, где Славик, мы должны его убить. В это время Славик со своей семьей прятался у соседей и слышал, как их искали бандиты

После всего того, что мы увидели в СК и в Насосной, после всего услышанного, мы никогда не сможем вернуться туда, где родились. Моему сыну трех лет еще нет, но он говорит, что у нас во дворе плохие люди, они все бандиты, как мы можем вернуться туда?

24 марта 1988 г.

с. Арзакан Разданского р-на, Армянская ССР

Источник: genproc.am

СЕВЯН ГРИГОРИЙ САРКИСОВИЧ

Родился в 1938г. Работал слесарем-сантехником.

В субботу вечером 27 февраля 1988 года я находился у товарища – Арамаиса Мусаеляна, проживающего во 2-м микрорайоне. Мы ремонтировали испорченный телевизор. Примерно в 21:30 услышали крики и свист со стороны магазина “Спутник” на улице Дружбы. Подойдя к окну, мы увидели огромную толпу. Шли они большими группами. Средний возраст участников демонстрации был от 16 до 35 лет и старше, примерно 500 с лишним человек. Среди них были даже молодые девочки. Они шли и выкрикивали: “Карабах, Карабах”.

Мы были ошеломлены, не знали, почему они так кричат. Шли они в сторону 45-го квартала. Спустя некоторое время толпа вернулась обратно в сопровождении милицейской машины марки ГАЗ-21 с рупором на крыше, на ней было написано “Безопасность движения”. В рупор по-азербайджански говорили: “Вы идите дальше, а мы вас будем сопровождать”. Они шли уже в сторону магазина “Спутник” в сопровождении этой машины.

В 23:15 я ушел домой. Примерно в середине ночи услышал душераздирающий крик, какая-то женщина со стороны 3-го микрорайона звала на помощь. Она просила: “Помогите, ради бога, убивают нас”. Всю ночь мы с женой не спали. Утром жена в магазине узнала о том, что в 3-м микрорайоне убили женщину и малолетних детей. Часов в 10, к нашему удивлению, все повторилось - толпы вновь прошли по улицам. На этот раз они несли плакаты, мы даже прочли надписи на них: “Карабах”, “Армянам не место в Сумгаите”. Примерно в 11:15 28-го февраля к месту происшествия подъехали две пожарные машины. С машины по толпе была выпущена пена. Демонстранты набросились на эти машины, начали бросать в них камни, булыжники. Недалеко стояла группа милиционеров, но они бездействовали.

Весь день мы провели в волнениях. Наступила ночь. В 23:30, когда мы с женой и двумя детьми сидели дома, раздался звонок. Жена пошла открывать дверь. На пороге стояли семеро молодых ребят, они спросили, где здесь живут армяне.

Жена моя русская, поэтому бандиты подумали, что здесь живет русская семья и к нам не зашли. Я в это время был в комнате. Она ответила, что здесь нет армян. Один из них сказал, что она врет.

Рядом с нами живут Балаяны с сыновьями. Сломал дверь, они зашли к ним. В квартире находилась невестка Балаянов - Ирина с 10-летним сыном. Наш дом панельный и слышимость прекрасная. Через стенку мы слышали, как они ломают мебель, как кричит ребенок. От Ирины требовали документы об армянском происхождении, а она сказала, что по национальности азербайджанка. Мы удивились, что они все же разграбили квартиру. Правда, ее и ребенка не тронули. Потом Ирина уехала в Баку к родителям.

Весь следующий день мы не знали, как быть. Вечером я попросил соседа, азербайджанца по национальности, спрятать на ночь жену и детей. К сожалению, он не смог нам помочь. Сказал, что они заходят и к азербайджанцам, и с теми, кто прячет армян, тоже расправляются. Мы ночевали у русских соседей. Утром нам сказали, что в городе есть безопасное место, где армянам помогают укрыться. С помощью русских соседей нам удалось вызвать спецмашину и нас отвезли в клуб "СК".

Было ужасно видеть в клубе множество женщин, стариков, старух, детей... Я стал искать друзей, соседей. Встретил знакомых, Аваковых, они живут в 45-м квартале, около промтоварного магазина, на 4-м этаже. Отец Сократ рассказал, что их дома не было, только сын Саша с женой Лолитой были. Сын защищал Лолу, ему поломали ноги и он находился в больнице г. Баку. От них я узнал о страшной смерти невестки¹.

Люди рассказывали об ужасах, творившихся в городе. О том, как первый секретарь горкома партии Муслимзаде с флагом Азербайджана в руках сам лично

1. 29 февраля после нападения на квартиру 27-летнюю Лолу Авакян вывели из дома, раздели, заставили танцевать, кололи ножами, резали грудь, тушили на теле сигареты, изнасиловали. Согласно свидетельствам, отец – Павел Манвелян нашел тело дочери в морге в Мардакянах. Оно было настолько изуродовано, что женщину удалось опознать только по особой примете на мизинце руки. Лола Авакян была на шестом месяце беременности. Дополнительные материалы и фото см. на www.karabakhrecords.info.

сопровождает разбушевавшуюся толпу. Рассказывали, что начальник городской милиции издал приказ начальникам ЖЭКов составить списки проживающих армян в каждом районе. Некоторые звонили в горком партии и спрашивали, почему адреса именно армян, ведь город многонациональный. Ответ был однозначный: “Вам приказали, значит выполняйте”. Например, в одном из ЖЭКов паспортисткой работала армянка. Ей показалось странным, что требуют только адреса армян, и она позвонила в горком, сказала, что им дали такое задание. А оттуда ответили: “Делайте то, что вам приказали, и не расспрашивайте”.

Эта женщина сама рассказала обо всем этом в клубе. Имени и адреса я не знаю, но ей лет 27-30, замужняя, среднего роста, волосы средней длины, до плеч, немножко волнистые, темного цвета. Фактически получалась, что до этих событий заранее готовились и составлялись специальные списки адресов армян, чтобы легче было найти и расправиться с ними. Увидев и услышав все это, я понял, что оставаться опасно. Из Сумгаита мы выехали прямо в Ереван.

Хочу добавить, что 20 марта, до нашего отъезда, из разговора с соседом-азербайджанцем я узнал много интересного. Оказывается, еще до событий азербайджанцев предупреждали ночью свет в квартире не гасить, чтобы было ясно, где живут армяне. Но он не сказал о том, кто именно их предупреждал. Я пристыдил его, мол, зачем не сказал об этом нам. А он ответил, что боялся за судьбу своей семьи. Еще он сказал мне, что разгромили 151 армянскую квартиру - именно столько квартир они отремонтировали. Он работает в РСУ. А по телевидению, по радио и в газетах говорят о 47 квартирах. Мой сосед сам удивлялся тому, что разграблена 151 квартира, а сообщают почему-то о 47.

27 марта 1988 г.

пос. Агверан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: *genproc.am*

АРУТЮНЯН ГУМАШ НИКОЛАЕВНА

Родилась в 1929г.

Наша семья переехала в Сумгаит в 1954 году. Сперва жили в бараках, а в 1970г. получили трехкомнатную квартиру в центре города. С нами вместе проживал младший сын Николай с женой и с ребенком. Старший сын со своей семьей жил отдельно. В нашем доме проживают 3 армянские семьи, много азербайджанцев и русских. Со всеми соседями у нас были хорошие, доброжелательные отношения.

В субботу 27 февраля у меня был день рождения. Все мои дети с семьями были у нас дома, пришли также родственники и друзья. К 17 часам позвонила Роза - сестра моей подруги, и сказала, чтобы все гости разошлись, так как на улицах что-то странное творится, на площади около горкома партии собралось несколько тысяч бесчинствующих людей, которые скандируют: “Смерть армянам, да здравствует Азербайджан”.

Гости ушли. Через некоторое время со стороны горкома по нашей улице прошла толпа - около 2-3 тысяч человек - и повернула в сторону госбанка. Они скандировали: “Смерть армянам, да здравствует Азербайджан”. Но этой ночью мы спали спокойно. На следующий день с 10 часов утра по нашей улице без конца проходили толпы людей с плакатами, содержание, которых я не рассмотрела.

Все они размахивали руками и выкрикивали то же самое, что и накануне. Около полудня в 300 метрах от нашего дома перевернули автомашину зеленого цвета, которая сразу воспламенилась. Огромная масса побежала в другую сторону и перевернула другую машину, грязно-белого цвета, которая тоже моментально сгорела.

Через 2-3 минуты со стороны горкома подъехал красный автомобиль “Жигули”, который толпа остановила перед нашим домом. Послышалась команда “разойдитесь, дайте ему проехать, а то могут и его машину разбить, а самого убить”. Мы поняли, что водитель был свой, азербайджанец. Машина повернула назад и уехала без повреждений. Вдали от нас, по разные стороны мы замечали огонь и дым, но что именно горело - не могли разобрать.

К вечеру по нашей улице проехал один танк, за которым шли 20-25 солдат с пластмассовыми щитами. Из толпы солдат забрасывали камнями и в конце концов военные вместе с танком ушли. В это же время появилась пожарная машина, которая начала поливать толпу водой, но это не помогло и пожарные тоже уехали. Я обратила внимание, что люди в милицейской форме ходили по нашей улице, не реагируя на бесчинства погромщиков, а те, в свою очередь, не обращали внимания на милиционеров. Вечером мы решили не зажигать свет в нашей квартире, надеясь избежать нападения. Начало темнеть, когда позвонила жена старшего сына, они живут в доме напротив, и сообщила, что в соседнем доме из квартиры Хондкаряна через балкон бросают на улицу вещи¹.

Мы вышли на балкон, откуда виден дом Хондкарянов. Увидели во дворе горевшую мебель, постельные принадлежности, книги, одежду. Я заметила, что сверху бросили два ковра, завернутых в ткань белого цвета, которые какой-то человек один за другим забрал и унес в соседний бетонный дом. Внизу возле костра прохаживались 4-5 милиционеров, а человек 30 скандировали: “Смерть армянам, ура”. Из окон люди наблюдали за этим варварством, никак не реагируя. Возле костра радостно бегали дети. В квартире Хондкаряна спокойно орудовали 10-12 человек, которые бросали с 3-го этажа домашние вещи. Им было примерно лет 20-22. Спустившись вниз, эти же люди по чьей-то подсказке пошли в сторону другой квартиры в соседнем подъезде. Боясь, что к нам тоже придут, мы вышли из квартиры.

Когда во дворе все утихло, сын пошел узнать обстановку. Он вернулся почти через час и сказал, что в квартире никого нет. Войдя через окно в свою квартиру, мы увидели, что все двери и окна побиты, осталась целой только дверь ванной. Шкафы, кровать, серванты – вся мебель была разбита. Цветной телевизор с подставкой и ковры видимо унесли вместе с креслами венгерского гарнитура. Диван был разрублен топором. Час-полтора мы просидели в ванной. За это время кто-то зашел в квартиру и ушел минут через 15-20, а мы от испуга не знали куда деться. Потом во дворе все стихло, и мы начали искать одежду, но нашли только

1. См. рассказ Датико Хондкаряна в сборнике “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев”, т. 1.

мой жилет. Фактически мы остались голыми. Сын был в спортивном костюме, муж – в сорочке и ночной пижаме, я – в ночной рубашке и кофте. На улице по-прежнему кричали, скандировали. Выйдя из дома, мы пошли в сторону 16-го квартала, затем – к заводу БТЗ, избегая больших улиц и дорог. Так, пешком, мы дошли до села, где жила дочь. Она спрятала нас в сарае, где мы провели двое суток. Вышли 2 марта и зашли в квартиру дочери по одному, чтобы нас не заметили.

На пятые сутки, узнав, что армян собирают в нескольких местах и охраняют, мы решили поехать в Сумгаит. В санатории “Химик” нашли обоих сыновей с женами. Оставались в санатории до 14 марта, после чего на самолете прилетели в Ереван.

Примерно 9-10 марта в санаторий прибыла комиссия, которая вместе с нами поехала осматривать наши дома. Двери были установлены, окна застеклены. Все разбитое имущество было собрано в углах. Комиссия составила акт, который я подписала. На их машине нас привезли обратно в санаторий. Нам предложили квартиру в другом квартале города, но мы отказались.

У меня сложилось впечатление, что толпа была организована и управляема. Они знали, где живут армяне, более того, чья-то рука направляла их на погромы. Почему-то именно в дни бесчинств в подъездах появились таблички с фамилиями жителей, видимо, чтобы легче было найти армян. Большинство погромщиков составляли мужчины 30-35 лет. Среди них были и подростки, которые не отставали от старших в активности.

В санаторий я встретила мать жены старшего сына, которую зовут Григорян Лусине, живет в Объединенном квартале Сумгаита. Она рассказала, что 29 февраля в понедельник ночью к ним домой пришел мой сын с семьей. Они позвонили этой же ночью в горвоенкомат, откуда им предоставили автобус, отвезли до станции. Лусине также сказала, что моя внучка - Кристина Арутюнян стала свидетелем убийства молодой девушки из их дома. Внучка не указала личность убитой и кто ее убивал. Подробности убийства она тоже не рассказала, но именно по ее требованию сын, забрав обеих дочерей, с женой перебрался к своей теще. Внучка была сильно испугана.

В том же санатории женщина по имени Женя рассказала, как 28 или 29 февраля

к ним ворвались 10 человек, повязали мужа в столовой и стали избивать его. Затем ему на рот положили утюг, бросили на него всю мебель, угрожали убить. Группа разделилась на три части. Первая расправлялась с мужем, вторая связала руки и жестоко избивала саму Женю. А третья часть занималась дочерьми Жени. Они раздели их догола, избили и по очереди изнасиловали обеих на глазах матери. Потом их голыми выбросили в подъезд и ушли, оставив Женю и Гришу со связанными руками.

Женщина по имени Лена, проживающая в 3-м квартале города, рассказывала, что к ним ворвалась группа бандитов. Муж оказал им сопротивление и его убили во дворе дома. В руках преступников были ножи, рукоятки, железные прутья. Сын смог убежать. Когда начали издеваться над самой Леной, раздев ее догола, пришла соседка- азербайджанка. Она не дала погромщикам резать ее груди и увела ее к себе домой. А спустя день Лена нашла сына, убитого и сожженного возле школы.

Моя семья до сих пор не может прийти в себя. Состояние здоровья ухудшилось, все внутри трясет, началась бессонница, мучает неопределенность нашего положения. Согласны жить даже на улице, но в Сумгаит не вернемся. Сейчас даже в родную деревню Чардахлу Шамхорского района не поедem из-за страха.

17 марта 1988 г.

с. Арзакан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: *genproc.am*

АКОПЯН НИЗАМИ СУРЕНОВИЧ

Родился в 1953 г. Работал слесарем-монтажником

27 февраля 1988 года около половины седьмого вечера моя сестра позвонила нашей соседке и попросила передать, чтобы я срочно поехал к ним. Сестра живет во 2-м квартале. Приехав, я увидел, что с автомашины ее мужа снято переднее лобовое стекло. Мы вызвали милицию, они осмотрели машину, допросили свидетелей и уехали. Мы с зятем Володей и его двоюродным братом Славиком нашли старое стекло и вставили. Вечером я вернулся домой.

Вскоре со двора послышались свист и крики: “Карабах не отдадим”, “Режьте армян, бейте армян”. Кричали на азербайджанском языке, которым я хорошо владею. Вышел на балкон и увидел, что примерно 200-300 человек идут по ул. Дружбы в сторону ул. Ленина. В основном это были ребята до 18 лет. Работников милиции не было видно. Через 15-20 минут эти ребята вернулись к автовокзалу и начали камнями, дубинками и арматурой ломать стекла парикмахерской и ресторана “Джейран”. При этом кричали: “Здесь армянин, бейте, убивайте его”.

Я знал, что в этой парикмахерской работало несколько армян. Всю эту сцену видели работники милиции, но никаких действий по пресечению бесчинств не предпринимали. Все спокойно наблюдали за происходящим. При мне в этот день больше ничего не громили и никого не убивали, хотя шум и свист были слышны до часа ночи. В этот день к нам пришла соседка-азербайджанка и сказала, что избивают и убивают только армян, и посоветовала не выходить из квартиры.

На следующий день к нам приходили и другие соседи и говорили, чтоб не выходили на улицу, а то могут узнать, что мы армяне, и убить. Один из них даже хотел вывезти нас из Сумгаита, но ему это не удалось, потому что все машины останавливали и выясняли, нет ли армян.

Около 10 часов утра к нашему дому подошел автобус с 25 милиционерами, они не были вооружены. К ним сразу подбежали примерно 300 человек и начали кидать камни. Разбили стекла, покорежили автобус, угрожали милиционерам, говоря, что если они вмешаются, то и их убьют. Милиционеры разбежались в

разные стороны. В этот раз среди бесчинствующих были лица лет 25-30. В руках у них были камни, ножи, арматура, трубы, палки.

Перед нашим домом есть парк, там на скамейке сидело четверо мужчин постарше - 30-35 лет. Погромщики подбегали к ним, о чем-то переговаривались и убегали. Создавалось впечатление, что они получали какие-то указания. Этих четверых я раньше не видел.

Толпа начала громить машины, автобусы. Мне все это было хорошо видно с балкона, так как происходило буквально под нашими окнами. При мне побили стекла нескольких автобусов, 2-3 легковых автомобилей. Я заметил, что они не останавливали машины, водители которых стояли и махали руками. Позднее я узнал от соседей, что это был условный знак. В этот день я видел, как мимо дома проезжал трактор "Беларусь" с прицепом, нагруженным строительными камнями. Через некоторое время трактор возвращался, но уже пустой. Это повторилось несколько раз.

Отмечу, что толпа на месте не стояла. Они расходились в другие кварталы, потом возвращалась, и все это продолжалось до поздней ночи. При мне эта толпа бесчинствующих лиц в возрасте от 18-30 лет ворвалась в 36-й квартал и кричала: "Где здесь живут армяне?".

Потом я увидел, что со второго и третьего этажей начали выкидывать домашнюю утварь. Эти вещи внизу поджигали и кричали: "Бейте, режьте армян". Через 20 минут пришла милиция, вооруженная дубинками, с ними были служебные собаки, и разогнала толпу. После этого в наш квартал до утра никто не приходил.

Около 4-х часов утра 29 февраля за нашим домом остановились автомашины и автобусы с военнослужащими и милиционерами. Часа через 3-4 я увидел БТР и БМП. А к 9 перед нашим домом вновь начали собираться люди. Солдаты рассеялись по дворам и парку, они были вооружены дубинками и пластмассовыми щитами. Кроме этого, за нашим домом по улице 26 комисаров стояло около 500 солдат, вооруженных автоматами. Ими командовал подполковник в милицейской форме. Против них стояла огромная толпа людей в возрасте 18-35 лет, вооруженных палками, арматурами длиной примерно 60-70см, камнями, бутылками, как

позднее узнал, с бензином. Они кричали солдатам, чтобы те не двигались с места, в противном случае грозились избить и поджечь бензином. Потом схватили подполковника и потребовали, чтобы он дал команду солдатам стоять на месте.

В это время военнослужащие в парке и во дворе защищались от бесчинствующей толпы. В них кидали камни, били арматурой. Удивительно, откуда взялось столько камней, когда их практически нет в городе. При мне толпа, около 200-300 человек, напала на группу солдат, примерно 20-30, которые были вооружены автоматами и саперными лопатками. Их стали избивать арматурами, дубинками и при этом кричали: “Зачем вы сюда приехали?”. На помощь подоспела группа военнослужащих, вооруженных щитами и дубинками, и разогнала толпу. Я увидел, что два солдата, окровавленные, лежат во дворе за парикмахерской. Их положили на носилки и унесли. Я также заметил, что со стороны парка на камнях нашли двух солдат. Один из них был без сапог.

Потом толпа, окружившая солдат под командованием подполковника, якобы опознала среди них армянина, и они начал кричать: “Вот армянин, бейте его”. Солдат кричал, что он не армянин, однако его никто не слушал. Товарищи просили не трогать парня, но погромщики все равно добрались до него и начали избивать. Один даже залез на дерево и бил сверху арматурой. Видимо, досталось и солдатам, которые его защищали. Слышно было, как кто-то кричал из толпы: “Дайте бензин, мы его подожжем”.

Вскоре подъехал бронетранспортер. Из него вышел майор, начал что-то говорить подполковнику. Несколько парней из толпы стащили его с БТР и начали бить руками, крича, что это “не их дело”, чтоб они “убрались”. Майор быстро залез в БТР и уехал. До семи вечера солдаты разгоняли толпы бесчинствующих лиц, но безрезультатно. Они разбегались, но потом снова собирались, кидали в солдат камни.

В семь часов вечера к нам заехали трое знакомых азербайджанцев из Баку и увезли нашу семью к матери тещи, которая проживает в Баку. Добавлю, что около 5 часов к нашему подъезду подошли несколько парней 20-23 лет и спросили у соседки, которая живет под нами: “В этом доме армян нет?”. Они ответила

отрицательно и они обругали ее нецензурной бранью. Но она вновь подтвердила, что в доме армяне не живут. Это и спасло нашу семью. Испугавшись, я попросил соседа по балкону, русского, чтобы он спрятал нас. Жена, мать и дети перешли к нему через балкон. Мы очень сильно нервничали, так как знали, что если заметят, то могут ворваться и устроить погром в квартире и соседа, и нашей, могут убить нас всех.

19 марта 1988 г.

с. Арзакан Разданского района Армянской ССР

Источник: genproc.am

АГАДЖАНЫН ГУМАШ ПАПОЕВНА

Родилась в 1952 г. Работала на стекольном заводе

22 февраля мой муж, который работает в строительной организации таке-лажником, вместе с членами бригады вылетел на работу в Казахстан. Дома осталась я с тремя детьми, двумя школьниками - Таней и Леоном, и семилетней Мариной. К этому времени уже распространились слухи о том, что в Карабахе проходят демонстрации армян.

27 февраля я послала детей в школу, а сама занялась домашними делами. В этот день я отдыхала, а на следующий день должна была выйти на работу с утра. Вечером, часов в 8, с улицы слышались свист, крики и шум. Вышла на балкон, вижу - толпа, в основном молодежь, закидывают камнями проезжие машины, останавливают их и опрокидывают. Они также останавливали автобусы и спрашивали, нет ли в них армян. Слышна была ругань в адрес армян. Массовые беспорядки на нашей улице продолжались до 3-х часов ночи. Все стекла продуктового магазина "Спутник", что напротив дома, были разбиты.

В 6 часов утра 28 февраля я пошла на работу. На заводе было спокойно. Рабочая Гаидаф Каримова подошла ко мне и сказала, что сегодня азербайджанцы будут ходить по домам и резать армян. Сначала я не придавала значения ее словам, но потом стала беспокоиться о детях. Гаидаф посоветовала спрятать их у знакомых.

Я позвонила соседке и попросила, чтобы она взяла к себе детей. В 3 часа дня закончила работу и собралась домой, но моя сменщица Маркова Лидия рассказала, что на улицах творится кошмар: народ вышел на улицы и пере-ворачивает автобусы. Она предупредила, чтобы я не выходила на улицу, не то меня убьют. Но я не могла оставаться на работе и пешком, дворами добралась до нашего здания. Город буквально бурлил. Около дома я встретила соседку с первого этажа - Полю, и попросила ее спрятать моих детей у себя. Она согласилась. 2 дня дети находились у Поли.

К вечеру толпа пошла по домам. Стали громить, убивать армян и жечь их имущество. Мать сняла с двери табличку с фамилией, чтобы и к нам не ворвались. Я слышала, как они кричали, спрашивая, есть ли в здании армяне. Муж Поли Икбал,

работающий начальником тюрьмы, вышел им навстречу и разогнал, сказав, что в нашем подъезде нет армян. Они ушли. В этот момент какой-то мальчик подбежал к толпе и сказал по-азербайджански: “В нашем доме много армян, пойдёмте к нам”. Толпа направилась туда.

Минут через 25 я увидела в окно, что бежит девушка лет 20, полностью голая. Когда она приблизилась к нашему дому, я узнала ее. Это была Анжела из соседнего дома, армянка. Лицо у нее было в крови. Она бежала, а за ней толпа. Ее настигли у первого подъезда нашего дома и сшибли с ног. Она упала, погромщики хотели добить ее. Но тут вышел журналист по имени Октай, фамилию не знаю, и заступился за нее. Анжела воспользовалась этим, побежала на 5-й этаж и спряталась у дяди Гриши. Когда толпа разошлась, точнее, побежала к соседним домам, Анжела в накинутах на себя платье вышла оттуда. Члены семьи Гриши тоже по одному вышли, чтобы спрятаться у знакомых.

Из соседних домов слышались крики о помощи, но никто не помогал людям. Даже работники милиции не оказывали им помощь. Толпа врывалась в квартиры армян, грабила, уносила имущество. Я видела, как тащили ковры, другие вещи. Мне было страшно оставаться дома и я пошла к соседке Жанне Алибековой, лезгинке по национальности. Она живет на 3-м этаже. Когда стемнело, мы выключили свет и в окно наблюдали за тем, что творилось на улице. Где-то часов в 11-12 ночи увидели, как сожгли вещи армян, выброшенные толпой во двор. Затем в этот большой костер бросили какого-то мужчину – армянина. Тот кричал, звал на помощь, но его беспощадно сожгли. Следом в костер бросили его ребенка.

Толпа никак не расходилась. Они начали нападать на квартиры армян, живущих в соседнем доме. Погромщики вызвали пожарную машину, приставили лестницу к балкону, поднялись по ней на 2-й этаж и пытались ворваться в квартиру. Но там упорно сопротивлялись отец и двое сыновей. Долго они боролись. К 3-м часам ночи подошли курсанты. До их прихода толпа ворвалась в квартиру и убила отца. Но сыновья спаслись. Курсанты вывезли их на танках, остальные стали разгонять толпу.

29 февраля к вечеру толпа ворвалась в 41-й квартал. Я видела из окна сво-

ей квартиры, как громят и грабят дома, воруют вещи. Только к вечеру в город вошли войска. К тому времени погромщики убили одного солдата. Соседка рассказала, что танкист вынужден был смять людей гусеницами танка.

После прихода военных город как-то затих. Военные начали эвакуировать армян в клуб завода синтетического каучука. В ночь на 1 марта я забрала детей от Поли, потому что боялась уже не только за них, но и за Полю и ее семью. Я убедилась, что эта толпа способна на все. Утром соседка Климова Рая прибежала ко мне и сообщила, что армян эвакуируют на танках. Мать пошла к военным и попросила их забрать нас. Военные с автоматами пришли и забрали нас в клуб СК.

Там было очень много армян. Пригнали даже автобусы, чтобы люди могли переночевать в них. Каждый автобус охраняли два солдата. Даже туалеты были забиты людьми. В этих условиях нас держали до следующего вечера, а затем разместили в профилактории завода “Металлург”. Тут уже были созданы условия для оказания помощи нуждающимся. Сначала, правда, повара- азербайджанки отказались готовить обед, но их заставили это сделать. До 8 марта мы находились в профилактории, где было около 400 человек. За это время были попытки напасть на нас. Солдат было мало и они не могли защитить армян. Тогда мужчины добровольно решили дежурить по ночам вместе с солдатами.

8 марта я с детьми в сопровождении солдат поехала домой, на следующий день вернулся муж. 14 марта мы вылетели в Тбилиси, а затем на поезде приехали в Кировакан. В газете “Бакинский рабочий” за 11 марта было опубликовано сообщение о том, что в Сумгаите от рук уголовных элементов погиб якобы 31 человек. Это неправда. Там погибло около 400 человек, не говоря уже о раненых, которыми были переполнены больницы Сумгаита и Баку.

17 марта 1988г.

г. Кировакан, Армянская ССР.

Источник: genproc.am

ГАСПАРЯН МИША АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1946 г. Работал слесарем-монтажником в пос. Насосный (Сумгаит)

26 февраля сосед, который жил с нами на одной лестничной площадке, предупредил меня о том, что в городе азербайджанцы убивают армян. Я вначале не придавал этому значения, но он повторил то же самое 27 и 28 числа, советуя быть осторожным.

Утром 28-го, в воскресенье, я поехал на дачу, которая находится в 7 км от нашего дома в районе Кюрдариси. На обратном пути пришлось идти пешком, так как автобусы не ходили. Это было уже в 5-6 вечера. Вместе со мной было еще 2 азербайджанца, они также имеют дачи в этом районе.

По дороге в 12 микрорайоне мы услышали, как азербайджанцы ругаются в адрес армян, говоря, что их всех надо убить, истребить, изгнать из Сумгаита, чтобы здесь не жили и убирались в свою Армению. Дойдя до 8 микрорайона, я расстался с этими двумя и пошел дальше один. Было уже около 8 часов, когда я добрался домой. Примерно через полчаса мы услышали крики и шум с улицы, я выглянул в окно и увидел, что во дворе около 50-60 азербайджанцев разного возраста избивают армянина 45 лет из соседнего дома. Я знал его только в лицо.

Мы живем на 3-м этаже, и все это происходило метрах в 10-15 от нашего дома. Свет падал с фонарных столбов, и было видно, что этого человека зверски избивают, у некоторых в руках были железные арматурные прутья, которыми они били его, пинали ногами, а один даже потушил сигарету об его лицо, когда он от ударов упал на землю. Избивавших было очень много, они кричали, что всех армян надо убить, громко ругались в адрес армян. Этого человека зверски избивали минут 15-20. Потом около двух часов он лежал на земле и не шевелился. Мне показалось, что он умер. Затем соседи-азербайджанцы его забрали и унесли домой.

Я хотел выйти, но понимал, что это бессмысленно: меня одного они бы тоже убили. В нашем доме живут только 2 армянские семьи: наша, в 3 подъезде, и вторая в 7-м, Юры, ему 40 лет, у него несовершеннолетние дети.

29 февраля я решил не ходить на работу, боялся, что и меня могут избить или убить. В районе 19 часов услышал с улицы шум, крики, ругань в адрес армян и из окна увидел, что из квартиры армянина Юры выбрасывают на улицу их вещи: мебель, постель, одежду, посуду. Испугавшись, быстро закрыл окно и увидел, что толпа азербайджанцев идет к нашему подъезду. Я понял, что идут к нам. Через пару минут они начали ломать дверь в мою квартиру с ругательствами в адрес матери, жены, всех армян, требовали открыть. Дома у меня телефона нет. Я взял в руки топор, чтобы как-то сопротивляться и защитить жену и двух несовершеннолетних сыновей. Им удалось взломать дверь и ворваться в мою квартиру. Мы спрятались в ванной комнате и они подумали, что нас нет дома. Начали ломать мебель и все остальное, а минут через 20-30 ушли.

1-го марта солдаты увезли нас в горком партии. К этому времени военные на танках и бронетранспортерах уже патрулировали на улицах города, был введен комендантский час. Хочу особо отметить, что хотя войска появились где-то с 29-го февраля, но они постоянно приходили на помощь очень поздно или не по адресу. Например, если погромы начинались в 11-м микрорайоне, то солдат почему-то отправляли в 12-й. Создавалось впечатление, что кто-то сверху преднамеренно направлял солдат не по адресу, но самым фактом отправки хотел пустить пыль в глаза, якобы помогают армянам. Все эти погромы, убийства, насилие продолжались до 2-го марта, и только после этого военные полностью взяли город под контроль.

В тот же день, 1-го марта, в горком пришел депутат Верховного Совета АзССР Тагиев, азербайджанец, с которым я раньше работал во 2-м строительном тресте. У него на глазах были слезы. Я подошел к нему и спросил “А ты зачем плачешь?” Он ответил, что зверски убили Даниеляна Николая и его жену Седу¹, которые раньше вместе с нами работали в тресте кровельщиком и мотористкой. Он говорил, что не может смотреть нам в глаза, так как ему стыдно за соотечественников-азербайджанцев. Тагиев успокаивал нас, говоря, что все будет хорошо, что всех убийц, погромщиков поймают, а нам надо снова вернуться в свои дома. Но никто

1. См. рассказ Виталия Даниеляна в сборнике “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев”, т. 1.

не слушал его и не верил, никто не хотел возвращаться. Наоборот, в горком прибывали новые армянские семьи и рассказывали о новых случаях убийств, погромов, изнасилований и грабежей со стороны азербайджанцев.

Один из знакомых сообщил, что подожгли дом моего односельчанина из Чардахлу Артуша. Он рассказал, что погромщики вывели Артуша с женой на улицу, связали, бросили на них простыни и подожгли. Прибывшие солдаты успели спасти жену, но муж умер. В морге его брату удалось опознать сгоревшее тело только по зубам. Жену повезли в Баку, в больницу имени Семашко, но через 3-4 дня от полученных ожогов и зверских побоев она тоже умерла.

17 марта 1988г.

Пансионат “Госплан” пос. Агверан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: genproc.am

САРКИСЯН ЭДУАРД МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1959 г. Работал в спец. РСУ горисполкома экскаваторщиком

27 февраля я лежал в больнице. С улицы доносился гул демонстрации, но я так и не узнал в чем дело. 28 февраля утром уборщица рассказала, что в городе происходят массовые демонстрации азербайджанцев против армян. По ее словам, везде шли погромы, убивали армян и ломали их имущество. Напротив больницы, перед зданием банка, стояли человек 8 работников милиции. Они спокойно разговаривали между собой, и я удивился, что не принимают никаких мер против подобных разбойничьих действий. Я видел, как по этой улице три раза проезжала грузовая машина марки “ГАЗ-52”. Госномера на ней не было. Каждый раз эта машина привозила полный кузов людей.

От больного из Кировабада – армянина из села Зурнабада - я узнал, что примерно к 17 часам разъяренная толпа демонстрантов пыталась проникнуть в больницу с расспросами, которые из больных армяне. Врачебный персонал не пустил их, сказав, что армян нет. Как ни странно, но в толпе были люди, которые знали, на каких этажах лежат армяне. Врачи их обманули, сказав, что в связи с беспорядками эти армяне убежали из больницы.

Примерно к 19 часам из окна коридора 3-го этажа инфекционного отделения я увидел, как человек 200 разного возраста бегут за голой женщиной лет 25. Они громко и воинственно кричали и смеялись. Женщина эта была полностью нагая. Примерно в метрах 200 от больницы, возле чайной, толпа окружила ее и минут 10 не было видно, что там творится. После этого бандиты начали расходиться, а женщина осталась лежать на земле. До полуночи она пролежала под сильным дождем, а потом из окна уже не было видно, там ли еще тело или нет.

Потом, из разговоров по городу, я узнал, что женщина эта была армянка по имени Мила и что она была беременна. Говорили, что до этого толпа водила ее в голом виде по площади и заставляла плясать, но ей удалось вырваться и убежать в сторону нашей больницы. Хочу заметить, что среди преследовавших ее были также женщины.

Утром 29 февраля толпы демонстрантов снова начали собираться. Рядом с больницей находится морг, я из окна видел, как у дверей морга собрались молодые парни-азербайджанцы, которые весело разливали из бутылки водку и распивали.

Уже в клубе СК я увидел своего приятеля Давидяна Сержика, который рассказал мне о том, как в чайной убили армянскую девушку по имени Карине. По рассказу Сержика, ее раздели догола, издевались над ней, а потом залили кипятком и убили. Там же я узнал, что убили также жильца 41 квартала, водителя такси по имени Сергей и четверых членов его семьи.

20 марта 1988 года

пос. Агверан Разданского р-на Армянской ССР.

Источник: genpros.am

ГАЛСТЯН ЗОЯ СОКРАТОВНА

Родилась в 1946г. Проживала по адресу: 3 микрорайон, ул. Дружбы.

С 1965 года я проживаю в г. Сумгаите, работаю на сумгаитском алюминиевом заводе. Муж – Бабаян Эльмест, работает в войсковой части в Сумгаите строителем. У нас трое детей- дочь Гаяне, сейчас замужем, живет в Армении, а двое сыновей живут с нами в Сумгаите. Мы живем в 3-м микрорайоне на улице Дружбы, которая считается центральной улицей города.

27 февраля 1988г. в субботу мы всей семьей были дома. Около 20:00 с балкона нашей квартиры я увидела, как по улице идут огромные толпы демонстрантов.

Они все кричали на азербайджанском языке “Смерть армянам, долой армян, армяне, выходите” и выкрикивали нецензурную брань в адрес армян. Их было очень много и все они были очень воинственно настроены в отношении армян. В руках у них были камни, железные ломы, прутья. Я сама видела, как эта толпа разбивала машины, стоящие на улице, при этом заранее спрашивали - есть ли армяне. Если были армянские машины, то сразу разбивали. Демонстрации продолжались почти всю ночь, особенно на автовокзале, где они все собирались. Весь центр города был в руках этих толп, милиции абсолютно не было видно и никто даже не пытался пресечь хулиганствующих бандитов. До самого утра мы из дому никуда не выходили, так как боялись выйти на улицу, видя зверски настроенных азербайджанцев. До нас доходили слухи, что бандиты врываются в армянские дома, убивают армян. Всю ночь мы в страхе не спали.

С 12:00 следующего дня, 28 февраля, по нашей улице опять начали проходить огромные толпы азербайджанцев, в основном молодые, были даже подростки. В руках у них уже были флаги, транспаранты, они кричали “смерть армянам, пусть армяне выходят” и опять брань в адрес армян. До самого вечера продолжались эти манифестации. А после этого они начали ходить по кварталам и врываются в дома. В нашем подъезде мы единственная армянская семья и поэтому боялись, что могут ворваться к нам или кто-то может указать на нашу квартиру. Отмечу, что у нас почему-то был отключен телефон.

Около 22:00 огромная толпа ворвалась к нам во двор. Начали врывать в армянские квартиры и убивать прямо в квартире, а тела выбрасывали во двор. Например, так были убиты в доме номер 4, рядом с нашим домом, муж и жена. Я видела, как вынесли их тела сами убийцы, радостно кричавшие “Ура, армян убили”. Женщину звали Седой, а мужа - Колей, их фамилии не знаю¹, а трупы видела своими глазами во дворе. У нас с ними был общий двор и я хорошо знала этих людей. А их 15-летнего сына сильно избили. Таким же образом были убиты армяне в соседнем с нами доме номер 5, их тела сожгли прямо на улице. Это также я сама лично видела. Имена этих жертв я не могу сказать, но потом точно узнала, что они были из дома номер 5.

Азербайджанцы особенно зверствовали в доме номер 6, где жило много армян. Там громили и жгли квартиры, убивали людей и потом сжигали тела. В этом доме была изнасилована молодая женщина, мать троих детей по имени Рая, а ее муж убит. Они точно жили в доме номер 6. Толпа долго не отходила от этого дома и вообще в нашем микрорайоне они оставались до 2 часов ночи. Никакой милиции не было, бандиты делали что хотели, пока на помощь не пришли солдаты на бронетранспортерах и начали ловить и разгонять бандитов. А утром рано начали собирать трупы армян и вывозить в Баку.

28 февраля был самый страшный день за все время событий в Сумгаите. Все рассказанное я видела собственными глазами и могу подтвердить. Это было настолько дико, что не верилось в происходящее. Отмечу, что я наблюдала за происходящим из окна квартиры наших соседей, русских, ключи которых были у нас. Их не было дома и мы просто ворвались к ним, сбежав из нашей квартиры. Только это и спасло нас. Кроме того, помогли соседи-азербайджанцы, которые стояли у подъезда и ответили толпе, что армян здесь нет.

До 29 февраля мы оставались в квартире наших русских соседей и к себе не заходили. С нами был младший сын Армен, а старший, к счастью был в деревне у бабушки.

1. Речь идет о супругах Седо и Николае Даниелян. Рассказ их сына Виталия Даниеляна см. в сборнике “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев”, том 1.

1 марта солдаты отвезли нас на танке в клуб завода СК, где собирали все армянские семьи. Там люди рассказывали друг другу о страшных случаях насилия и убийств, было много измученных людей. 6-го марта мы вернулись домой и оставались до 18-го, а потом на самолете прилетели в Ереван. Из родственников в Сумгаите никого не осталось, а квартиру оставили соседям на хранение.

24 марта 1988 г.

село Арзакан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: genproc.am

АБРААМЯН САРКИС АЙРАПЕТОВИЧ

Родился в 1919г. Пенсионер

В конце февраля 1988 г. соседи и знакомые азербайджанцы начали предупреждать нас, армян, не выходить из дома, даже сами покупали и приносили нам продукты. Они говорили, что группы хулиганов могут узнать в нас армян и избить, а милиция не вмешивается и не сдерживает их. Сосед, живущий напротив, в квартире №8, потом рассказал, что его с завода послали в сожженные дома и квартиры армян закрывать краны газо- и водоснабжения. Он еще рассказывал, что видел варварски убитых, зарезанных армян - мужчин и женщин, разгромленные квартиры, сломанную мебель и домашнюю утварь. Говорил, что из ЖЭКов приезжали специальные группы на самосвалах, на которые загружали и вывозили выброшенную на улицу и сожженную мебель, другие вещи, смывали копоть от пожаров и кровь убитых, заматывая все следы погромов.

27-го февраля мы уже знали, что положение в городе очень тяжелое, армян убивают и режут, независимо от возраста и пола. Вечером к нам пришла женщина, русская, и рассказала, что слышала, как на работе азербайджанцы между собой говорили, что этой ночью будут нападать на армян, живущих в 1-м квартале. Всю ночь мы с сыном с топорами в руках сидели и ждали своей участи.

28-го февраля, примерно в 15-16 часов я услышал шум с улицы и вышел на балкон. Крики доносились со стороны площади, которая находилась на расстоянии 200-300 метров от нас. По улице шли толпы азербайджанцев и скандировали: "Не дадим Карабах армянам", "Долой армян, да здравствует Азербайджан!". По микрофону начали требовать, чтобы на трибуну вышел 1-й секретарь горкома партии Муслимзаде. Потом начал кто-то выступать и кричать: "Долой армян, надо их всех уничтожить!". Мы не поверили, что 1-й секретарь, коммунист, может такие слова говорить и призывать к прямой, неприкрытой расправе. Один из соседей вышел на площадь и вернувшись сказал, что Муслимзаде с флагом в руках в первых рядах повел толпу в сторону рынка.

Утром 29-го февраля мы услышали по радио, что армянам для получения защиты надо идти в клуб "СК", и направились туда. В клубе мне пришлось

выслушать много рассказов о том, как резали армян, насиловали женщин, девушек и даже малолетних, выбрасывали детей из окон, сжигали, ломали все, грабили. Из услышанных там рассказов прояснялись очень интересные и, на мой взгляд, важные факты-доказательства:

1. Азербайджанцы прекрасно знали адреса армян и прямоиком поднимались в их квартиры, даже если в данном доме это была единственная армянская квартира. Такую точную информацию можно получить только из домоуправлений и ЖЭКов.

2. В дни резни – с 27-го по 29-е февраля - телефоны армян были почему-то выключены, а у соседей-азербайджанцев работали. Словно со станции нарочно выключили все телефоны армян, чтобы они не могли предупредить друг друга об опасности или же обратиться за помощью.

3. Были сожжены лишь единичные, в основном собственные дома. Видимо, боялись, что пожар перекинется в дом соседа-азербайджанца.

4. Вещи, утварь армян выбрасывали на улицу и там только сжигали, сохраняя дома в целости, чтобы потом занять их.

5. Соответствующие бригады как по команде на грузовиках подъезжали к местам пожаров и расправ с людьми, тут же грузили и вывозили сломанное и сожженное, а шлангами с водовозов смывали кровь и пепел с улиц и дворов, чтобы замести все следы.

6. В дни погромов и убийств армян в городе почему-то не было милиции, как будто город весь вымер и армян умышленно отдали на растерзание бандитам, убийцам, грабителям.

7. Когда появились солдаты, их почему-то направляли не в те районы города, где совершались убийства и погромы, а совершенно в другой район, где было спокойно, создавая имитацию оказания армянам помощи. Охранявшие нас солдаты и офицеры с недоумением рассказывали, что были многочисленные случаи, когда они схватывали и сдавали милиции убийц и погромщиков, однако на следующий день тех же убийц снова видели в городе. То есть их отпускали вместо того, чтобы привлечь к ответственности.

Все это доказывает, что погромы были заранее спланированы, азербайджанцев заранее предупредили о погромах, им дали адреса и научили как действовать, а милиция и другие органы правопорядка куда-то пропали...

И еще. Некоторые армяне, работающие на заводе БТЗ (Бакинский трубо-прокатный завод, в Сумгаите действует его филиал), рассказывали, что за несколько дней до этих событий им по наряду поручили изготовить из арматуры прутья, своего рода пики с заостренными концами. Сказали, что это якобы для частотола кладбища. Впоследствии этими самыми арматурными прутьями азербайджанцы убивали армян. Вот вам еще один конкретный пример заранее подготовленной и до мельчайших подробностей продуманной операции.

19 марта 1988г.

Пансионат “Госплан”, пос. Агверан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: genproc.am

БАДУНЦ МЕЛАНЬЯ АРУТЮНОВНА

Родилась в 1943г.

Я вышла замуж в 1962 г. и в октябре того же года приехала в Сумгаит на постоянное жительство. Была свидетельницей тех бесчинств и насилия, которые творились в Сумгаите с 27 февраля до 29 февраля, до того момента, когда солдаты помогли нам перебраться в здание горкома партии.

27 февраля примерно между 15 и 16 часами я пошла к своей двоюродной сестре Акопян Эмме, которая живет во втором микрорайоне. Там мы пробыли около трех часов, вместе со мной был мой муж Бадунц Гамлет Тигранович. В это время к сестре постучалась наша односельчанка Шахнуманц Марал, которая работала в парикмахерской на площади Ленина. Она сказала нам, что на площади собралось много народа, которые выкрикивают антиармянские лозунги. Услышав это, моя сестра предложила поехать на площадь и увидеть своими глазами, что там творится, потому что мы не верили, что такое может быть.

Я, мой муж, сестра, ее муж и свекровь дочери моей сестры Тереза Агасян сели на машину и поехали на площадь Ленина. Около 19 часов мы приехали на площадь, из машины вышли все, кроме меня и моего мужа, и подошли ближе к толпе. Минут через двадцать они вернулись. После этого мы подвезли сестру и ее мужа к их дому и поехали в шестой микрорайон к будущей свекрови моей дочери Месропян Артик. Оттуда мы забрали мою племянницу и Месропян Свету, дочь Артик, и повезли их к себе домой.

Около 22 часов позвонила Тереза и сказала, что толпа хулиганов идет по улицам, все ломая на своем пути, и страшно кричит. Потом позвонила моя золовка Евгения Акопян и сказала, что директор кинотеатра, в котором она работала, позвонил ей и сказал, чтоб в воскресенье она не выходила на работу. В этот день мой муж должен был пойти на работу, на почту, развозить телеграммы, но не пошел, потому что не был уверен в безопасности. В эту ночь я больше ничего не слышала.

На следующий день, 28 февраля между 7 и 8 часами утра муж поехал на ра-

боту, так как позвонил заместитель начальника почты Азиз, фамилию я не знаю, и пообещал, что будет все время вместе с ним. Примерно к 11 часам муж позвонил и сказал, что скоро закончит и придет домой. Около 13 часов он вернулся и рассказал, что на улицах очень много народу, все они что-то кричат. Примерно в 16 часов к нам пришла соседка по площадке и сказала, чтобы мы не выходили на улицу, потому что в городе разбой, убивают и грабят армян.

Я попросила ее купить хлеб и через некоторое время ее сын принес нам хлеб. Они предложили переночевать у них дома, где нам будет безопасней. Около 18 часов моя племянница Этерик Аветисян услышала шум с улицы, Света подошла к окну, посмотрела и в ужасе отвернулась, сказав, что толпа идет в сторону нашего дома. Мы все зашли в квартиру соседей и собрались в их спальне, а сама соседка вышла на балкон, а потом рассказала, что соседи из нашего дома, азербайджанцы, собравшись у подъезда, не пускали туда бандитов. Она подозвала меня к окну, и я увидела, что с четвертого этажа дома № 65, где живут армяне, мать семейства по имени Света и еще несколько женщин с веранды кричат о помощи. Позже в горкоме я увидела сына Светы и узнала, что его ударили по голове - чем именно не знаю. В окно я увидела, что в сторону нашего дома бежит муж моей золовки Жора Шагаянц. Я вышла на площадку и он зашел к нам в квартиру. Жора рассказал, что к ним во двор ворвалась толпа и хотела перевернуть его машину, но сосед-азербайджанец отогнал их, сказав, что это его машина. После этого мы позвонили его дочери Вале, которая живет в третьем микрорайоне.

Валя попросила нас как можно скорей позвонить в милицию, потому что в их подъезде бандиты зашли в квартиру дяди Саши, их соседа, там стали издеваться над его дочерьми, ломать все в квартире, и она боится, что поднимутся к ним. После этого я позвонила в горком партии по телефону 3-33-54, но ответа опять не было. Я несколько раз пробовала соединиться по тем же телефонам с милицией или горкомом, но вновь безрезультатно. Тогда я позвонила Вале, она взяла трубку и сказала, что в их квартиру уже пытаются ворваться. Я опять стала звонить в милицию и горком и опять без ответа. Я снова позвонила Вале, но услышала в трубке только гудки отбоя.

После этого Жора с женой выбежали из нашего дома, а я пошла к соседке. Эту ночь мы провели у соседей. На следующий день 29 февраля утром пришли Жора с сыном Валериком и рассказали, что 28 февраля ворвавшиеся бандиты убили свекровь и свекра Вали, Чаркеза и Эмму¹, но, как потом выяснилось, Чаркез остался жив. В это время позвонил товарищ по работе моего мужа, Амбарцумян Миша, и спросил, пойдет ли мой муж на работу. Муж ответил: “Ты что, с ума сошел, какая работа сейчас”, на что Миша ответил, что он упаковывает свои вещи и хочет уйти из квартиры.

К нам позвонила также Агасян Тереза и рассказала, что она своими глазами видела, как из подъезда дома напротив вывели совершенно голую молодую женщину и куда-то повели. Примерно в это время пришла с работы моя соседка Гюлюш, на которой был красный головной платок. Я удивилась этому, а она мне сказала, что набросила его из страха, чтобы все знали, что она азербайджанка. Гюлюш была очень взволнована и рассказала, что в городе убивают людей, сжигают дома и убивают даже азербайджанцев, которые прячут армян. Потом пришел ее муж Агапа, он был очень бледен, и сказал, что в третьем микрорайоне творится что-то страшное, настоящая резня. Мой муж попросил его проводить нас на поезд в любом направлении и дал ему деньги на билеты. Агапа сразу ушел, но очень быстро вернулся. Его жена была у нас дома, он ее отправил домой, а нам сказал, чтоб мы закрыли двери и никуда не выходили. Я сказала Свете и Этерик, чтоб они оделись потеплей, положили в сумку сахар и спички и собрались уходить из дома. Я попросила соседей сохранить у себя приданое моей дочери и, если мы останемся живы, вернуть его нам, а если нет, переслать нашим родственникам в Мартакерт. Они со слезами согласились. Эти вещи до сих пор у них.

Мы вчетвером вышли из дома и направились в сторону дач. Там мы встретили азербайджанца - знакомого моего мужа, имени которого я не знаю. Он

1. Эмма Григорян, 58 лет. Обнаженную вывели во двор, посадили на скамейку, прижигали тело сигаретами. Потом надругались, переломали ребра, разбили голову. См. рассказы В. Шагаянц в сборнике “Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев”, т.1, а также Э. Григоряна в настоящем сборнике.

предупредил, чтобы мы не шли в сторону дач, однако на вопрос - куда же нам деваться, ничего не смог ответить. Мы решили пойти к железнодорожному вокзалу. Остановившись недалеко от вокзала, начали ждать, пока подойдет какой-нибудь поезд, но увидев, что никакого движения нет, мы решили попробовать пойти к одной знакомой азербайджанке, которая жила недалеко от вокзала. Ее зовут Медина, а мужа Низами, фамилию не знаю.

Дверь в их квартиру открыл Низами, он немой с рождения. Увидев меня, схватил за руку и затащил домой. Потом вышел из квартиры и привел моего мужа и девочек. Эту ночь мы провели у них. От них я позвонила к своей сестре Эмме, которая мне сказала, что в городе уже солдаты и они забирают армян в безопасное место. Я позвонила в горком по указанному выше номеру и мне обещали приехать за нами, но в тот день и ночь не приехали. 1 марта весь день мы провели у Низами, а вечером к его дому подошли два танка и один автобус “Икарус” с солдатами.

Я вышла на улицу, побежала в сторону солдат и попросила помочь нам. Солдаты пришли со мной в дом, где остались мой муж и девочки, и перевезли нас в горком. Через два дня нас в сопровождении военных перевезли в поселок Насосный, в военный городок. Вечером 8 марта я, мой муж и Этерик под охраной солдат вернулись к себе в квартиру. Ее не тронули. А машину наш сосед, имени которого я не помню, спрятал в деревне Джорат, рядом с Сумгаитом. Мы с мужем проводили Этерик из Баку в Мартакерт, после чего поехали в Степанакерт, откуда самолетом вылетели в Ереван.

23 марта 1988 г.

с. Арзакан Разданского р-на Армянской ССР

Источник: genproc.am

ИШХАН ТРДАТЯН:

«Мы не боялись даже смерти»

27 февраля была демонстрация, прошла она вечером, в седьмом часу, по улице Мира. Мы сидели в это время и играли в домино. В домино играли погибший Арамян Артур, Хачатурян Василий, один лезгин, Абдул, и один азербайджанец. Вдруг к нам подбежал старший сын Османовых, наших соседей по подъезду, и говорит: «Вы что, с ума сошли? Армяне, а сидите и играете, как ни в чем не бывало. А там такое творится! Вы не боитесь?». Я говорю: «Что там такое? Что творится? У них руки короткие, до армян не доберутся». После того как прошла эта демонстрация, мы разошлись по домам.

28 февраля утром, часов в десять, мой отец вышел из дома купить сигарет. Он пошел в сторону 45-го квартала. Вернулся минут через десять, говорит: «Там такое творится – ни одной целой витрины, все поломали и разграбили». Часа в три толпа пришла к нам во двор. В толпе было много подростков 14-16 лет, но были и постарше – до 30 лет. Это были азербайджанцы. Перед нашим домом стояла палатка, так как семья Халафянов из соседнего дома отмечала сорок дней смерти Миши Халафяна. К моменту прихода толпы я стоял в подъезде. Ко мне подошел мой сосед из 14-й квартиры, Дживан, и говорит: «Ты что здесь стоишь? Разве не видишь, что здесь дикари? Они же могут сделать все что угодно».

Там, кстати, была милиция, был участковый, они как бы поддерживали порядок, а скорее всего пыль в глаза пускали. После того как милиция «упросила» толпу разойтись, я спустился во двор и попросил двух ребят-азербайджанцев сходить за Игорем, моим братом. Но они вернулись без Игоря. Я лег на диван и стал смотреть телевизор. В это время к нам зашла соседка Исмаилова Шовкет и говорит: «Дядя Габриэл, что это творится? Ты представляешь, что в Сумгаите творится?! Они кричат «Долой армян! Смерть армянам! Армяне заняли наши лучшие жилища, а мы живем в трущобах, в «нахалстрое», там, в Армении армяне режут наших братьев, сестер, вырезают девушкам груди».

Я не обратил на все это особого внимания. Я не поверил всем этим разговорам

об Армении и не думал, что кто-то может скрывать свое зло в Сумгаите.

Часа через полтора толпа, человек 100-150, вновь заполнила наш двор, они подошли к 5-му дому, к палатке, где должны были отмечать сорок дней Миши Халафяна, стали валить все в кучу и подожгли. В это время я увидел в окно, как из третьего подъезда выбежал мужчина в зеленой пижаме. Они его начали бить ногами; били деревянными брусками, пока он не потерял сознание. Я знал его – это был дядя Саша Аванесян, он жил напротив, на третьем этаже. Мы сразу же позвонили в милицию, где нам ответили: «Вспышки насилия по всему городу. Будем принимать меры».

После всего увиденного первая мысль была – как-нибудь обезопасить жену и детей, вывести их из квартиры. Но не успели мы что-либо предпринять, как раздался топот, грохот в подъезде, крики и шум. Толпа вбежала к нам в подъезд. И я подумал: уже поздно, никуда мы не денемся. В квартире были я, мой покойный отец, мама, жена и двое моих детей, Артур и Аркадий, одному шел шестой годик, а другому – пятый. Когда раздался шум в подъезде, я выскочил и услышал голос соседки, Османовой Туры, которая тоже выбежала на шум и крикнула: «Здесь армяне не живут! Что вам здесь надо?» А снизу раздался вой: «Как не живут! В восьмой квартире живут и в двенадцатой!». Толпа стала быстро подниматься по лестнице. У нас в подъезде действительно проживали две армянские семьи. Одну квартиру – Адамяна Гранта – они называли точно: восьмая, а в двенадцатой квартире жили Гусейновы, мы же жили в шестой. Буквально через несколько секунд после того, как они проскочили наверх, раздался крик: «Эй, не двенадцатая квартира, а шестая!». Тут я понял, что это конец. Придут и к нам...

Они стали ломать нашу дверь и кричать: «Откройте дверь! Предъявите паспорта! Если мы увидим, что вы не армяне, мы вам ничего не сделаем». А я им через дверь говорю: «Вы что, представители прокуратуры? Ничего я вам предъявлять не буду». Тут они начали чем-то долбить дверь, и я решил посмотреть в глазок. Я нагнулся к дверному глазку, но, заметив что-то черное, сразу отпрянул – в глазок воткнулся лом, острие которого вонзилось мне в переносицу. Тотчас же хлынула кровь. А рядом стояли все наши – отец, мать, жена, дети. Малыши перепугались

и начали кричать, плакать. Я сказал жене: «Быстрее уведи их в комнату!». А мать попросил принести мокрое полотенце. Пока мать несла полотенце, я сказал отцу: «Чего стоишь? Неси топоры!». Отец сразу пошел на балкон (у нас два балкона – со стороны двора и со стороны спальни) и принес топоры. Дома было три топора: один маленький – для разделки мяса, другой несколько побольше и третий – большой. Отец был плотником – это были плотницкие инструменты, к которым он не разрешал прикасаться. Взял я, значит, средний топор, а отец взял себе большой, матери же достался маленький топорик. Мы подошли к двери и стали ее поддерживать. Но они напирали на дверь очень сильно, и я понял, что дверь не выдержит.

Стоим мы, подпираем дверь, стоит и мать с топором, стоит одеревеневшая, бледная, не понимая, что происходит, а дети плачут, кричат.

Как только они вышибли нашу дверь, я с топором в руках бросился на эту толпу, нанес несколько ударов обухом, но топорище провернулось у меня в руках, и я продолжал бить острием и в спину, и по головам. Нанося эти удары, я довел толпу до первого этажа, где образовалась свалка. В свалку я уже не полез, не рискнул.

Когда я возвращался, то получил удар по голове. Я не знал, что и наверху были бандиты. Поднял голову, чтобы выяснить, кто там наверху. Их было трое. В этот момент они ударили меня второй раз. Били они заточенными ломиками, точнее бил один, у которого был длинный лом, - худой такой парень, немой, как я потом выяснил. После второго удара ломом я начал падать, и почувствовал, как меня поддержали – это мать с женой затащили меня домой. Я обтерся мокрым полотенцем и поднялся. Вышел на площадку, смотрю – этих троих уже нет. Они поднялись выше. А отец в это время оттирал ногу. Он попал ногой между стойками перил на лестнице, подвернул ногу и тоже упал. При падении ударился головой. Его затащила к себе домой Исмаилова Шовкет, наша соседка из пятой квартиры.

Когда я начал падать после второго удара и ко мне кинулись жена с матерью, стали тащить домой, какой-то молоденький парнишка, худенький, высокий азербайджанец, поднял руки и крикнул: «Не бейте! Вы же сюда не убивать пришли!». Как раз в этот момент меня и затащили домой жена с матерью.

Этот парень спустился вниз, а те трое поднялись вверх.

После того, как я обтерся и вышел на лестничную площадку, я увидел, что готовится вторая атака. Но на этот раз их было человек 15-16. Я обратил внимание, что в руках у жены что-то есть. Когда началась атака, жена стала швырять содержимое тазика им в лицо. Внизу заорали: «Режет, разъедает глаза». Я спросил у жены: «Что это?». «Перец с солью», - ответила она. Тем самым жена при помощи перца и соли отбила вторую атаку.

Первое, что пришло мне в голову после их бегства, - надо обезопасить жену и детей. Я постучал обухом топора в пятую квартиру, которая находится рядом с нашей, и попросил: «Шовкет, возьми к себе хотя бы детей». Мужа ее в это время не было в Сумгаите, он находился в командировке в Волгограде. Шовкет Исмаилова быстро открыла дверь и говорит: «Бегом, только нагнитесь, они швыряют камни в оконный проем лестничной площадки».

Жена с детьми забежали к Шовкет и закрылись. Мама моя не захотела идти с ними и решила остаться в квартире, чтобы помогать нам. Буквально через несколько минут после ухода жены и детей раздался невероятный грохот. В нашей квартире имелись окна со стороны обоих балконов, кухни и маленькой спальни, и они решили забросать нас камнями.

Сначала они бросали только камни. Таких камней у нас в городе не было. Шлакоотвальные камни, которые привозят с завода БТЗ на шлакоотвал. Понятно, что их завезли специально.

Вдруг я услышал сверху голос. Смотрю – Рафик. Товмасын Рафик. Когда я его увидел, мне стало как-то легче – значит, мы уже не одни, нас уже не трое, а четверо. Я спросил Рафика: «Кто еще есть дома?». Он говорит: «Тесть». Тестем Рафика был Адамян Грант. Тут я и говорю: «Теперь нас пятеро – нам бояться нечего. Пусть попробуют взять».

Я обрадовался Рафику не только потому, что нас стало больше, но и потому, что я очень верил ему; я с ним прожил много лет в этом доме. Он был моложе меня на два года, наверное. Он был отличным парнем. Рафик Товмасын жил этажом выше в восьмой квартире. Услышав шум, он выскочил с топором. Те трое, увидев его,

поднялись на пятый этаж. Началась новая атака. Нас забрасывали уже не только камнями, но и обрезками труб, железками. Мы договорились с Рафиком держать оборону и сверху, и снизу.

Когда они начали атаковать, я увидел среди них человека в черном плаще с погончиками. Он стоял внизу, впереди всех, выделяясь высоким ростом и лысиной. В правой руке у него был нож. Поднимается по лестнице и говорит: «Ну, сейчас мы до вас доберемся». А я ему отвечаю: «Доберешься. Ты поднимись сначала, скотина, а потом до меня доберешься». И добавил еще кое-что матерное по-азербайджански. За этим типом шел такой маленький, курчавый, в болоньевой черной куртке. Они поднимались, используя в качестве щита часть входной двери подъезда.

Значит, поднимаются они, а Рафик стоит прямо напротив меня, несколькими ступеньками выше, а рядом стоит отец. Я был ближе всех к этим вандалам. У меня и у отца были топоры в руках. Я сказал Рафику: «А ну-ка, врежь им!». В этот момент лысоватый как раз немного отодвинул свой щит, и Рафик ударил его сверху вниз. Тот вскрикнул, выпустил щит, схватился за переносицу и бросился бежать.

Пока их не было, Рафик говорит по-армянски: «Как жаль, что нет автомата, чтобы порешить всю эту скотину. Разве это люди!». Нельзя, конечно, всю нацию оскорблять, но поведение этой толпы по-другому нельзя было оценить. Прошло минут пять. Вдруг я увидел, что в нас летит камень. Отца я успел оттолкнуть, но камень под углом чиркнул меня в висок и отрикошетил. Это меня и спасло, если бы попадание было прямое, то меня уже не было бы в живых.

В это время начала подниматься другая группа людей, не те, что были в прошлый раз. Шли человек 10-15, а впереди такой солидный мужчина в возрасте в пальто и ондатровой шапке рыжего цвета. Я ему крикнул: «А тебе что надо? Ты п...з! У тебя что, семьи нету, что ли?». А он мне тихо в ответ: «У меня все есть. Я под ломом сюда зашел. Облей меня чем-нибудь и я отсюда уйду». Он поднимался первым, остальные поджидали его внизу. Мама принесла ведро воды, я облил его, а он начал кричать: «А-а-а! Горю! Меня облили!». Те, что стояли внизу, расступились, и он выбежал.

Я сказал отцу: «Пока ничего нет, я схожу на кухню и посмотрю, кто там внизу стоит».

Я прошел на кухню. И тут же в меня полетела бутылка с зажигательной смесью. Она попала мне прямо в лоб и щеку. Жидкость пролилась на меня, и тотчас же воспламенилась одежда, вспыхнули усы. Мать, в руках которой по чистой случайности оказалось ведро воды, окатила меня. Сгоряча я не почувствовал запаха, кроме того, у меня еще кровоточил нос. Я спросил у матери: «Что это было?». «Бензин, сынок», - ответила она. Загорелась не только одежда, но что-то рядом с холодильником. Мать и туда хотела плеснуть воды, но я не разрешил, так как там электричество. Я выдернул сначала шнур, чтобы холодильник не сгорел. Все-таки имущество. Кто тогда мог подумать, что все так обернется.

Видимо, они увидели кого-то из нас в кухонном окне и начали забрасывать кухню камнями и обрезками труб. Я стал на кухне рядом с холодильником таким образом, чтобы меня не было видно с улицы, а я их видел. Уже стемнело, так как было около половины восьмого вечера, а нападение на нас началось в полшестого. Я заметил у костра солидного мужчину – полный такой, в пальто серого цвета, лет пятидесяти, не меньше, без головного убора, волосы седые; и он командным жестом как бы приказывал идти вперед.

По этому жесту я понял, что сейчас они вновь начнут штурмовать подъезд. И толпа бросилась выполнять его приказ. Кстати, они меня прозвали «вахши», то есть зверь. Я быстро перебежал к выходу. Рафик был уже на месте.

Смотрю, вновь этот маленький, кучерявенький, в черной курточке, вжался в угол, как суслик, и говорит: «Сопrotивляйся, сопротивляйся, я твою мать...». А я ему: «Иди к своей, козел! Она к тебе ближе – дешевле обойдется». А он стоит внизу метрах в шести от меня и продолжает: «Подожди, - говорит, - мы доберемся до твоей жены, сначала ее изнасилуем, потом из детей твоих шашлык сделаем, мать твою..., а потом тебя заживо сожжем». Я ему отвечаю: «Иди ты свою маму сначала..., а потом приведи своих детей, чтобы я из них шашлык сделал и дал тебе попробовать, шакал! Твою маму я...». А он и говорит: «Ну, подожди, мы до тебя доберемся!». Я говорю: «Ты меня не возьмишь, - и показываю топор, живым

ты меня не возмешь». Я крикнул матери по-армянски, чтобы она подала мне камень. Мать носила нам ползком камни, которые забрасывали к нам в квартиру. Я стал швырять камнями в кучерявого. Рафик бросал сверху, а я от наших дверей.

Так мы отбили третью атаку. Маленький этот, убегая, крикнул: «Мы уже одного кучерявого сожгли и тебя сожжем».

Когда они убежали, зазвонил телефон. Это была сестра матери, Ангин. Мама закричала ей в трубку: «Ангин, здесь такое творится!.. Нас режут, нас хотят сжечь!.. Всю квартиру разрушили!.. Дети в надежном месте, а мы сопротивляемся. На лице у Ишхана живого места нет... Не знаю, что будет». Только мать положила трубку, как я услышал душераздирающий вопль, который доносился снизу. Это был крик человека, которого рубят на куски. Буквально через несколько минут я уже услышал тихий выдох умирающего человека: «а-а-а...». «Неужели это голос Арушаняна Володи?» - подумал я. «Пап, по-моему, там Володю убили», - сказал я отцу.

Через некоторое время они снова полезли в подъезд, в руках у них в качестве щитов были части от мебели. Я понял, что это из квартиры Арушаняна Володи... Я говорю Рафику: «Ну, что будем делать?». А он так спокойно отвечает: «То же, что до сих пор делали».

На этот раз их было человек 10-12; они прикрывали голову щитами, чтобы мы не попали в них камнями. Я не выдержал и рванул на них с топором. Только я нанес удар по мебельному щиту, смотрю, по второму уже бьет отец. От удара отца он раскололся на две части, а Рафик в это время бил их сверху трубой. Удивительно, что в этой каше Рафик ни разу не задел нас, доставая этих сволочей. Вдруг сверху что-то шурануло. По брызгам, которые полетели на меня, я понял – кипяток. И тут раздался голос дяди Гранта: «Ну, как я их?». Я говорю: «Отлично! Все великолепно!». А он: «У меня там еще греется для них. Сейчас будем кипятком их шпарить». Потом добавил: «У меня еще и кислота приготовлена. Смотрите, чтобы вас не обрызгало».

Прошло минут пятнадцать, и атака возобновилась. До этого мы с Рафиком стояли и говорили о чем-то. Вдруг через подъездное окно третьего этажа влетел

увесистый шлакоотвальный камень. Рафик не успел отскочить, и камень попал ему в лицо. У него сразу же из носа хлынула кровь. Я бросил ему мокрое полотенце, которое было у меня в руках, чтобы он вытерся.

К этому времени у всех у нас были разные раны: у отца была повреждена рука, у матери на голове были раны от камней, но эта женщина в свои 62 года продолжала ползком собирать камни и подносить их нам. Потом, спустя полтора месяца, на ее теле были все еще синяки.

Началась новая атака. Каждый раз нападавшие менялись. Я уже знал, что ими командует седоволосый мужчина в сером пальто. Они вошли в подъезд и, подбадривая себя криками, стали подниматься. Я послал маму за соляркой, которая была на балконе, но не дождался ее. Я успел ударить одного по голове, как кто-то схватил меня за ворот и начал стягивать вниз. Это был мужик покрупнее меня, а у меня рост 183-184 сантиметра. Они меня пригнули и потащили вниз. Топор остался на уровне ног, я бил их по ногам, но не сильно, так как невозможно было размахнуться. Я уже почти падал, как вдруг почувствовал, что тянущие руки разжались. Я оглянулся: за мной стояла мама с окровавленным топором. Она ударила его топором прямо в лоб. Этот верзила схватился за голову и закричал. Они его потащили прочь. Атака захлебнулась.

Отец все это время был рядом. Я не видел, попадал он в нападавших или нет, но его топор был весь в крови и руки были в крови. Я поразился храбрости матери, но понял: на ее глазах тащили сына на растерзание. Она ничего не боялась, когда шла спасать меня. Она к этому времени уже пережила свой страх. Поднявшись наверх я почувствовал, что у меня с правой стороны ножевая рана. В этой суматохе кто-то засунул мне под правый бок нож. Рана, правда, была неглубокая. Я умылся в ванной комнате, напился воды прямо из ванны, и пробрался в нашу спальню. Через спальню я незамеченным подошел к балкону, где стоял сорокалитровый бак с соляркой. Я подтащил его к выходу, чему очень удивился Рафик и спросил: «Чего это ты тащишь?». А я говорю: «Сейчас фейерверк устроим. Всех будем жечь – и турок, и армян, - все здесь будут гореть».

А внизу в подъезде скопилось так много щитов от мебели, камней и прочего,

что напоминали баррикаду. Я все это хорошенько облил соляркой, потом сделал факел, запалил его и швырнул в кучу. Пламя подскочило метров на пять – шесть. Мне как-то приятно стало: стою, смотрю на все и говорю: «Во, батя, смотри, как здорово горит!». Дым, наверное, едкий от солярки, но я не чувствовал этого дыма. А отец говорит: «Сынок, мне тяжело, потуши, а то я задохнусь». Огонь подбирался уже в это время к двери первой квартиры. Я попросил мать принести воды и потушил огонь.

Вдруг прибежала мама с криком: «Ишхан, Ишхан, стена! Там в зале грохот какой-то у стены». Прихожу к стене в гостиной, а там у нас ковер висел, 3х4 метра, вижу, ковер уже выпятился. За стеной жила соседка-армянка, которую звали Арпик. Я сдернул ковер со стены, смотрю, уже небольшая дыра, которую пробили с той стороны ломом. В этот момент воспламенился наш балкон, который был обит деревянными досками. Оказывается, они бросили туда зажигательную смесь. Отец увидел и говорит: «Балкон горит». А отцу ведь обидно, потому что он сам все делал своими руками: «Сорок лет нашему дому, и горит теперь все нажитое за эти годы. Я для этих зверей целый город построил, а теперь горит мой собственный дом, мой труд». Отец вернулся на лестничную площадку, а я подошел к дыре. Стена была выложена из кубика правильной формы, это гюздекский камень, кубик, из плотного известняка весом 32 кг. Нам повезло, что они пошли не через спальню, потому что в спальне перегородка была из простого ракушечника сантиметров в 8 толщиной: они могли бы снести всю стену целиком, если бы ударили по ней двумя-тремя ломami или кувалдами одновременно.

Подошел я к дыре в гостиной, смотрю, кто-то с той стороны ширяет острой заточенной трубой, а отверстие было уже диаметром около 20 сантиметров. Труба эта, на которой был заточенный наконечник, так и ходит взад-вперед. Я подкрался со стороны серванта левым боком, схватил трубу и выдернул ее из рук бившего. Труба была длиною в полтора метра. Я изменил свою позицию, стал чуть правее, чтобы выяснить, кто же это так усердно ширял трубой. Смотрю, стоит там один прямо рядом со стеночкой, притаился. Я подошел справа, развернул трубу наконечником в их сторону и сделал выпад в стоящего. Я почувствовал, как труба

вошла в что-то мягкое. «На, неси ее с собой!» - крикнул я. Раздался душераздирающий крик, а я говорю: «Там сильнее кричали, но вы на это не обратили внимания». А те, что стояли рядом с ним, начали крыть меня матом и кричать: «Вяхши! Вяхши! Зверь, зверь! Это не человек!». «А вы люди, что ли?» - крикнул я им в ответ.

В это время мама позвала меня на балкон. У выхода на балкон валялась пластмассовая канистра (как она попала на балкон, не знаю). Прикрываясь ею, я вышел на балкон. Еще подходя к балкону, я увидел, что чья-то рука держится за подоконник застекленной веранды. Мать первая заметила, что кто-то поднимается на балкон. Кажется, это была левая рука. При этом снизу слышались подбадривающие крики: «Давай! Давай! Поднимайся!». А высота там немалая, так как у нас был довольно высокий цоколь дома, и до балкона второго этажа метров 7-8. Увидев руку нападавшего на подоконнике, я на четвереньках подкрался поближе и ударил по этой кисти чуть выше запястья. Раздался крик. Кисть продолжала цепляться за перекладину, а человек полетел вниз. Вряд ли он остался жив, потому что под балконом у нас была железная голубятня, на которую этот человек, видимо, и упал. После падения он уже не кричал. Толпа разом ахнула.

По делу у нас проходил человек с отрубленной рукой, но его не находили. Сами азербайджанцы давали показания, что такой человек был, но кто неизвестно. Никаких чувств я уже не испытывал, я озверел от всего этого, я не ощущал боли, хотя на мне не было уже живого места, я ничего не ощущал. Я бы, наверное, свалился, если бы не тренированность организма: мне помогло то, что я шесть лет занимался боксом и умел держать удары.

В этот момент раздался грохот разбиваемых банок. Дело в том, что у нас на веранде был навесной шкаф, который построил отец; в шкафу мы хранили банки на зиму. Там было около ста банок – все разбили. Единственное, что удалось спасти, - это деревенская водка, которая стояла в самом низу в литровых бутылках. Я нагнулся и сграбастал эти бутылки прямо охапкой. Водку я привез из деревни, жалко как-то стало, пропала бы, а может. я не хотел, чтобы им досталась. Но по пути в прихожую я передумал и понес бутылки отцу, сказав: «Если будут подниматься, бей их бутылками». А отец говорит: «Что это такое?». «Водка», - ответил я и

рассмеялся. А он говорит: «Пусть остается, вместе выпьем потом». «Ну, отец, духу у тебя достаточно, - заметил я, - даже сейчас о выпивке помнишь». А он: «Ты что, думаешь, они нас возьмут? Никто нас не возьмет здесь».

Тут меня позвала мама. Дыра в стене была уже диаметром 60-70 сантиметров. Они швыряли в нашу сторону чайники, посуду, тряпки какие-то. Я сказал отцу, чтобы он шел к стене и не дал оттуда никому пролезть. Отец стал у серванта, который был рядом с дырой, и ждал «гостей». А там просунешь голову – без головы останешься.

Около получаса со стороны подъезда не было никакого движения, а тут они вновь зашевелились. Лишь только толпа стала подниматься, раздался такой звук – «щур-р» и крики: это дядя Грант выплеснул на них какую-то жидкость. «Что это?» - спросил я. «Кислота», - ответил дядя Грант. Брызги попали и мне на руку, я сказал дяде Гранту: «Отлично жжет!», и быстро сунул руку в ведро с водой, чтобы смыть кислоту, но шрам от ожога до сих пор остался. Как только дядя Грант плеснул в них кислотой, снизу раздалась дикие вопли.

Все это время те трое находились наверху и боялись спуститься.

Подъехала пожарная машина. Дядя Грант говорит: «Ишхан, наконец-то приехали пожарные, которых мы вызвали». Он стоял высоко и ему было все хорошо видно. «А людей там еще много?» - спросил я. «Яблоку негде упасть», - ответил дядя Грант. Я думал, что пожарная машина брандспойтами разгонит толпу и поможет нам. Оказывается, пожарная машина приехала помочь не нам, а им. Как только машина остановилась, они сразу стали выдвигать лестницу на третий этаж. Одновременно они стали заливать нашу квартиру водой. Выяснилось, что и с другой стороны стояла пожарная машина и заливала водой нашу квартиру. Почти полностью промокли отец и дядя Грант, немного воды попало на Рафика, у меня же промокла только обувь. Скоро вода в машинах кончилась, стало как-то тихо. Вдруг я услышал бульканье. «Что это?» - спросил я отца. «Плохи дела, - мрачно заметил он. – Бензин». Они заливали в квартиру бензин через дыру в стене. Бензин быстро распространился по поверхности воды на всю квартиру. Я крикнул отцу с матерью: «Бегите оттуда!». Только успели родители выскочить из столовой,

как они бросили в дыру зажженный факел. Вся квартира тотчас же вспыхнула. Горела гостиная: полы, два дивана, сервант, ковер. Мама носила воду, а я тушил огонь. Запахов я не чувствовал по-прежнему, да и дыма было немного, зато пламя было такое высокое, что толпа за окнами ликовала: «Горят! Горят! Шашлык будет из них!» - кричали они.

Как раз в это время они стали подводить к квартире дяди Гранта пожарную лестницу. Дядя Грант увидел и крикнул: «Рафик, быстро домой!». Из другой машины лестницу подвели к оконному проему подъезда на третьем этаже. Слышу, как дядя Грант комментирует: «Вижу, вижу, как один поднимается». «У тебя есть что-нибудь в руках?» - спросил я дядю Гранта. «Да, есть у меня топор хороший», - ответил он. Как только этот тип высунул голову в проем, дядя Грант дал ему по «чердаку», и он оттуда покатился кубарем вниз. Минуты через три спустился Рафик. «Ну, что там?» - спросил я его. «Трое их было, - ответил Рафик. – Ни одного не осталось». Он всех троих сбросил вниз. Затея с пожарными лестницами провалилась.

И вдруг сверху слышим голоса этих азербайджанцев, наших «заложников». «Я вашу маму!.. Суки! Вы что, б..и! Тут их всего пять человек, и вы не можете с ними справиться. А мы тут остались». Это они своим кричали с пятого этажа. А снизу им отвечают: «Гетверан, иди сам отсюда попробуй! Ты там наверху стоишь, тебе что. Вы там стоите целые и невредимые, а вы посмотрите, что они с нами сделали, сил уже не осталось. Но ничего, мы до них доберемся».

Один из троих спустился на четвертый этаж и вступил в переговоры с дядей Грантом. Дядя Грант сказал нам: «Они просят, чтобы мы их отпустили, обещают увести всю толпу». Я говорю тогда: «Рафик, ты встань в дверях, будем выпускать по одному». Дядя Грант и Рафик стали в дверном проеме своей квартиры с топорами, и мы стали в дверном проеме нашей квартиры с топорами. Был уже, видимо, второй час ночи. Я крикнул по-азербайджански: «Давайте, по-одному, но чтобы в руках – я вашу маму! – ничего не было, а то мы дадим вам топора». Тут спускается без оружия первый: плотный, в коричневом полушубке, чисто выбрит, лицо круглое, пухлое даже, видать, из состоятельной семьи был этот подонок. Я

ему говорю: «Ты понял, что я тебе сказал?» А он отвечает: «Конечно, что я, совсем, что ли?» Говорил по-русски очень чисто. Спустившись, он сказал: «Я дал слово, я его сдержу». «Ну иди, посмотрим», - говорю я ему. Потом крикнул Рафику: «Давай второго!». А топор у меня наготове все время.

Потом пошел третий. Он миновал дядю Гранта и Рафика, но шел с ломом, опущенным вниз. «Я твою маму ...!» - выругался я и с топором на него. Он сразу бросил лом. Спрашиваю его: «Это ты, сука, меня по голове?». Он начал жестиковать, давая понять, что немой. Когда он прошел мимо меня, я его поддал хорошенько ногой под зад, так что он скатился вниз по лестнице. Этот третий был худой такой. Он меня и ударил ломом, я хорошо помню. Я, конечно, мог его убить, но я же не зверь, я человек.

Только они спустились, сразу же раздались крики внизу, и я сказал, чтобы мама уходила наверх. А снизу мне кричали: «А ты свою... Шакал! Ишак!». А тот, который спустился первым и чисто говорил по-русски, кричит снизу: «Ты уходи, ты нам не нужен. Я – хозяин своего слова, ты спускайся и уходи». Я ему говорю: «Но ты же сказал, сука, что ты их уведешь!». А он: «Ну я же говорю тебе, что ты нам не нужен, уходи». «Куда, в эту толпу, – спрашиваю я, - чтобы вы меня сзади? Нет, лучше я здесь останусь». А этот, что первый спустился, крикнул мне: «Ну ладно, раз ты не хочешь, так пеняй на себя». А я ему кричу: «Ты - сука! Напрасно я тебя отпустил отсюда, надо было здесь и кончить». И он мне отвечает: «Ты нам и так уже дров наломал здесь. Ты лучше смотри, как мы будем ее здесь е...ь..». Я не понял, о ком идет речь. Вдруг смотрю женщина. Мамы в это время уже не было – она поднялась в квартиру к Джаану, в 14-ю квартиру нашего подъезда; с Джааном мать проработала много лет.

После того как они сказали, что будут сейчас насиловать женщину, в подъезд действительно вошла обнаженная женщина, на плечах у нее было детское одеяльце и больше ничего. Поднимается наверх. Мне аж плохо стало. Думаю, кто же это такая? Что это за женщина? Я узнал ее. Это была С.Г. (по понятным причинам мы оставили только инициалы. – Прим. ред.). Начала она потихоньку подниматься по лестнице, а сзади к ее спине приставлена длинная заточенная арматура. Ее

толкают снизу и говорят: «Иди, сука». А я ничего не могу в них бросить, чтобы не задеть ее. Когда С.Г. поднялась чуть выше, я увидел, что у нее на лбу тушили окурки, в ожогах было все ее тело – даже ноги. Я спросил: «С., ты хочешь наверх подняться?». Она мне отвечает: «Нет, тетю Эмму уже убили. И тебя сожгут». «Ну, меня еще надо взять, С. - говорю я. – Ты наверх поднимаешься?». Она отвечает: нет. С. была из второго подъезда, жена В.Г., ей было 35-36 лет.

С. повернулась и ушла. Они, может, собирались прорваться вслед за С., но она не захотела подняться, а, может, они хотели напугать нас ее видом и невменяемым состоянием. Хотя испугать нас чем-либо уже, наверно, было невозможно. Мы уже ничего не боялись. Мы не боялись смерти.

Когда она вышла из подъезда, я услышал голос того подонка в полушубке с пухлой мордой: «Ну, сейчас мы ее начнем насиловать». «Вы же звери! Вы не люди! Суки! Шакалы! Вы еще можете подходить к женщине в таком состоянии», - начал ругаться я. А в ответ услышал только стоны и крики С. Но я не знаю, что они с ней делали, может, избивали или ширяли чем-то металлическим.

Наступило временное затишье. Я прошел на кухню и выглянул на улицу. Я увидел милицейский «уазик» и четырех милиционеров, которые стояли и грелись у костра; в костре же горели чьи-то вещи, мебель, имущество. Я вернулся к двери и говорю отцу: «Милиционеры заодно с ними». Настроение у меня уже было не то, что раньше. Я чувствовал, что силы покидают меня. А после того как я увидел С., мне стало плохо, я представил, что сделают с моей женой и детьми, если возьмут нас, если мы не выстоим. А тут еще милиция стоит вместе и греется. А они все лезут и лезут. Я понял, что все это было подготовлено заранее на государственном уровне.

Раздался телефонный звонок. Я поднял трубку и услышал голос Вартанова Бориса, моего дяди, родного брата мамы. Он спрашивает: «Ну как у вас там?». Я говорю: «Дядя, силы уже покидают нас. Если нас здесь прирежут или убьют, не оставляйте наши тела, заберите нас». Сказал я ему это и слышу, как он плачет в телефонную трубку. Я ему говорю: «Не плачь, ты же мужчина. И ты старше меня». А он говорит: «Чем же я могу помочь вам?». «Ничем», - ответил я.

Я простился с дядей и положил трубку. Почти сразу же вновь зазвонил телефон. Это был мой старший брат Павлик, он жил в четвертом квартале, недалеко от горкома партии. «Как ты?» - спросил он. Я объяснил коротко, что происходит. «К вам бронетранспортер выехал минут пять назад». «Никого тут нет», - говорю я и сам смотрю в окно кухни. И вижу, что метрах в ста от нас костер горит, БТР стоит, войска – я это ясно и отчетливо видел, так как кругом горели костры. И никто из этих подонков не подходил, не пытался помочь. Оказывается, как потом сказали, они ждали приказа. А какого приказа можно ждать в тот момент, когда истребляют людей? Я сказал брату: «Воспитаю детей моих, если я в живых не останусь». А он плачет и успокаивает меня: «Не бойся, все будет хорошо». Я положил трубку, не мог больше говорить. Потом я подошел к двери и слышу, как дядя Грант говорит: «Кажется, кто-то сверху лезет». Я оставил отца у наших дверей и поднялся сам наверх. Смотрю – юнец, лет 14-15, с трубой. Оказывается, они спускались с крыши через квартиру на пятом этаже, там никого не было. Они поднимались на крышу через люк второго подъезда, с крыши спускались на балкон тринадцатой квартиры, оттуда уже выходили на нашу лестничную площадку пятого этажа. Этот парень начал размахивать трубой, пытаюсь достать меня. Я его стукнул топором, и он свалился. Правда, ударил я его не лезвием топора, а обухом. Потом спустился вниз и говорю: «Там больше никого нет». У отца из уха шла кровь, у него лопнула от удара барабанная перепонка и рука была повреждена. А я чувствую, что не могу уже, силы уходят. Я говорю: «Отец, ослаб я что-то». А он успокаивает меня: «Не волнуйся, все будет хорошо».

Я откинулся на дверь и начал сползать на пол. Потерял сознание. Больше ничего не помню...

...Только через неделю я узнал, что от ран скончался мой отец, погиб Рафик Товмасын. Остальные все живы, хотя дядя Грант был искалечен не меньше меня. Главное – мы защитили женщин и детей. До них гады не добрались. Узнал я также, что только из нашего, шестого дома в тот день погибли семь армян...

23 ноября 1988г., Ереван.

Мы заключаем публикацию вопросом С. Шахмурадян, записавшему свидетельства И. Трдатяна, редактору-издателю книги «Сумгаитская трагедия».

Корр.: Читателям будет интересно узнать о дальнейшей судьбе героев этого необыкновенного рассказа.

С.Ш.: Трдатяны после долгих мытарств наконец-то получили квартиру. Ишхан водит тяжелый грузовик. В Армении у него родилась дочь. В городе, где он живет, уже многие знают этого внешне спокойного человека со шрамами на лице, с резким, немного надменным взглядом; знают его историю. Но сам он, как и раньше, не любит вспоминать о том, что произошло в Сумгаите.

Семья Рафика Товмасына живет в поселке Бюрегаван. Грант Адамян собственными руками отремонтировал квартиру. У Рафика славные дети. Старшая, Рузанна, как и отец, пишет стихи на армянском языке. Однажды она послала письмо Горбачеву. Это страшно: ребенок обвинял главу государства в том, что он не защитил отца.

В последний раз, когда я был у них дома, Рая, жена Рафика, сказала: если бы Рафик остался жив, он не сидел бы дома, был бы в своем Карабахе, с фидаинами.

Источник: “Зеркало мировой прессы”,

1991 год , 7-13 марта N 8 (15)

ВОДОРАЗДЕЛ

ПЕРВОНАЧАЛЬНО отрывочные сведения о трех последних февральских днях, последовавшие затем напоминающие бред безумного свидетельства беженцев-очевидцев, разрастаясь подробностями, зловещими, наводящими ужас, поначалу ввели всех в прострацию. Кажущиеся неправдоподобными и непостижимыми размеры и методы кошмара, амплитуда количества палачей и жертв, накладываясь на официальные сообщения с их искажениями и умалчиваниями, и полное отсутствие информации разверзли ту бездну, которую условно можно назвать сумгаитским водоразделом.

До сумгаита и после сумгаита...

Если до сумгаита были крепко зажмурены многие и многие глаза, безучастны многие и многие умы и спокойны сердца, то после сумгаита прозвучало тревожное: неужели ничего не изменилось? Не изменилось ничего с 1895-го, 1915-го, 1920 годов? Уже в начале марта азербайджанский писатель улыбался и разглагольствовал о дружбе народов по Центральному телевидению, а спустя несколько дней во главе официальной делегации отбыл в Анкару...

Было заявлено, что никто не избежит наказания. И вот на скамье подсудимых оказались девяносто молодых людей и недорослей, арестованные, большей частью, в последний день. Согласно официальным, опубликованным в печати сведениям, убито двадцать шесть армян, более четырехсот получили телесные повреждения различной тяжести, сожжено более двухсот квартир, разграблены сотни домов, разрушены более пятидесяти объектов культурно-бытового назначения, повреждены или уничтожены более сорока автомототранспортных средств, часть которых сожжена. Государству нанесен ущерб более чем на семь миллионов рублей...

Возникает вполне законное недоумение: как могло случиться, что девяносто желторотых юнцов в течение трех дней разносили целые кварталы, насиловали, жгли, убивали, грабили и мародерствовали, копируя, подобно прилежным ученикам, давние и знакомые методы? Ведь на каждого арестованного в городе

приходилось несколько штатных милиционеров, прибавим сюда введенные на второй день в город воинские подразделения и боевую технику. Официально было зафиксировано, что к уголовной ответственности будут привлекаться сотрудники сумгаитской милиции. И если это будет действительно так, то, думаем, судить их надо не за профессиональную беспомощность, мягче — за безволие, еще мягче — за халатность, а по обвинению в содействии погромам, резне, грабежам. Свидетельств более чем достаточно: местная милиция буквально покровительствовала диким толпам.

Невольно снял с полки монографию «Геноцид армян в Османской империи». Посол России А. И. Нелидов свидетельствует:

«Из разных турецких кварталов высыпали вооруженные ножами и прутьями толпы башибузуков, которые стали нападать на всех тех, кого принимали за армян, и началось самое варварское избиение беззащитных и ни в чем не повинных христиан. Полиция не только оставалась спокойной зрительницей происходящих ужасов, но даже во многих случаях принимала участие в убийствах и грабежах. Войска, весьма поздно появившиеся на месте беспорядков, также ничего не предпринимали для их прекращения».

Газеты сообщили, что сумгаитские убийцы были вооружены ножами, топорами, огнестрельным оружием, заранее изготовленными одинаково заостренными металлическими прутьями, бутылками с зажигательной смесью. Десятки лет назад в Константинополе, согласно официальному документу, «...по предварительной разработанной системе банды головорезов были вооружены ножами, огнестрельным оружием, керосином, специальными дубинками со свинцовыми наколочниками одного и того же образца».

Были групповыми все изнасилования в «городе дружбы народов». Варвары часто доводили своих жертв до смерти. Насиловали девушек и пожилых женщин; сорвав одежды с измученных и растерзанных, водили их по дворам и улицам, глумились перед входом в чайханы. В одном из документов той же монографии говорится: «...вожак Хаджи Бего проявил чудовищную жестокость, он заставил разрезать на четыре части одну женщину и повесить куски ее тела на столбах для

всеобщего обозрения; по приказу этого палача другая женщина была раздета догола и проведена обнаженной по деревне...»

Чудовищная связь времен. Невидимый мост преемственности, который красноречивее всех доказательств свидетельствует, что “сумгаит” не свалился с неба. Связь эта станет тем более явственной, если те, кто в наши дни упорно игнорирует факт геноцида, хотя бы раз перелистают эту монографию. Перелистают и убедятся, что сумгаитский кошмар стал возможен по той единственной причине, что цивилизованный мир до сих пор не осудил одно из величайших преступлений против человечества. Не осудил, а значит, не оградил себя от тьмы и геенны.

В МОСКВЕ, в здании Верховного суда СССР, продолжается суд над Ахмедовым, Исмаиловым и Джафаровым¹.

Выдержка из обвинительного заключения:

«Руководимая Ахмедовым А. И. группа хулиганствующих лиц, в которую, наряду с неустановленными лицами вошли Джафаров Я. Г., Исмаилов И. А., вооруженная топорами, ножами, металлическими трубами, арматурными прутьями, камнями и другими предметами, врывается в квартиры, в которых проживали граждане армянской национальности, ломала двери, мебель, другие предметы домашнего обихода, била посуду, стекла в окнах, выбрасывала из квартир, жгла и грабила имущество, причинив своими действиями крупный материальный ущерб каждой подвергшейся нападению семье (перечисляются 17 квартир квартала 41а. - А. О.) ...Общий размер причиненного потерпевшим материального ущерба от погрома указанных квартир составил 215.919 рублей. Затраты на ремонт этих квартир в этой связи составили 4.904 рубля».

Предвидя возникающий сразу вопрос, а кто эти другие, неустановленные лица, приведем еще одну выдержку:

«В совершении преступлений принимали участие сотни граждан, в основном

1. Автор статьи присутствовал в Москве на заседаниях Верховного суда СССР, где в октябре-ноябре 1988г. слушалось одно из уголовных дел о сумгаитском погроме. См. Павел Геворкян. “Дневник судебного процесса по уголовному делу о преступлениях, совершенных против армянского населения в гор. Сумгаите 27-29 февраля 1988г.”, а также другие материалы и фото на www.karabakhrecords.info

азербайджанской национальности. Погромы квартир, поджоги, избиения, изнасилования, убийства совершались группами бесчинствующих хулиганов. Часть из них следствием установлена и привлекается к уголовной ответственности... некоторые из этих лиц осуждены. Расследование преступной деятельности этих лиц продолжается и займет длительное время»... Заверение есть, сроки, понятно, указаны быть не могут.

Но возникает другой вопрос: что это стряслось с нашими следственными органами? В случае обыкновенной квартирной кражи, если обнаружен хотя бы один из злоумышленников, выявление других, как уверяют мужественные и проникательные капитаны и майоры-киногерои, всего лишь «дело техники». Но вот официально объявлено, что значительную часть «хулиганствующих элементов» составляли учащиеся ПТУ и живущие в антисанитарных, невыносимых условиях («нахалстрой») отчаявшиеся, преступные элементы. Что же получается: до этого они не знали друг друга, сбились в стаи лишь в последние февральские дни? Три дня подряд, средь бела дня в присутствии тысяч свесившихся с балконов «зрителей» творили они преступления. И что же, представляет большую трудность выявить свидетелей?

Что бы там ни было, допустим, что это следственная тайна и людям, далеким от юриспруденции, не разобраться в этих тонкостях и хитросплетениях. Согласимся с этим и подождем, когда же обнаружат остальные сотни преступников. Точнее, тысячи. Поскольку любое лицо, ставшее очевидцем и не сделавшее попытки предотвратить, остановить преступление, становится по закону его участником.

И трое преступников в зале Верховного суда СССР в большей или меньшей степени отказываются от своих прежних показаний, отрицают или признают частично свою вину, изворачиваются, лгут, уличаются во лжи, притворяются простачками и снова лгут. Но слишком вески доказательства, многочисленны свидетели, суд располагает обширными фактами, и возмездие кажется неотвратимым.

Есть еще время для точного определения, и в зале суда решается судьба только троих из них.

Троих из них. Всего лишь троих...

Отдельное дело, небольшой фрагмент бездонных сумгаитских злодеяний, в основном о тяжких преступлениях в городском квартале № 41а.

Семь жертв: Аракелян Арташ Левонович, Амбарцумян Миша Арсенович, Мелкумян Согомон Маргарович, Мелкумян Раиса Арсеновна, Мелкумян Ирина Согомоновна, Мелкумян Эдуард Согомонович, Мелкумян Игорь Согомонович.

ЛЮБОЕ преступление, большое или малое, тяжкое или не столь значительное, имеет свои побудительные причины, мотивы, цели. Повторим эти азбучные истины и вновь приведем выдержки из обвинительного заключения:

«...Увидев это, Ахмедов подбежал к Бабяну А. А. и с целью умышленного убийства из хулиганских побуждений замахнулся на него имевшимся у него топором, намереваясь нанести удар по голове... (Растерзанный А. Бабян остался в живых, сумев укрыться в проходной молочного комбината, в это время появились бронетранспортеры и преступники убежали². - А. О.)... Подошедший Ахмедов присоединился к Джафарову, Исмаилову и другим и начал избивать Аракеляна А. Л. В ходе избияния потерпевшего Ахмедов имевшимся у него в тот момент секачом нанес Аракеляну А. Л. с целью убийства из хулиганских побуждений удар по спине. Джафаров и Исмаилов имевшимися у них топорами с той же целью также нанесли Аракеляну А. Л. по несколько ударов каждый по голове и другим участкам тела... После совершения убийства, проявив жестокость, хулиганствующие лица труп Аракеляна А. Л. сожгли... С целью совершения умышленного убийства из хулиганских побуждений Аракелян А. Т. (жена Аракеляна Арташа - Ася. - А. О.) он (Джафаров - А. О.) имеющим у него ножом нанес ей несколько ударов в различные части тела... Полагая, что от причиненных ей повреждений Аракелян А. Т. скончалась, поскольку не подавала признаков жизни, на нее набросили палас, облили легковоспламеняющейся жидкостью и подожгли, в результате чего Аракелян А. Т. были причинены термические ожоги плеч и спины 2-3 степеней... (Рассказанное в зале суда этой чудом уцелевшей, мужественной и невероятно выносливой женщиной предпочитаю не излагать. - А. О.) ...Джафаров с целью

2. Впоследствии выяснилось, что А. Бабян был убит, имеется свидетельство о смерти. Дополнительные материалы и фото см. на www.karabakhrecords.info

умышленного убийства из хулиганских побуждений топором нанес удар по голове Мелкумян Эд., который затем другими лицами был брошен в горящий рядом костер...»

И так — все время...

Предварительным следствием перечисленные действия определены следующим образом:

«Ахмедову Ахмеду Имани-оглы... организация и непосредственное участие в массовых беспорядках, сопровождающихся погромами, разрушениями, поджогами и другими подобными действиями; покушение на умышленное убийство из хулиганских побуждений одного лица; умышленное убийство из хулиганских побуждений с особой жестокостью второго лица; организация умышленного убийства из хулиганских побуждений с особой жестокостью нескольких лиц и пособничество в их убийстве, как лицо, совершившее ранее умышленное убийство».

С незначительными различиями такое же определение в отношении Исмаилова и Джафарова. В обвинительном заключении нет иного определения побудительных мотивов и целей.

Чуть позже увидим, как вожак Ахмедов объясняет свое участие в происшедших событиях.

А пока выясним, что же такое «хулиганство». Согласно советскому уголовному законодательству — это умышленное действие, грубо нарушающее общественный порядок и выражающее явное неуважение к обществу. Особо строгая ответственность установлена за злостное хулиганство (действия, отличающиеся исключительным цинизмом, особой дерзостью, с сопротивлением представителям власти, а также с применением (или попыткой применения) оружия). За мелкое хулиганство виновные привлекаются к административной, ответственности.

Определение хулиганства одинаково в Уголовных кодексах всех союзных республик. Не представляет труда взять эти кодексы и попытаться втиснуть в рамки определения действия, совершенные, пусть даже не главарем, а отметившим в августе свое 18-летие Джафаровым. Даже при очень большом желании

определение «хулиганские побуждения» вызовет снисходительную улыбку у стороннего человека, а у целого народа, пережившего не одну резню, давшего на кровавый алтарь миллионы, потом десятки тысяч, а в наши дни уже десятки жертв, может возбудить лишь гнев и ярость. Хулиганством можно назвать лишь «соображение», что, мол, видите, число жертв со временем сокращается, потому что оно отличается откровенным цинизмом, особой наглостью. Но и в этом случае только при большом желании....

Вернемся к Ахмедову. Согласно его собственным показаниям, 29 февраля до 14 часов он находился на рабочем месте, потом направился домой. Дойдя до пересечения улиц Мира и Дружбы (какие названия!), где расположен автовокзал, решил принять участие в митинге, послушал выступающих, которые говорили, что в Нагорном Карабахе убивают азербайджанцев, насилюют женщин. Кто-то сказал, что на станцию Баладжары прибыл состав из Карабаха, набитый трупами убитых. Все это и явилось причиной его участия в массовых беспорядках. Когда в толпе раздались призывы отомстить армянам, он взял мегафон из рук одного парня и предложил пойти в квартал 41а, громить квартиры армян. Большая часть молодежи откликнулась на этот призыв, и толпа двинулась вперед.

Идущий себе домой с работы и внезапно ощутивший в себе потребность в мщении прессовщик кричал в мегафон следующие призывы: «Громите квартиры, но вещи не берите, а уничтожайте», «Мусульмане, укажите квартиры армян» (свидетель М. Ильясов), «Смерть армянам, армяне здесь больше жить не будут», «Вы не знаете, что делается с нашими братьями и сестрами в Нагорном Карабахе. То что мы делаем — ерунда» (свидетель Н. Теюбова), «Мусульмане, покажите армян, мы их убьем» (свидетель Ф. Аббасова), «Да здравствует Азербайджан», «Братья, наших братьев и сестер убивают в Карабахе, будут и вас убивать» (свидетель Р. Адилов).

Другой свидетель, А. Меликов, заявляет, что среди тех, кто выводил из его квартиры укрывшихся там Игоря и Эдика Мелкумянов, был и парень с мегафоном, который попозже зашел вновь, чтобы попросить извинения за беспокойство, и, показав на свои руки, сказал, что на них есть кровь этих армян. Свидетель Р. Рзаева

говорит: «...потом этот мужчина упал лицом вниз. Тогда мегафонщик ударил этого мужчину тесаком один раз по спине. Мужчина больше не двигался. Мегафонщик ударил его последним. На тесаке после удара была кровь, и мегафонщик потому обтирал тесак о ковер, который накинули на мужчину перед тем, как поджечь его...».

21-го октября, во время судебного заседания одна из овдовевших невесток семьи Мелкумян — Карина Мелкумян от имени всех потерпевших сделала на суде следующее заявление и попросила внести его в дело:

«Уважаемые судьи.

Велико наше горе, неизлечимы наши раны, несмотря на грядущий приговор.

Мы потеряли своих близких, некоторые из нас — буквально всех.

На скамье подсудимых перед нами и вами трое бандитов, которые любыми способами пытаются уйти от заслуженной кары, ведут себя нагло и вызывающе. Для нас, для вас тоже очевиден тот страшный факт, что они хотя бы внутренне не осуждают свои мерзкие преступления. Наоборот, считают себя жертвами сегодня, а героями — после оглашения приговора.

По ходу процесса становится явным и очевидным, что трое бандитов, а один из них недоросль, не смогли бы бесчинствовать, убивать и насиловать целые кварталы, жечь дома и трупы, машины и живых людей.

Разве у вас не возникает вопрос, а где те сотни людей, где истинные организаторы этого страшного преступления не только против армян, но и всего советского народа, всего человечества?

В советской прессе появилось сообщение о процессе в Бразилии: действия пятерых бандитов, которые привели к убийству трех индейцев, квалифицированы как геноцид.

А разве не геноцид убийство мирных жителей — сумгаитских армян? Вы не убеждены в этом? Вы — высококвалифицированные юристы, которые впервые в своей обширной практике сталкиваются с подобными проявлениями национальной ненависти, вандализма и зверства.

Мы считаем, что высший орган советского суда, выше которого только Закон, не

имеет ни профессионального, ни морального, ни человеческого права не учитывать нашу просьбу. Нашу надежду на выявление Истины. А истина всем ясна: в Сумгаите был подготовлен и осуществлен настоящий геноцид, и трое бандитов, три незначительных винтика в этом огромном механизме сидят перед нами и вами и лгут. Лгут беззастенчиво и уверенно. Мы настаиваем на соответствующей квалификации, на выявлении истины.

Не может высший судебный орган нашей страны заниматься элементарной уголовщиной, каковой представляется эпизод сумгаитской трагедии в этом авторитетном здании. Не может высокий суд не дойти до истины и не огласить ее.

Во имя Истины, во имя Закона, во имя Гуманизма».

Остается добавить, что мать преступника Джафарова — свидетель Э. Джафарова во всеуслышание заявила на суде, что истинных организаторов преступления нет на скамье подсудимых, что ее сын стал слепым орудием в их руках.

В номере десятом за этот год ежемесячника «Век XX и мир» опубликовано письмо заведующего кафедрой русского языка Ереванского государственного университета С. Золяна и комментариев к письму доктора экономических наук В. Шейниса.

С. Золян, в частности, пишет: «Что скажет о нашем обществе грядущий историк, когда, обшарив стопки газет за 1988 год, с удивлением обнаружит, что письма, соболезнования и возмущение происшедшим в Сумгаите можно найти только в личных архивах? Что скажет этот историк, когда узнает, что сумгаитские беженцы, сами нищие, перечислили деньги пережившим железнодорожную катастрофу в Арзамасе, но тщетно будет он искать в какой-либо газете упоминания о фонде помощи сумгаитцам?.. У нас общие беды и общие проблемы. Всем нам памятно выступление Г. Бакланова на XIX партконференции. Хочу повторить его же мысль, но в иной форме: кто в дни «сумгаита» предпочел молчать и к этому призывал других, кто не сказал четко и ясно, с кем он: с палачом или с жертвой, — тот завтра окажется перед необходимостью решать: кем ему быть самому — палачом или жертвой».

В. Шейнис пишет: «...значение события и элементарное чувство солидарно-

сти требовали объявить общенародный траур (который, к слову сказать, назначался у нас в последние годы по менее существенным поводам). Но если первую реакцию еще можно объяснить элементарной растерянностью, то нельзя понять, почему суду над участниками массовых беспорядков и бандитизма (а не просто хулиганства) не было придано соответствующее общественное звучание, и гласность была как бы притуплена. До сих пор не дан внятный ответ, кто должен отвечать и как могло случиться, что решительные меры были приняты лишь на третий день погрома, развернувшегося рядом с азербайджанской столицей».

Именно в день, когда были приняты решительные меры - 29 февраля - совершались зверские преступления в 41а квартале, и судьба троих из них решается в Москве.

ФОТОСНИМКИ Мелкумянов, со свидетельствами о смерти, кратким описанием убийств, видели очень многие.

Вспомним еще раз их спокойные, благородные лица, глаза Согомона, навевающий домашний покой взгляд Раисы, гордую осанку Игоря и Эдика, милое лицо Ирины с едва заметной улыбкой. Сколько похотливых взглядов провожали ее от дома до аптеки № 353, где работала она до своей мученической смерти...

Не могу писать здесь обо всем том, что явственно предстало из показаний свидетелей, описания отдельных убийств, результатов судебно-медицинской экспертизы, не могу ни во имя чего. Это не выше моих сил. Это выше нашего национально-го нравственного естества. Переживания и нервные потрясения находящихся в зале нас, армян, пусть будут и останутся только нашими. До конца жизни.

Для того, чтобы создать приблизительное представление об этом дантовом аде, приведем лишь одно свидетельство. З. Саламов рассказывает:

«...Я увидел, что возле 3-го подъезда дома 2б, где проживали армяне, бьют женщину... Это была пожилая полная женщина. Мне было известно, что она является матерью двух братьев-армян... Из подъезда № 3 вывели мужчину в возрасте 30 лет... Когда его вывели, то сразу ударили. Затем его сразу отвели к торцу дома 5в и стали избивать... После этого парень в возрасте 23 — 28 лет подошел к мужчине, который уже избитый лежал на земле, и положил ему за пазуху горящую тряпку.

Мужчина вскочил с земли, закричал и побежал за дом 2б. Больше я этого мужчину не видел... Далее увидел, что из второго подъезда дома 2б вывели Ирину. Я ее знал... Толпа повела ее к трансформаторной будке. Что с ней делали, мне не было видно. Когда толпа расступилась, я увидел, что она голая лежит на земле, и ее бьет лопатой по спине подросток в возрасте 14-15 лет. Ударил он ее по спине подряд примерно 5 — 6 раз. Ирина поднялась, замахала руками. Ее опять ударили... Ирина опять упала... Отец позвал меня домой. Сколько было времени, я не знаю. Но уже темнело. Когда подошел к подъезду, то увидел, что Ирина мертвая. Я так подумал потому, что она была без движения. Глаза у нее были открытые, в крови. Она была в сидячем положении. Спина была прислонена к деревянной тумбочке, которая горела... Вокруг Ирины уже никого не было...»

Спустя шесть дней после кровопролития, в Степанакерте, у братской могилы был воздвигнут памятник жертвам новой резни. 24-го апреля в Ереване, на холме Скорби «Цицернакаберд» поставили Хачкар памяти и обета. Имена семьи Мелкумян должны быть первыми выбиты на наших монументах, во имя чудом уцелевших их внуков, во имя всех оставшихся в живых, во имя нашей безопасности и как призыв быть бдительными.

ГЕНОЦИД, большой и малый, величественные монументы и скромные памятники. Снова и снова ищешь ответ на вопрос: кто были они, озверевшие эти толпы в том единственном городе Советского Союза, где есть музей дружбы народов.

Кто эти — трое из них? В прошлом преступники и злостные хулиганы? Отнюдь. В обвинительном заключении есть сведения, характеризующие личности обвиняемых. Вот они.

Ахмедов Ахмед Имани-оглы — учился в местной школе, окончив 8 классов, поступил в ПТУ, в 1982 году был призван в Советскую Армию, после демобилизации работал на разных предприятиях, в момент ареста работал на прядильной фабрике старшим прессовщиком, с места работы и учебы представлены положительные характеристики, ранее не судим.

Исмаилов Исмаил Азадоглы — учился в местной школе, окончил 8 классов, слу-

жил в Советской Армии, в момент ареста работал в тресте «Азхимремонт» сварщиком, с места работы, учебы и жительства представлены положительные характеристики, ранее не судим.

Джафаров Явар Гияс-оглы — окончил 8 классов школы, до совершения преступления учился в ПТУ специальности сварщика, выполнял в школе общественную работу, согласно характеристике с училища — дисциплинирован, активно участвовал в общественной жизни, ранее не судим.

В общем, как и вся советская молодежь. В обвинительном заключении не указано, но трудно предположить, что они не являлись членами ВЛКСМ: все-таки и служба в армии, и положительные характеристики. И дофевральское их существование никак не подпадает ни под определение «хулиган», ни «рецидивист». Прикрываются единственным «оправданием»: они мстили, разъяренные услышанным на митинге, хотя и зверь не пошел бы на такое, что они творили. Эти трое из них... И какие это изуверские курсы надо пройти, чтобы так, без подготовки убивать, калечить, насиловать, грабить, жечь, и все это на «любительском» уровне... Загадка? Отнюдь. Были не только слухи о «баладжарском поезде», были не только матери, простоволосые, бьющие себя в грудь, обращавшиеся к своим сыновьям по бакинскому телевидению: «балаларым, чего вы сидите?...», не только сумгаитские и бакинские деятели и «актриса» призывали к действиям. Корни оголтелого шовинизма, национальной ненависти, армянофобства намного глубже и обширнее. Это все хорошо нам известно и неведомо лишь легковерным или предпочитающим легковерие.

Последние, если имеют хотя бы смутные представления о Библии, то о Коране вообще и не слышали. Но не мешало хотя бы поверхностно познакомиться с этой главной книгой ислама, которая не раз издавалась в нашей стране и только в Азербайджанской ССР проповедуется более чем в четырехстах нелегальных мечетях. Об этом сообщала советская печать. Эта книга буквально призывает убивать неверных, пятая сура предупреждает: «Не берите иудеев и христиан друзьями... А если кто из вас берет их себе в друзья, тот сам из них».

В нашей стране свободы вероисповедания, где было разрушено, взорвано,

отдано под хлевы и амбары около 10000 памятников христианского зодчества, было в то же время построено 1600 новых мечетей. Не по той ли причине, что величайший палач — Сталин боялся угроз Корана: «Воздаяние тем, которые воюют с Аллахом... Они будут убиты или распяты, или будут отсечены у тех руки и ноги накрест...».

Как выглядят эти явные призывы к насилию рядом с действующими советскими законами, которые предусматривают наказание за пропаганду насилия? На лозунгах организаторов резни 88-го года были начертаны высказывания из Корана: «Аллах проклял неверных и подготовил огонь для них». В ином случае посмели бы «хулиганствующие элементы» четвертовать «неверных», сжигать на «подготовленном пламени» людей? Не посмели, если бы не обладали слепой верой, что они останутся безнаказанными, что выполняют они «священный долг», высшую волю...

Иначе как объяснить, что ни один азербайджанский интеллигент, ни один академик, писатель, музыкант, художник, режиссер, физик... полусловом даже не осудил преступления своих соотечественников, хотя бы в частных письмах?!

Совсем недавно в Москве на очередном заседании клуба «Демократическая перестройка» Галина Старовойтова заявила, что у нее есть сведения, добытые настойчивыми поисками, что пять представителей азербайджанской интеллигенции в той или иной форме осудили «сумгаит». И, если рассматривать это число на фоне лозунгов «Свободу сумгаитским героям» на бакинских митингах, то можно счесть это число... вполне достаточным.

Один из тех, кто осудил эти злодеяния, — Чингиз Гусейнов. 8-го августа сего года на брифинге «Нагорный Карабах и гласность» известный азербайджанский писатель, доктор филологических наук, в частности, сказал: «...Конечно, это («сумгаит» - А. О.) позорная страница в истории азербайджанского народа. Это нужно признать... Я должен сказать, что исполнителями чьей-то воли выступали действительно люди, имеющие несколько судимостей, то есть люди хулиганствующие... Что касается суда над зачинщиками армянского погрома в Сумгаите, наши правоохранительные органы несколько замешкались, растерялись. Надо было

действовать сразу, не дожидаясь... Сумгаитская трагедия... я повторяю, на совести азербайджанцев, но вместе с тем необходимо отметить, что эта ситуация не всегда используется в целях установления истины, и это усугубляется тем, что правоохранительные органы действуют очень медленно».

Видный писатель и ученый, живущий в Москве, прав: да, это позорная страница в жизни азербайджанского народа, всех народов нашей страны. Ведь любого мало-мальски цивилизованного человека приведут в содрогание скупые, но полные жесточайшего трагизма строчки из свидетельских показаний:

«Да здравствует Азербайджан, долой армян!» (свидетель С. Мирзоева),

«...его окружили человек 15-20 и стали бить топорами, ножами, палками. Били этого мужчину по телу и голове. Потом один из парней вытащил горевший матрас и накрыл им мужчину...» (свидетель Д. Зербалиев),

«...горел весь, сразу. Какой-то пацан бросил в огонь тряпку и убежал...» (свидетель А. Минасянц),

«...девушку раздели и бросили в ящики... Девушка раздвинула ящики и закричала. Тогда к ней подошел парень, примерно 20-22 лет. Этот парень принес с собой чайник — белого цвета, с мелкими цветочками. В этом чайнике был бензин. Парень из чайника облил девушку бензином и сам же поджег ее» (свидетель М. Мамедов),

«...туловище этого парня оказалось в костре, а ноги вне костра. Он подавал еще признаки жизни, пытался выползти из костра, но какой-то парень придерживал его куском арматурного прута и не давал этого сделать...» (свидетель М. Мамедов, обвиняемый по другому уголовному делу).

«...Двое мужчин потащили лежащего парня к костру... и бросили его в огонь. Потом подходили подростки и палками подталкивали тело этого парня в костер» (свидетель С. Еникеев),

«...я не видела, чтобы на него кто-то вылил бензин, но неожиданно верхняя часть тела парня вспыхнула. Он сразу же упал на землю и начал крутиться, видимо, хотел погасить пламя, но быстро затих» (свидетель И. Байкова).

И как после этого всего будут жить эти азербайджанские недоросли? Кто они:

«мстители», «хулиганы», «преступники»...?

Суд на этот вопрос, возможно, не ответит. Его дело наказывать. Коллективная совесть азербайджанского народа - его интеллигенция, также не собирается отвечать? Первым делом - себе. Сами - себе. И своему народу. Нам ответ не нужен. Ответ нам известен... Он будет сведен к испытанному «аргументу». Мол, всколыхнувшее Нагорный Карабах и Армению мощное всенародное движение, выдвинувшее конституционные и справедливые требования, вызвало противодействие в Азербайджане, и... темные силы учинили сумгаитскую резню. Других формулировок пока нет ни в азербайджанских источниках, ни в «мотивировках» преступников.

В печальной памяти статье «Эмоции и разум» так и написано: «Страшнее произошли события в Сумгаите. Пользуясь взрывоопасной ситуацией, уголовные элементы с целью грабежа врываются в некоторые квартиры, где жили армяне». Само время очень быстро и без всяких усилий опровергает все положения этой статьи. Опровергает неумолимо, ибо держит в своих руках перо истины.

Пятьдесят два года назад в номере от 19 августа 1936 года «Правда» напечатала пространную статью тогдашнего руководителя партийной организации Закавказья Бери, в которой автор обвинял первого секретаря ЦК Компартии Армении Агаси Ханджяна в национализме только по той причине, что Ханджян осмелился выступать за воссоединение Нагорного Карабаха с Советской Арменией. Вполне понятно, что руководитель армянских коммунистов был объявлен врагом народа.

Так что не новость ни проблема Нагорного Карабаха, ни предпосылки сумгаитского ада. И цель развернувшейся «вокруг событий» недостойной возни и нечистоплотных «игр» — попытаться завуалировать правду «святой» ложью и недомолвками замаскировать всенародное движение со справедливыми требованиями и трагедию.

Не думаем, что удастся. Даже если сотни раз будут повторять вздорные формулировки типа «группа экстремистов» или «умышленное убийство из хулиганских побуждений», суть извратить не сумеют. Черное есть черное. Белое

есть белое. Серые - волки, которые очень опасны, когда сбиваются в стаи...

ВРЕМЯ от времени всматривался в лица этих троих... Превозмогая боль в сердце, желудочные спазмы, головную боль, сдерживая слезы, всматривался в каждого в отдельности, пытаюсь уяснить для самого же себя, что я о них думаю? Особенно о вожаке - этом человекообразном с правильными чертами лица. О втором, с тонковатой шеей. О подростке с волчьими глазами.

И вдруг понял, что ничего не думаю. Ощущаю в себе и ненависть, и ярость, и ... жалость. Не прощение, не христианское отпущение, а жалость. Жалко их, не имеет смысла так жить, так жить означает стать тяжелой обузой для всех.

Понял, когда прощался с овдовевшими невестками Мелкумянов, с вдовой М. Амбарцумяна, с присутствующими в зале суда армянами.

Понял, что думаю о наших юношах и девушках. Остро появилось желание видеть всех счастливыми, гордыми, благородными, порядочными, физически здоровыми, безупречными... Захотел видеть их всех в спортивных залах, где они приобретали бы физическую закалку, чтобы безоружными суметь одолеть вооруженный сброд, видеть всех нераздельными с Землей и Книгой, на благо оставшейся нам частицы страны Наири, пожелал поприсутствовать у всех у них на свадьбах, пожелал слышать нескончаемый крик новорожденных в Армении и Карабахе, армянской диаспоре - везде, где есть армяне. Чтоб восполнялись потери миллионов - десятков тысяч - десятков, во имя нашей стойкости, вечности, бесконечного движения вперед.

Я пожелал, чтобы кончился этот кошмар.

Армен ОГАНЕСЯН.

Москва — Ереван.

Газета «Коммунист» № 258(16537), 2 ноября 1988 г.

БЕЗ ПОКАЯНИЯ

Свобода убивать была провозглашена три года назад в Сумгаите

«...В день оленевода опять были угрозы расправы, обещали «устроить Карабах». Мы с мужем и сыном сидели, погасив свет и задраив окна, как в войну. Боялись выстрелов. Казалось, что это последний день оленевода в нашей жизни и вообще — последний... Кому мы нужны, отщепенцы и изгои? Ну станет на одну семью в Союзе меньше, какая разница?»

Это пишет из маленького якутского поселка учительница Людмила Степановна Мамедова, русская, проживавшая ранее в г. Сумгаите и считавшая, что «лучше Азербайджана места на свете нет». Муж у нее тоже учитель, азербайджанец...

Что за путаница? Кто выгнал азербайджано-русскую семью из Азербайджана? С какой стати им грозят Карабахом? Как занесло этих южан к оленеводам на Крайний Север?

Никто не выгонял, сами уехали. «Потому что после резни в Сумгаите невозможно было жить как прежде, и мы понимали, что рано или поздно свихнемся от мысли «кто виноват?». Уехали, спасая душу единственного сына, «чтобы с детства ему не вдалбливали, что человек другой нации — твой личный враг». Уехали, гонимые чувством невольной своей вины и причастности, и вдруг... «В Краснодарском крае, когда узнавали, что мой муж азербайджанец, на нас смотрели, будто мы и есть те самые убийцы...» На Крайний Север они подались, потому что там жили знакомые, «а главное — надеялись хоть в такой дали найти моральное успокоение».

В первую же неделю на новом месте учительнице Мамедовой пришлось разнимать в клубе пьяную драку: двое эвенков и двое русских выясняли, кто кого завоевал... «И все это на глазах у детей!».

Это письмо, отнюдь не самое трагическое в моей беженской почте, выбираю потому, что в нем — тот мучительный вопрос, на который до сих пор не ответило себе наше общество: можно ли было жить «как прежде» после того, как произошел Сумгаит?

...Издевка судьбы: Сумгаит был единственным городом в стране, где

существовал музей «Дружбы народов», помпезное сооружение... Что произошло в Сумгаите?

Официальной статистики нет, поэтому привожу цифры, собранные одним из азербайджанских общественных деятелей, у которого болит совесть. Итак:

За три дня в Сумгаите было совершено 193 погрома и поджога.

32 убитых, 130 раненых граждан, 275 раненых военнослужащих.

Нанесен ущерб в 7 миллионов рублей. Привлекались к суду 97 человек.

Осуждены — 67.

К высшей мере наказания — один.

11 осужденных сегодня уже на свободе.

Мы знаем, что сумгаитские дела были раздроблены на множество отдельных процессов и разбросаны по разным городам Союза. Это был не суд, а фарс. В Москве потерпевшие в знак протеста покинули здание Верховного суда СССР. Чем закончились суды, пресса так и не сообщила. Стыдно сообщать? Ведь правосудие «не заметило» всего-навсего главного: сумгаитские погромы — не стихия разбушевавшихся «хулиганствующих элементов», а тщательно организованный геноцид армянского народа.

«Мы опоздали всего на три часа», — посетовал Горбачев по поводу сумгаитских погромов. Вакханалия насилия началась 27 февраля, а войска, введенные только 29 февраля, на третий день, опоздали, оказывается, «всего на три часа». Услышав это циничное заявление, армяне стали обвинять Горбачева в заведомой лжи, в бесчеловечной жестокости к жертвам. Но кто тогда прислушался и их «субъективному мнению»? Шел 1988 год, пик гласности, время надежд. Общество не вздрогнуло, когда после Сумгаита мы вступили в эпоху наглой перестроечной лжи.

Из показаний свидетелей- азербайджанцев:

«...его окружили человек 15—20 и стали бить топорами, ножами, палками. Потом один из парней вытащил матрас и накрыл им мужчину». «...девушку раздели и бросили в ящики... Она раздвинула ящики и закричала.

Тогда к ней подошел парень с чайником белого цвета с мелкими цветочками. В этом чайнике был бензин. Парень облил девушку бензином и сам поджег ее». «...Подойдя к своим ребятам, я заметил... как из подъезда этого дома вытащили женщину. Она была совершенно голая. Несколько человек взяли ее за руки и за ноги, оторвали от земли, стали растягивать за руки и за ноги. К этим ребятам подошел Н. А., у которого в руках откуда-то оказалась совковая лопата, и он концом черенка стал тыкать этой женщине между ног...».

В сознании массового читателя и телезрителя затолченная прессой сумгаитская трагедия (до сих пор скрываются ее масштабы!) осталась как нечто производное от Карабаха. Армяне, мол, первые начали, а Сумгаит уже был ответом азербайджанской стороны.

Ничего себе «ответ»!

Посмотрите, какая дикая логика: автономная область захотела выйти из состава республики, заявила о своих требованиях законно и мирно (решением областного Совета), а ее за это урезонивают... погромами. Где Карабах, а где Сумгаит... Где «армянские боевики», о которых нам прожужжала уши пропаганда, а где мирные сумгаитские жители армянской национальности... Значит, если кто-то где-то захотел независимости, можно в любом другом месте (за это!) убивать беззащитных людей...

Кому это выгодно? После прибалтийских событий уже не осталось сомнений, что Центр всюду крепит единство Союза испытанным «сумгаитским методом»: пытаясь разыгрывать национальную карту... В Прибалтике это не удалось, в Закавказье было проще. Но почему мы так легко поддались тогда на обмен, почему вслед за президентом старались уравнивать палача и жертву? Нас убеждали, что межнациональные распри — это так сложно, запутанно, особенно у народностей южных кровей, там сам черт голову сломит... Получалось, до сих пор получается, что все кровопролития это какое-то колдовство, накатывающее неведь откуда на тот или иной регион нашей родины.

Чем дальше отдалается Сумгаит, тем явственней становится вероломство организаторов трагедии. Тем труднее смириться, что никто из них не наказан.

...Еще 14 февраля 1988 года, сразу после первой демонстрации в Степанакерте, на ночном, заседании бюро обкома партии зав. отделом ЦК КП Азербайджана Асадов высказал угрозу: «Сто тысяч азербайджанцев готовы в любое время ворваться в Карабахи устроить бойню». Партийный руководитель знал, что говорил. Действительно, 22 февраля многотысячная толпа азербайджанцев из Агдама ворвалась в НКАО, громила дома, избивала население. Двое ворвавшихся погибли. Одного из них, как потом выяснило следствие, убил милиционер-азербайджанец. Но выступивший 27 февраля по ЦТ зам. генерального прокурора СССР А. Катусев не стал ждать выводов следствия, он подчеркнул: «Убиты двое азербайджанцев, молодые люди». Кем убиты — не сказал. Но само собой подразумевалось, что — армянами и, разумеется, боевиками, раз погибли молодые. Может быть, высокий прокурорский чин не понимал, что подносит спичку к огню? Нет, он перед выступлением советовался с руководителями НКАО и его предупреждали. В историю Сумгаита это выступление Катусева вписалось как сигнал к погромам.

В тот же день, 27-го, состоялся митинг в городе. Людей свозили на машинах предприятий, организованно. Призыв «Смерть армянам!» стал рефреном ряда выступлений. Присутствовали и городские власти, давали, как потом указывалось, «разъяснения» гражданам. «Разъяснительный» митинг следующего дня закончился эффектно: первый секретарь Сумгаитского горкома партии Муслимзаде взял государственный флаг Азербайджанской ССР и повел за собой огромную толпу. Суд не выяснил, да и не выяснял, какая часть этой толпы устремилась потом в квартал 41а, где были совершены главные зверства. Суд не интересовало, по чьему указанию на заводах города изготавливались массовыми партиями металлические прутья...

Накануне, как известно, в Сумгаит были завезены под видом кафанских беженцев уголовники из разных регионов (никаких вспышек в Кафана, которые могли бы «провоцировать потоки беженцев, тогда не было. И вообще Армения долго держалась, прежде чем на беззакония ответить беззакониями). «Беженцы» из Кафана распространяли по Сумгаиту жуткие легенды о надругательстве армян над азербайджанскими семьями. Как реагировали на эти слухи городские

власти? На суде многие свидетели показывали, что в жэках составлялись списки армян с адресами. Когда начались погромы, у большинства армян оказались отключенными телефоны. Причем обычно телефон отключался после того, как семья звонила в милицию или в горком партии с просьбой о защите.

Самый мучительный вопрос: откуда брались, по чьей команде действовали эти четко организованные тучи убийц? Что вы скажете на это, товарищ президент? За 3 года мы не услышали вашего ответа.

«...На нас напало 80 — 100 человек, все одетые в черную форму... Подъехал авто-бус, милицмейская машина. Но что милиция? Сейчас наши вещи носит милиция, а дети мои лежат в азербайджанской земле» (Р. Аванесян, мать двоих погибших сыновей).

Все это делала озверевшая толпа, одержимая массовым психозом? Но вот на одном из сумгаитских судов шла речь о преступнике, который уводит прячущихся армян из квартиры соседей и после убийства, буквально не смыв кровь с рук, возвращается в ту же квартиру и просит у хозяев-азербайджанцев прощения за «причиненное беспокойство». Он их побеспокоил, он извиняется. Эта вежливость спокойного убийцы страшнее, чем иные буйные ужасы. Он просто работал. Как впоследствии работали «омоновцы» на улицах Вильнюса.

Почему нам так долго нужно понимать самое очевидное? Почему мы сразу не почувствовали, что сокрытие сумгаитского геноцида — не случайность, а закономерность в поведении государства, совершающего, как и прежде, свои государственные преступления против личности? В годы репрессий неповинных жертв убивали штатные палачи. Теперь общество перешло... на самообслуживание.

Нельзя винить за сумгаитские погромы весь азербайджанский народ, но, безусловно, на всем народе, на всех нас лежит позор прощения убийств. И из Москвы раздавались только одинокие голоса — Сахаров и несколько других ученых, писателей. Остальные демократы были увлечены разоблачением сталинщины, обдумыванием аргументов для «круглого стола» с правительством... Сумгаит был испытанием на человечность, но демократы были слишком увлечены... политикой.

Через два года погромы повторились в Баку, и на этот раз войска «опоздали»

уже на 6 дней! Зато как спешили танки в ту кровавую ночь с 19 на 20 января 1990 года, когда Центр почувствовал угрозу коммунистическому режиму! Под гусеницами танков погибло 150 мирных жителей-азербайджанцев, а погромы пригодились Центру как оправдание этого варварства. Вся психологическая ситуация в Азербайджане, да и во всей стране могла бы измениться, если бы тогда, сразу же был осужден геноцид в Сумгаите. Если бы организаторы насилия увидели, что все тайное немедленно становится явным. И не было бы тогда этой кровавой бесконечности: Сумгаит — Фергана — Баку — Ош — Тува... Где еще взорвется и хлынет?

Полвека почти живем без войны, а потоки беженцев гуще, чем в военные годы. Вирус изгнанничества захватил уже и Россию. Та учительница Мамедова, покинувшая Сумгаит из страха сойти с ума от вопроса «кто виноват?», умоляет теперь помочь ее семье уехать за границу. «Нужно же хоть душу сына спасти, а здесь негде. От системы не убежишь...»

Что с нами происходит? Неужели мы обречены жить в потоках крови? Задавая эти роковые вопросы, надо напоминать себе: мы простили Сумгаит, мы не ужаснулись, до сих пор не покаялись. Российская интеллигенция проявила терпимость к расизму, и это стало началом перестроечного Апокалипсиса.

Лидия ГРАФОВА

Газета «Демократическая Россия», 22 марта 1991 года

НЕУЖЕЛИ ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ОСТАНЕТСЯ БЕЗНАКАЗАННЫМ?

Говорят очевидцы...

С вечера 27 февраля азербайджанцы собирались толпами и ломали будки, киоски, в которых работали армяне. За ночь порядок едва восстановился.

С воскресенья волнения усилились. Хулиганы огромной толпой собрались у горкома партии. На митинге они выкрикивали нецензурную брань и оскорбления в адрес армян. Неслось: «Выселить армян, бейте армян, вырвать их семя с корнем». Во главу огромного шествия выставив секретаря горкома, они повалили в многонаселенные кварталы. Удивляло и возмущало то, что секретарь горкома позволил себе, выступая перед ними, те же оскорбительные выпады, а также возмутительно то, что озверевшая толпа несла красное знамя. Основная масса людей шла по трассе. От них откололась часть молодежи и пошла громить дома по улице Азизбекова. Милиция с видимым одобрением смотрела на шествие, ни во что не вмешиваясь. А ведь люди несли в руках не только колы и кирпичи, но и обрезы, двустволки/бачки с бензином. Поверх современных костюмов и галстуков у многих молодых людей висели автоматы и патронташи. Мы видели маленькую часть ужасов, творимых хулиганами, превратившимися в настоящих головорезов, но и увиденное, пережитое бросает в дрожь. Сперва толпа схватила одну русскую девушку, разорвали на ней всю одежду, еле-еле ее спасли сами азербайджанки, говоря: «Она же не армянка». «А все равно, может, ее отец армянин». Не найдя армян около базара, толпа рванулась в район «Спутник». Разбивали там все окна в домах, ларьки, грабили магазины, поджигали машины и автобусы. Причем, останавливая автобус, спрашивали, есть ли в нем армяне. Предлагали им выйти. Если те не выходили или их не выдавали, автобус с людьми сжигали. Мы видели, как армян выпихивают из автобусов и отдают озверевшей толпе.

На одной остановке стояла мать с грудным ребенком на руках, ждала троллейбус. Толпа кричала: «Кто ты?»—»Азербайджанка». — «Нет, по акценту слышно,

армянка». Через секунду малыш был растоптан на асфальте.

Видно было, что свежая кровь опьянила бандитов. От стариков до мальчишек они двигались сплошной массой, по ходу толпой врываясь в дома и квартиры армян, убивая зверски детей, девушек, стариков. Убили нашего родственника дядю Сашу, инвалида, изнасиловали и убили обеих его дочерей, убили другого дядю и наших сестер Иру и Марину. Выламывали двери, поджигали квартиры, прежде вынося все хорошие вещи. С балконов кидали мебель, но самое страшное — девушек, стариков и старух. Если не могли войти к забаррикадовавшимся армянам, ломали стены соседних квартир. Причем убивали и русских, и азербайджанцев, если тех подозревали в сочувствии к армянам. Мы видели, как вывели во двор нашего знакомого соседа-музыканта, его облили бензином и сожгли, а семиклассника-сына избили до полусмерти. Рядом плеснули бензином на частную машину, в которой заживо сгорело трое армян.

Наша мама видела, что творилось около городского роддома, куда сразу пошла озверевшая толпа. Они заставили показать палаты, где лежали армянки. Слышно было, как кричат от боли беременные женщины. Им вспарывали животы, а новорожденных выбрасывали на асфальт. Некоторых оставляли в живых, но отрезали носы, уши, губы. Мы видели среди нападавших на армян много азербайджанцев, живучих в барачном районе, который в народе называют «нахалстрой» (те грязные и тесные жилища, которые выросли случайно на окраине как бы «нахальным образом»). Многие годами жили там без прописки. Известно, что они всегда завидовали. И раньше мы часто слышали: «Как это, армяне живут в хороших квартирах, а мы нет». Теперь в воскресенье кругом раздавалось: «Займем дома армян, они теперь наши». Мы многих узнавали в лицо из тех, кто участвовал в резне. «Нахалстроевцев» было немало. К ним присоединились азербайджанцы из Агдама, Евлаха, Кировабада, из Кафанского района. Их мы не знали, но об этом узнали позже. Резня и погром продолжались до 3 часов ночи.

Среди армян поднялась паника. Кто как мог, сам или с помощью подросших на танках солдат к вечеру собрались в горкоме, в доме культуры. На следующий день солдаты патрулировали город, буквально каждый квартал, но азербайджанцы

нападали и на солдат. Мы видели, как они кидаются на них, пытаются отнять оружие. Многие солдаты были ранены, мы видели их в крови с перевязанными головами. Бандиты отрывали от танковой брони даже тех, кто, казалось, уже под защитой воинов. Видели и убитых солдат. На улице Самеда Вургуня в огне сгорел целый автобус с солдатами. Его подожгли бутылками с зажигательной смесью. В ответ танки давили озверевших азербайджанцев. Полковника советской армии, пытавшегося утихомирить бандитов, оскорбляли, не давали говорить, ибо он говорил, что советская армия будет до конца защищать армянское население. Сотни армян спасли воины, вывезя их на броне в кинотеатр, горком и в дом культуры. «Ни один волос не должен упасть с вашей головы», — говорили русские солдаты.

Страшно то, что многие азербайджанцы сами выдавали своих соседей-армян. Одна женщина «навела» бешеную толпу, когда та уже прорвалась дом одного армянина. Но были и другие случаи. Нас, например, спрятала интернациональная семья. Мать русская у моей подруги, а отец - азербайджанец. Наш друг-азербайджанец сказал, что это надолго все. Сам он прячется, боится за свою семью. Еще мы видели, как двое азербайджанцев ходят со списком и проверяют, живут ли армяне в квартирах или нет. Наш спаситель хотел позвать милицию, но та отвернулась, а те двое убежали. Армяне стали даже менять таблички с фамилиями на дверях, чтобы фамилия выглядела азербайджанской. Чего со страху не сделаешь!

Мы видели, как долго лежали на улице тяжелораненые, им никто не помогал. Трупы никто не убирал. Врачи не помогали армянам. «Скорая» не приезжала, да и связь в городе не работала. В магазины армяне не могли выйти. Хлеб нам приносили некоторые из соседей. Убитых хоронили советские солдаты в братской могиле.

Спасшиеся от резни армяне говорили, что убиты сотни армян, ранено больше тысячи. Точной цифры пока никто не знает, а может, не узнает никогда. Больше всего пострадали 3, 4 и 11 микрорайоны.

Неужели это преступление останется безнаказанным? Скажите.

К.Л.САРКИСЯН

С.Л.САРКИСЯН

“Русская мысль”, Париж, июнь 1988

РЕЗНЯ

Государство рухнуло не в Беловежской Пуще – там делили власть, а не страну; Советский Союз развалился в тот самый миг, когда приравнял геноцид к бытовому хулиганству.

Это для поэта трещина мира проходит через сердце. Для Советского Союза трещина прошла через Сумгаит.

НАС ПОДНЯЛИ ПО ТРЕВОГЕ. Ничего не объяснили. Начальство так любит. В ружкомнате выдали автоматы, по 20 холостых патронов. Вывезли на военный аэродром. Там мы четыре часа маялись в безделье и неизвестности. Ходили разные слухи. Самый устойчивый: в Азербайджане режут армян и нужно разогнать погромщиков. Прапорщик Чаладзе ходит мрачный. Он дружит со штабной телефонисткой Катей и знает лучше нас, что так оно и есть. Понятно, что ему в Закавказье, считай, к себе на родину, с такой миссией ехать не хочется. Но что делать. Служба наша такая: мы – это отдельный полк Внутренних войск.

Началось с ментовской дури. На границе Агдамского и Аскеранского районов милицейский капитан, разгоняя группу то ли дерущихся, то ли митингующих, залез на подножку грузовика, размахивая своим табельным “макаром”. Они на Кавказе привыкли, даже танцую лезгинку, в потолок палить. Вот и он неожиданно для себя выстрелил. И убил одного из толпы. Милиционер – азербайджанец. Застрелил тоже азербайджанца. Кто бы мог подумать, что начнется такое...

У толпы появилась идея, ставшая материальной силой. Толпа решила: во всем виноваты армяне. И запал, миновав Баку, влетел в Сумгаит.

САМОЛЕТЫ ОДИН ЗА ДРУГИМ ЗАХОДИЛИ НА ПОСАДКУ. Ребята расплющили носы о выгнутые чешуи иллюминаторов, вглядываясь вниз. Облака остались где-то вверху, и мы впервые за полтора часа полета смогли увидеть землю. Землю, на которой никогда еще не были... Половину ее закрывает туман. Это парит теплое Каспийское море-озеро. Лишь холодной свинцовой корягой распласталась внизу река. И город на ней – словно нарост на березе. Это на незатуманенной половине. И река, и город называются одинаково – Сумгаит. Река старая-старая,

как и те Кавказские горы, через которые мы перевалили в сплошной молочной пелене. А город совсем новый. Это видно с высоты особенно хорошо. И не похож на обычный город Закавказья. Привычные и горьковчанину, и воронежцу кубики белобетонных домов. Привычные дымящиеся трубы. Сколько их тут...

ПЕРВОЕ СООБЩЕНИЕ о беспорядках, по традиции несколько смягченное, поступило в ЦК КПСС в тот же день. Сначала в оперативной сводке МВД СССР за сутки, а через несколько часов – особо, по каналам КГБ СССР. Генеральному секретарю доложили немедленно. Спрогнозами специалистов КГБ и МВД, которые просчитали возможную динамику развития ситуации. Доложили, что есть первые девять убитых, начинаются погромы, местные органы правопорядка беспомощны; процесс приобретает необратимый характер. Генсек, получив информацию, связался с Баку. – Я думаю, азербайджанские товарищи сами справятся, – вынес он вердикт.

Многотысячная толпа на главной городской площади в ущелье между Дворцом культуры и зданием горкома партии бурлила и не собиралась расходиться. Все резче были слова, все откровеннее угрозы в адрес армян. Одновременно группы обкурившихся анашой людей шастали по домам, пока вдали от центра, выпрашивая, где живут армяне. Уже выламывали двери, врываются в квартиры, грабили, избивали, насиловали, убивали.

Очередная сводка пришла в Кремль утром. Не менее 20 убитых. Погромы приняли массовый характер. Местные органы власти не могут взять ситуацию под контроль. Министру внутренних дел СССР было отдано распоряжение принять меры по локализации и ликвидации конфликта. Председателю КГБ – обеспечить содействие.

НАШ САМОЛЕТ СЕЛ ВТОРЫМ. Ребята из первой машины стояли в две шеренги. Мы тоже молча построились. Рядом со взлетно-посадочной полосой – колонна автобусов. Видно, сняты с городских маршрутов. Вдали маячила большая группа офицеров. И генералы. Наш капитан коротко проинструктировал роту: “Мы в Сумгаите. Это Азербайджан. Здесь начались массовые волнения, грабежи на межнациональной почве. Азербайджанцы с армянами все никак не помирятся. Наша задача – успокоить, разогнать, обеспечить порядок. Взять под охрану мирное

население. Стрелять только в крайнем случае и в воздух”. Чудак капитан. У нас же холостые. Он что – забыл? Главное наше оружие – щиты и дубинки. И локоть друга.

Сели в автобусы. Нет водителей. Сбежали. С ключами. Сидим, ждем. Наконец какой-то начальник принимает решение: “Кто имеет водительские права – за баранку. Зажигание замкнуть напрямую. Я отвечаю”. Это у нас умеет Валек. Он выдергивает из-под приборного щитка провода, скручивает их... Едва въехали в город – остановились. Улицу запрудила толпа. Кто-то кинул булыжник в ветровое стекло нашего автобуса, третьего в колонне. И понеслось. Толпа плотно обступила автобусы и давай бить окна, стараясь дотянуться до нас. Это, наверное, и есть крайний случай. Я дергаю затвор и даю короткую очередь над головами. Мгновенно отхлынули остолбенев. Мы быстро выгрузились и начали оттеснять толпу. Вдруг позади что-то полыхнуло. Я оглянулся – наш автобус горит.

Потом я видел их зажигательные “гранаты”. Изымали при обысках. Наполненный бензином 250-граммовый пузырек с делениями – такие в детской молочной кухне моя жена получала – заткнут пробкой, залитой лаком. К пузырьку примотан изолентой небольшой, сантиметров 10, кусочек геологического бикфордова шнура. Готовились.

ПЕРВЫМ УПАЛ САШКА. Он со мной призывался из Кургана. И шел рядом в цепи. Я даже не понял, что с ним случилось. Лицо его стало белее мела. И стянулось какой-то неподвижной маской. Только рот открыт широко и хрипло хватает воздух. И помочь нельзя. Орущая толпа, готовая растерзать, вплотную. Мы чуть сдвинулись, его нишу в строю закрыв, и еще бешенее начали молотить. Потом еще пара ребят из моего взвода упала. В толпе кто-то крикнул: “Да у них холостые. Бей гадов!”

Теперь мы спасали только себя. Отбивались прикладами автоматов, ногами, тычком стволов в оскаленные физиономии. Нас оттеснили. Мы уходили, унося раненых ребят. Потом выяснилось, что “демонстранты” были вооружены кусками заточенной арматурной стали и проинструктированы. Они всаживали свои заточки снизу вверх, под бронежилет, едва лишь намечалась щель между щитами: за два дня наш полк потерял ранеными 96 человек. Благо что не было убитых.

А толпа зверела, чувствуя не столько свою силу, сколько безнаказанность. Зверела, зная, что у нас одни холостые, и те кончились. Может быть, главное, что мы сделали, – это отвлекли злобу толпы на себя. Об армянах вроде как и забыли. Нас же – всего полк безоружных на громадный город. Попробуй усьмири. И все же усьмирили.

Генерал-лейтенант Краев, армейский начальник штаба Южного направления ЗакВО, которого после введения военного положения назначили военным комендантом города, увидев развитие событий, взял ответственность на себя. И нам помогли братишки Каспийской флотилии. Их тоже сюда бросили.

АРМЯН ОКАЗАЛОСЬ в городе тысячи полторы. Их собрали на площади. Оцепили морской пехотой. Охраняли круглосуточно. Но главной задачей начальство почему-то ставило сохранить банк и сберкасса. Их тоже отстояли. Правда, без окон. Наша беспомощность толпу ободряла. Она уже не обращала внимания на то, что подошли морские пехотинцы и даже подразделение бакинской милиции. Толпа орала: “Стреляй, русская скотина!”. БМП, после предупреждений через мегафоны, все-таки двинулись вперед. Как и положено, по проезжей части дороги. К ночи по городу отловили человек 400–500 наиболее злобствующих, сгребли их на городской стадион. Утром начали проводить идентификацию, всех фотографировали. Но этим занимались уже другие люди, прилетевшие из Баку и из Москвы.

Со спасенными армянами поступили так. Каждого спрашивали, куда он хочет выехать на жительство, просили назвать хотя бы одного знакомого в том месте – и отправляли. Кое-что мне показалось удивительным. Во-первых, многие армяне просились в Россию, в основном в Краснодарский край, в Ростовскую область. И второе. Следователи из Москвы просили их анонимно, так, что никто не узнает, назвать людей, участвовавших в погромах. И ни один не назвал. Хотя многие знали. Многих грабили их же соседи. Ведь город, в сущности, не такой уж и большой.

НЕДАВНО Я ПРОЧИТАЛ: два американца из штата Техас заявили о желании собирать подписи граждан штата для отделения Техаса от США. Американская Фемида сработала мгновенно и жестко: каждый из них уплатит по 20 000 долларов штрафа и получит пожизненное заключение.

В Сумгаите было убито 32 человека. Несколько человек осудили за

мордобой, одного приговорили к высшей мере, но и он давно уже на свободе. Все наши ребята выжили, хотя некоторые остались калеками.

Анатолий Мостовой 1999г.

Источник: <http://palmira.livejournal.com/1346165.html>

КАРЕН МАТЕВОСЯН

Мы жили в пятиэтажном доме, расположенном почти в центре города. 27 февраля около 3 часов дня, услышав шум с улицы и выглянув в окно, я увидел приближающуюся толпу. Мы всей семьей вышли на балкон посмотреть, что происходит. Впереди толпы, в которой были как взрослые, так и дети, шла голая женщина. Ее сзади подгоняли тычками и ударами ног, били камнями. Женщина танцевала, и невозможно было понять, заставляли ее это делать или она лишилась разума. Впоследствии мы узнали, что эту молодую армянку потащили за волосы во двор, оглушив ее мужа ударом по голове чем-то тяжелым. Женщину вели на поляну, которая находилась позади нашего дома. Из чайханы, мимо которой проходила толпа, выходили молодые и пожилые мужчины и выплескивали на жертву горячий чай. Я велел членам моей семьи войти в дом, а сам продолжал наблюдать за происходящим. Приведя женщину на поляну, толпа (около 100 человек) стала бить ее, колоть ножами и другими острыми предметами, тушить на ее теле сигареты. Ударяли камнями по голове. Она падала, ее поднимали и снова били камнями. Кто-то отрезал женщине ухо, потом грудь. Ее, уже мертвую, продолжали тыкать ножами. Потом люди из толпы стали звать прохожих посмотреть на обезображенный труп. Затем принесли бензин, залили им труп и подожгли. Через некоторое время подъехала какая-то машина, и толпа рассеялась. Я понял, что они не разошлись, а направились в другое место, где шли погромы. Только после этого в сопровождении БТРа приехала машина “скорой помощи” и забрала полуобгоревший труп.

Армянские погромы в Сумгаите носили организованный характер и совершались с ведома и при участии местных властей: ночью 25 февраля к нам во двор заехала белая “Волга”. Из нее вышли несколько незнакомых молодых мужчин. Из обрывков доносившегося до меня разговора и по жестам я понял, что они обсуждают план предстоящего дела и уточняют кое-какие моменты. Потом они разошлись по нескольким подъездам и, вернувшись спустя некоторое время, сели в машину и уехали. Днем 26-го февраля в дверь к нам позвонили.

Это был монтер-азербайджанец, пришедший по вызову. Между делом он посоветовал матери не сразу открывать на звонок. На вопрос, “почему?” ничего определенного не ответил. Уже после всего случившегося, в первой декаде марта монтер явился снова. Мать стала упрекать его в том, что он знал что-то, но не сказал. “Я что, враг себе? Я же предупредил вас”, - ответил он. Позже уже всплыли наружу факты, подтверждавшие, что сумгаитские погромы тщательно планировались: в паспортном столе городского отдела внутренних дел уточнялись адреса армян, крестом отмечались двери армянских квартир, отключались телефоны, к армянским кварталам заранее подвозились булжники и специально изготовленные на заводах пики, которые впоследствии использовались в качестве орудия убийств.

В те дни по республиканскому телевидению показывали передачи на какие-то отвлеченные темы, обсуждали, к примеру, вопрос, почему в столице нет памятника лошади, проблему загрязнения Хазара (Каспийского моря) и т. д. О погромах же и убийстве сотен армян не обмолвились и словом. Еще не осознавая до конца происходящее, утром 27 февраля я отправился на работу - в местный трубопрокатный завод. По пути увидел разгромленную мастерскую знакомого армянина, промышлявшего изделиями из гипса. Я не придавал этому особого значения, равно как и тому, что не встретил ни одного армянина, хотя в нашем цехе работали в основном армяне. У ворот завода стояло руководство. Я поздоровался, хотел пройти, но меня остановили. “Ты зачем пришел? Ты что, не понимаешь, что в городе убивают армян?” Я по наивности ответил: “То есть как убивают? Что нет властей, нет закона?” Ко мне приставили азербайджанца и велели ему проводить меня до дома. В это время в городе творились массовые беспорядки. В сторону завода шла толпа. Когда она приблизилась, я разобрал выкрики: “Долой армян, смерть армянам”. Нам удалось пройти мимо, не привлекая к себе внимания. В центре города другая толпа переворачивала троллейбус, который подожгли, бросив в него бутылку с зажигательной смесью. Мой попутчик посоветовал опустить голову, чтобы никто из возможных знакомых в толпе не узнал меня, и громко говорить на азербайджанском. Дойдя домой, я, сильно беспокоясь за

членов нашей семьи (9 человек), позвонил в милицию. Меня успокоили, сказав, что принимаются соответствующие меры. Однако вскоре наш телефон отключили. Мы поняли, что остались один на один с разъяренными толпами, стали доставать топоры и другие подручные средства, пригодные для защиты. Больше всего беспокоился за женскую половину - мать, жену и сестру. Мы с отцом готовы были до последнего защищать их. Думали, что если уж суждено случиться беде, то пусть после нас, чтобы пытки и издевательства совершались не на наших глазах. Надежды почти не оставалось никакой...

В те дни многие азербайджанские семьи укрывали у себя армян - соседей, друзей, знакомых. Наши соседи, с которыми мы жили рядом почти 40 лет, нас к себе не позвали. Но когда толпа стала громить армянские квартиры уже в доме напротив, отец с матерью постучались к соседям, попросив принять хотя бы детей. Те поначалу отказывали, говоря, что сами боятся. Но отец не дал закрыть дверь, и мы вошли. С балкона я увидел, что толпа направляется к нашему дому. Вскоре часть ее ворвалась и в наш подъезд. Мы все со страхом готовились к тому, что, найдя квартиру пустой, станут вламываться в дверь к соседям. Но тут произошло неожиданное - во двор заехали два бронетранспортера и два "Урала". Из машин стали выпрыгивать солдаты и вылавливать погромщиков по всем подъездам. На счастье, около нашего дома располагался госбанк, и оперативность военных, по всей видимости, этим и объясняется - им показалось, что толпа нападает на банк.

29 февраля военные установили контроль над Сумгаитом. Армян эвакуировали в здание горисполкома и в Дом культуры, оцепив подступы к ним. Два дня мы практически не ели и не пили. В помещениях была жуткая духота и антисанитария. Умер грудной ребенок. Начиналась эпидемия. Мы все еще не верили в спасение и ждали смерти. На пятый день пришел комендант города - генерал-лейтенант Краев и предложил переехать в загородные пансионаты, где, по его словам, также была гарантирована безопасность, а условия были намного лучше. Поначалу мы к этому отнеслись с большим недоверием, сомневаясь в безопасности. Но одна из семей согласилась поехать, и вскоре глава семьи вернулся и убедил остальных ехать, подтвердив слова генерала. 8 марта Краев приехал снова и сообщил, что

город очищен от погромщиков, но после всего случившегося он не советовал бы армянам дальше здесь жить. На следующий день мы приехали домой, и стали собирать вещи. А в конце марта переехали всей семьей в Степанакерт, где до сих пор и живем.

ИА REGNUM, 28.02.2006

<http://www.regnum.ru/news/polit/597328.html>

